

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ISSN 2658-5413

Ф

илософические
письма.

Русско-европейский
диалог

3/2022

P

hilosophical Letters.

Russian and European Dialogue

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИАЛОГА

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

2022
Том 5, № 3

ISSN 2658-5413

Эл. почта: philletters@hse.ru

Веб-сайт: phillet.hse.ru

Адрес редакции: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. 217

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Редакция

Главный редактор

Владимир Карлович Кантор

Заместитель главного редактора

Марина Сергеевна Киселева

Ответственный секретарь

Анна Александровна Доронина

Шеф-редактор

Сергей Максимович Малков

Научный редактор

Ольга Анатольевна Жукова

Серийное оформление

Петр Павлович Ефремов

Компьютерная верстка

Игорь Юрьевич Кротов

Корректор

Марина Владиславовна Нагришко

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY “HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS”
INTERNATIONAL LABORATORY FOR THE STUDY
OF RUSSIAN AND EUROPEAN INTELLECTUAL DIALOGUE

PHILOSOPHICAL LETTERS. RUSSIAN AND EUROPEAN DIALOGUE

2022
Vol. 5, no. 3

ISSN 2658-5413

Mail: philletters@hse.ru

Web-site: phillet.hse.ru

Address: 217, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

Editors

Editor-in-Chief
Vladimir Kantor

Deputy Editor-in-Chief
Marina Kiseleva

Executive secretary
Anna Doronina

Chief Editor
Sergey Malkov

Scientific Editor
Olga Zhukova

Layout designer
Peter Efremov

Computer layout
Igor Krotov

Proofreader
Marina Nagrishko

Редакционная коллегия

Владимир Карлович Кантор,

д. филос. н., профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Международной лабораторией (МЛ) исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Марина Сергеевна Киселева,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, главный научный сотрудник МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, профессор кафедры истории и философии науки ИФ РАН, Москва

Анна Александровна Доронина,

стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, аспирант школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Бенами Баросс Гарсиа,

PhD, доцент, Университет Гранады, Испания

Константин Абрекович Баршт,

д. филол. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург

Ирина Захаровна Белобровцева,

д. филос. н., профессор эмеритус, ст. научный сотрудник Таллинского университета, Эстония

Филипп Буббайер,

PhD, профессор, профессор Кентского университета, Великобритания

Игорь Леонидович Волгин,

д. филол. н., к. ист. н., президент Фонда Достоевского, Москва

Людмила Димерская-Цигельман,

PhD, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль

Януш Добешевский,

PhD, профессор, профессор Варшавского университета, Польша

Ольга Анатольевна Жукова,

д. филос. н., профессор, гл. науч. сотр. МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, академический руководитель ОП «Философская антропология», научный руководитель философской и культурологической магистратуры НИУ ВШЭ

Корнелия Ичин,

д. филол. н., профессор филологического факультета Белградского университета, Сербия

Алексей Алексеевич Кара-Мурза,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, Главный научный сотрудник МЛ

исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, Москва

Наталья Васильевна Корниенко,

член-корреспондент Российской академии наук, заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН, Москва

Хольгер Куссе,

PhD, профессор, директор Института Славистики Дрезденского технического университета, главный редактор журнала «Zeitschrift fuer Slawistik», Германия

Владислав Александрович Лекторский,

д. филос. н., профессор, академик Российской академии наук, Москва

Леонид Люкс,

PhD, профессор, научный руководитель МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры», профессор Католического университета г. Айхштэтт, Германия

Алексей Валерьевич Малинов,

д. филос. н., профессор, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург

Николетта Марчиалис,

PhD, профессор, профессор Римского университета Тор Вергата (Roma Due), главный редактор журнала «Studi Slavistici», Италия

Федор Борисович Поляков,

PhD, профессор, профессор Венского университета, Австрия

Ричард Темпест,

PhD, профессор славянских языков и литератур Иллинойского университета в Урбане-Шампейн, старший редактор Journal of Political Marketing, США.

Валерий Александрович Тишков,

д. ист. н., профессор, министр по делам национальностей Российской Федерации (1992), вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук, академик Российской академии наук, Москва

Татьяна Витаутасовна Чумакова,

д. филос. н., профессор, профессор Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург

Татьяна Геннадьевна Щедрина,

д. филос. н., профессор, профессор МПГУ, Москва

О журнале

«Философические письма. Русско-европейский диалог» — академический рецензируемый журнал, посвященный теоретическим, эмпирическим и историческим исследованиям интеллектуального диалога России и Европы как равноправных партнеров. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры, рецензии, рефераты и архивные материалы.

Цель

Наладить прямой контакт с западными коллегами для того, чтобы не просто предоставить возможность высказаться на страницах русских изданий (для этого много других площадок), а включить их в прямой диалог по проблемам взаимоважным для русской и европейской мысли.

Тематические рубрики

- Философия в литературном контексте.
 - Россия как иная Европа: культурфилософский контекст.
 - Русский путь к просвещению.
 - Современные аспекты диалога России и Европы.
 - Социальные трансформации в современном мире и сохранность интеллектуальной культуры.
 - Архивные материалы. Из неопубликованного.
- Научная жизнь. Рецензии. Обзоры.

Наша аудитория

- исследователи, занимающиеся изучением истории русской мысли, интеллектуальной историей России, русской литературой;
- преподаватели российских и зарубежных вузов по специальностям, связанным с историей философии;
- студенты, аспиранты и докторанты, изучающие соответствующие дисциплины;
- западные слависты, исследователи русской истории и культуры;
- журналисты и практики, занимающиеся решением социальных проблем России и вопросами коммуникации с Западной культурой;
- люди, не профессионально интересующиеся изучением наследия русской мысли.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: phillet.hse.ru. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: philletters@hse.ru.

Editorial Board

Vladimir Kantor,

Doctor of Philosophy, Professor at the National Research University “Higher School of Economics”, head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of National Research University “Higher School of Economics”

Marina Kiseleva,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics, Moscow

Anna Doronina,

postgraduate student in School of Philosophy of Faculty of Humanities of National Research University “Higher School of Economics”, research assistant at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue

Benamí Barros García,

PhD, Associate Professor, University of Granada, Spain

Konstantin Barsht,

Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Irina Belobrovtsseva,

Doctor of Philosophy, Professor Emeritus, senior research fellow at the Tallinn University, Estonia

Philip Boobbyer,

PhD, Professor at the University of Kent, Great Britain

Igor Volgin,

Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, President of the Dostoevsky Foundation, Moscow

Lyudmila Dimerskaya-Zigelman,

PhD, Professor at the Hebrew University of Jerusalem, Israel

Janusz Dobieszewski,

PhD, Professor of Philosophy at the University of Warsaw

Olga Zhukova,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of the National Research University “Higher School of Economics”. Academic Supervisor of the Philosophical Anthropology EP, Academic Supervisor of the Philosophical and Culturological Master’s Degree at the Higher School of Economics

Cornelia Ichin,

Doctor of Philology, Professor at Faculty of Philology of the University of Belgrade, Serbia

Alexey Kara-Murza,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sci-

ences, chief research fellow of the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics, Moscow

Natalya Kornienko,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, the head of the Department of Modern Russian Literature and Literature of the Russian Abroad, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Holger Kuße,

PhD, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies of Dresden Technical University, Editor-in-Chief of the journal “Zeitschrift fuer Slawistik”, Germany

Vladislav Lektorsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Leonid Luks,

PhD, Professor, academic supervisor of the International Laboratory for the Study of Russian and European Dialogue of National Research University “Higher School of Economics”, editor-in-Chief of the journal “Forum noveishey vostochnoevropeskoy istorii i kultury”, Professor at the Catholic University of Eichstätt, Germany

Alexey Malinov,

Doctor of Philosophy, Professor at the Saint-Petersburg University

Nicoletta Marcialis,

PhD, Professor at the University of Rome Tor Vergata (Roma Due), Editor-in-Chief of the journal “Studi Slavistici”, Italy

Fedor Polyakov,

PhD, Professor at the University of Vienna, Austria

Richard Tempest,

Professor of Slavic Languages & Literatures at the University of Illinois Urbana-Champaign, chief editor of the Journal of Political Marketing, USA

Valery Tishkov,

Doctor of Historical Sciences, Minister for Nationalities of the Russian Federation (1992), Vice-President of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Tatyana Chumakova,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Tatyana Shchedrina,

Doctor of Philosophy, Professor at the Moscow Pedagogical State University, Moscow

About the Journal

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in intellectual dialogue between Russia and Europe as equal partners. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue* publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and archival materials.

Aims

To establish direct contacts with Western colleagues in order to provide them with an opportunity to speak on the pages of Russian periodicals and include them in a direct dialogue on issues of mutual importance for Russian and European thought as well.

Scope and Topics

- Philosophy in a literary context.
- Russia as a different Europe: cultural and philosophical context.
- Russian way to enlightenment.
- Modern aspects of the dialogue between Russia and Europe.
- Social transformations in the modern world and the preservation of intellectual culture.
- Archival materials.
- Reviews.

Our Audience

- researchers engaged in the study of the history of Russian thought, the intellectual history of Russia, Russian literature;
- teachers of Russian and foreign universities in specialties related to the history of philosophy;
- undergraduate and postgraduate students studying relevant subjects; Western Slavic scholars, researchers of Russian history and culture;
- journalists involved in solving social problems of Russia and issues of communication with Western culture;
- people who are not professionally interested in studying the heritage of Russian thought.

Subscription

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an open access electronic journal and available online for free via phillet.hse.ru. To receive messages about new issues, please subscribe to the journal's newsletter at: philletters@hse.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

Кантор В. К. —

Эстония как любовь и как проблема 11

Поздравляем с юбилеем!

Лекторский В. А., Труфанова Е. О. —

«Межкультурный диалог — необходимое условие существования философии»: беседа с академиком РАН В. А. Лекторским 33

Европа и Россия: парадоксы родства

Мартынов А. В. —

Лихтенштейн как проблема и проблема Лихтенштейна:
судьба воинов 1-й Русской национальной армии 51

Хайлова Н. Б. —

Почему «Петербургская Россия» так и не победила «Московскую Русь»?
(М. М. Ковалевский о проблеме заимствования зарубежного опыта) 73

Чумакова Т. В. —

Пиетизм в русской религиозно-философской мысли XVIII–XIX веков 84

Литература. Философия. Религия

Колеров М. А. —

Прокси-национализм русского социализма и украинский вопрос в СССР 104

Гапоненков А. А. —

Священное Писание в работах С. Л. Франка: путь к экзегетике Откровения 141

Самойлова О. Г. —

Сигизмунд Кржижановский: этика и поэтика 159

Память культуры

Андрущенко Е. А. —

Мифологема Петра Великого в публицистике Д. С. Мережковского 185

Гайда Ф. А. —

Наполеон, Фауст, Гамлет, Христос:
проблематика свободы и «личности» в России в 1838 году 201

Баженова О. Д. —

Художники Беларуси конца XIX — начала XX века:
между европейскостью и идентичностью 219

Научная жизнь. Рецензии. Обзоры

Луцевич Л. Ф. —

Об академическом издании книги Д. С. Мережковского
«Л. Толстой и Достоевский: исследование» 227

<i>Гуреева Е. А.</i> —	
О книге Г. А. Ландау «Сумерки Европы»	236
<i>Волкова А. А.</i> —	
Слово против хаоса Владимира Кантора	245
Зеркало Гутенберга	254

CONTENTS

From the Editor

- V. Kantor* —
Estonia as Love and as a Problem 11

Congratulations on the Anniversary!

- V. Lektorsky, E. Trufanova* —
“Intercultural Dialogue — is a necessary
Condition for the existence of Philosophy”:
The conversation with Academician of RAS V. A. Lektorsky 33

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

- A. Martynov* —
Liechtenstein as a Problem and the Problem of Liechtenstein:
The Fate of the Soldiers of the 1st Russian National Army” 51
- N. Khailova* —
Why did “Petersburg Russia” never defeat “Muscovite Russia”? (M. M. Kovalevsky on the
problem of borrowing foreign experience) 73
- T. Chumakova* —
Pietism in Russian Religious and Philosophical Thought of the 18th–19th Centurie 84

Literature. Philosophy. Religion

- M. Kolerov* —
Proxy-nationalism of Russian Socialism and the Ukrainian Question in the USSR 104
- A. Gaponenkov* —
Holy Scripture in the Works of S. L. Frank: Path to the Exegesis of Revelation 141
- O. Samoylova* —
Sigizmund Krzhizhanovsky: Ethics and Poetics 159

Memory of Culture

- E. Andrushchenko* —
The mythologem of Peter the Great
in D. S. Merezhkovsky’s periodical publications 185
- F. Gayda* —
Napoleon, Faust, Hamlet, Christ:
The Problems of Freedom and “Personality” in Russia in 1838 201
- O. Bazhenova* —
Artists of Belarus at the Late of 19th — Early 20th Centuries:
Between Europeanness and Identity 219

Academic Life. Reviews

L. Lutsevich —

About the Academic Edition of the D. S. Merezhkovsky's Book

L. Tolstoy and Dostoyevsky: Research 227

E. Gureeva —

About the Book of G. A. Landau *Twilight of Europe* 236

A. Volkova —

Word Against Chaos by Vladimir Kantor 245

In a Gutenberg's Mirror 254

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 11–32.

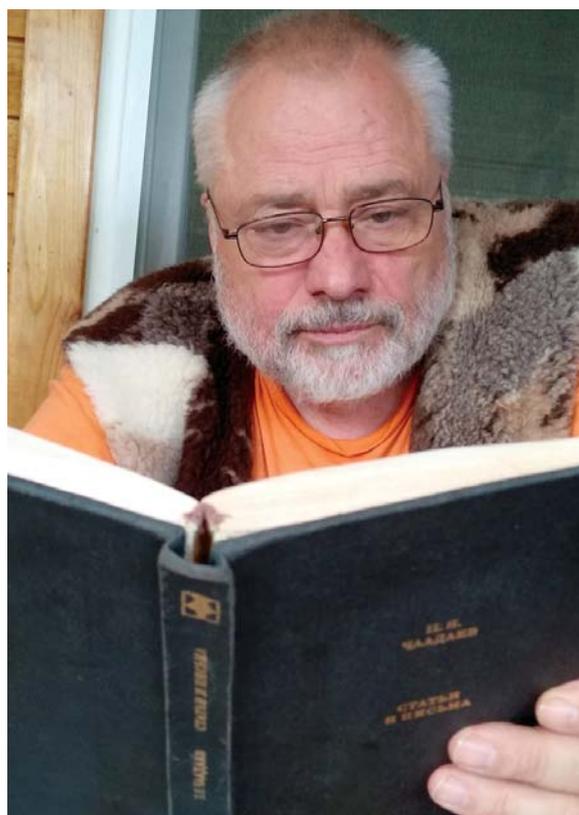
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 11–32.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-11-32

ЭСТОНИЯ КАК ЛЮБОВЬ И КАК ПРОБЛЕМА

Владимир Карлович Кантор

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В своей статье автор анализирует амбивалентную природу взаимоотношений России и Эстонии. Он показывает близость русских и эстонских писателей и культур-философов. И вместе с тем существует бытовая и политическая русофобия. Отчасти это связано и с историей СССР, подавлением эстонского противостояния большевиками, и с комплексом маленькой страны, которая была вынуждена подчиняться большому соседу. Любовь русских интеллектуалов к Эстонии остается, как и общие угро-финские корни, которые мы чувствуем.

© Кантор В. К., 2022

Ключевые слова: Таллинн, Лотман, Эдуард Тинн, Леннарт Мери, русофобия, Игорь Северянин, немецкий язык, Михельсон, угро-финский субстрат, эстонское посольство, Наталья Горбаневская, Майму Берг, турецкий профессор, Рейн Рауд

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Эстония как любовь и как проблема // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 11–32. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-11-32>.

From the Editor

ESTONIA AS LOVE AND AS A PROBLEM

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the article the author analyzes the ambivalent nature of relations between Russia and Estonia. He shows the closeness of Russian and Estonian writers and cultural philosophers. And at the same time, there is the everyday and political Russophobia. This is partly due to the history of the USSR, the suppression of the Estonian confrontation by the Bolsheviks, but also the complex of a small country that was forced to obey a big neighbor. The love of Russian intellectuals for Estonia remains, as well as the common Finno-Ugric roots that we feel.

Keywords: Tallinn, Lotman, Eduard Tinn, Lennart Meri, Russophobia, Igor Severyanin, German, Michelson, Finno-Ugric substratum, Estonian embassy, Natalia Gorbanevskaya, Maimu Berg, Turkish professor, Rein Raud

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V.K. (2022) 'Estonia as Love and as a Problem', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 11–32. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-11-32.

Сегодня это один из уморительно-грозных прибалтийских тигров, рычащих на Россию. Но для меня Эстония была первая и очень долго самая любимая европейская страна. Страна? Ну, скорее всего, страна. Хотя всегда считалась в Российской империи провинцией — Эстляндией. Правили ею прибалтийские немецкие бароны, но верные русские подданные. В советское время она, да и вся Прибалтика, стала своего рода прихожей Европы, но для русских людей почти настоящей Европой. Так получилось, что я побывал во всех трех прибалтийских республиках.

В возрасте четырех лет я попал в детский сад на Рижском взморье, папа постарался. Денег у родителей было очень мало, поэтому отец устроился на рискованную должность старшего пионервожатого, отвечающего за жизнь подростков, весь день торчащих на пляже. Как вспоминаю, дети там были в основном латышские, но говорили все по-русски. К отцу приехал из Риги мамин двоюродный брат Фридрих (Фридка) Гайлис, его отец был из печально знаменитых латышских стрелков, охранявших Ленина. Но в советской Риге он жил хорошо, а его сын Фридка, мамин кузен, даже стал потом мэром столицы. К отцу латышские подростки относились неплохо, ведь имя отца — Карл Моисеевич — звучало не по-русски, даже отчасти по-немецки. А немцы долго Прибалтикой владели и обустроили ее на свой лад. Все эти островерхие черепичные крыши, кирхи, узкие улочки Старого города, да и историческая память, что первая каменная церковь была заложена в 1201 году священником Альбертом, выходцем из Бремена. Если сегодня три прибалтийских тигра рычат и пытаются кусаться, тогда ворчали и совершали как бы случайные мелкие злодеяния. Один эпизод я запомнил, хотя тогда не понял того, что произошло. Но испугался до пустоты внизу живота. Мы с отцом пришли на берег взморья, улеглись на песке рядом с небольшими кустиками. Сравнительно близко летал волейбольный мяч. Среди игравших в волейбол под присмотром учителя физкультуры латышских подростков появился русский мальчик, к нему бросились латышские мальчишки с приветственными возгласами, начали похлопывать по плечам, по спине, русский мальчик только неловко улыбался, как вдруг они его подхватили на руки и принялись подбрасывать со смехом вверх и ловить. Тут внезапно и случилось это страшное. В какой-то момент они раступились. И русский мальчик тяжело упал спиной на утоптаный песок. К

нему побежал физкультурник, побежал и мой отец, у мальчика что-то внутри порвалось, потому что изо рта потекла струйка крови. Быстро сбегали в местную поликлинику, приехали врач и медсестра. И пострадавшего увезли. Мы тоже ушли с пляжа.

Но это, наверно, не самое удачное введение в тему Прибалтики. Хотя и важное, как я дальше покажу. Вообще-то я хотел рассказать о любимой Эстонии и через свой опыт показать ее. У Солженицына в «Одном дне Ивана Денисовича» герой рассуждает так: «Вот, говорят, нация ничего не означает, во всякой, мол, нации худые люди есть. А эстонцев сколь Шухов ни видал — плохих людей ему не попадалось». Пожалуй, я готов с ним согласиться. Именно Эстония в туповатые советские годы разрешила «школу Лотмана». Никто другой в эти годы не мог даже мечтать о таком. Ее иногда, правда, эвфемистически называли «тартуской школой». Впрочем, у Тарту старые университетские корни, знаменитый Дерпт, где учились в позапрошлом и прошлом веках молодые русские интеллектуалы.

Попал я в Таллинн, а потом уже проехал и по другим городам давно, в 1970-м. В том году я поступил в аспирантуру московского Института истории искусств, со мной вместе поступил эстонец Эдуард Тинн, который мой друг и сегодня. Его дед и отец были заслуженные артисты Эстонской ССР. И Эду вырос среди художественной элиты. Но при этом прошел советскую армию, а потом поступил в театральный, притащив за собой пару армейских друзей. Он сразу поразил меня своей твердостью и умением переносить неожиданные удары. Какая-то упрямая, как мне казалось, эстонская нестигаемость. В первые же несколько аспирантских недель ему пришла телеграмма о смерти отца, за месяц до этого умер дед. И дед, и отец давали Эду деньги на жизнь, а у него уже была жена — красавица-еврейка из Харькова по имени Ярослава, они оба окончили ГИТИС, на третьем курсе поженились. Годовалая их дочка очень страдала от последствий менингита, в Москве они нашли знаменитого нейрохирурга, который обещал помощь. Но надо было по меньшей мере жить в столице пару недель. Я предложил свою квартиру, это приятно поразило Эду. Но где достать деньги на операцию? Медицина была тогда бесплатной, но редкие операции всё же стоили денег. А мой новый знакомец после смерти старших оказался на большой мели. Ярослава работала актрисой в таллиннском театре, зарплата мизерная. Эду вернулся в Таллинн и воспользовался тем, что в протестантской Эстонии на похоронах всегда есть человек, который произносит прочувствованную речь о достоинствах покойного. Он стал таким человеком, говорить он умел. Это приносило приличные деньги. Тинн удержался на плаву. И тут одно *nota bene*: существует в нашем сознании устойчивая легенда о медлительно-

сти эстонцев во всем. Стоит эстонец у железной дороги, вдруг видит — идет дрезина, там сидит другой эстонец. Прохожий поднял руку, дрезина остановилась. «Талеко ли до Таллинна?» Ответ: «Нет, не отшень талеко». «Возьмешь с собой?» — «Садись». Едут. Через пару часов снова вопрос: «Талеко ли до Таллинна?» Дрезинщик в ответ: «Та. Теперь отшень талеко». Но Тинн был совсем другой. Настоящий эст, метр восемьдесят, светлые волосы, голубые глаза, широкие плечи, двухчасовые утренние пробежки по берегу моря, быстрая реакция на жизнь, но и невероятная доверчивость. Однако когда со второго курса ГИТИСа его забрали в армию, он быстро сориентировался. После недельной маршировки новобранцев выстроили, и сержант спросил, есть ли среди новеньких фельдшер. Эду сделал шаг вперед: «Так точно. Это я». Он сбегал в казарму и принес документ на эстонском языке, где сказано было, что он окончил школу каменщиков по третьему разряду. Сержант ошалело посмотрел на бумагу, Эду ткнул пальцем: «Вот моя фамилия латинскими буквами — Eduard Tinn. Видишь?» Тогда сержант сказал, что в медпункте лежит еще один новобранец и ему нужно сделать укол. Эду пошел, увидел прыщавую задницу и приказал себе не бояться (уколов раньше он никогда не делал), воткнул шприц куда надо — и весь свой армейский срок отслужил фельдшером.

Эду и оказался моим Вергилием, который ввел меня в эстонский мир. В любой монастырь, в любую страну нельзя не только входить со своим уставом, но и просто одному. Тебя, может, и не обидят, но не примут дружески. Это я понял спустя год. Пока же я просто приехал на поезде в Таллинн, меня встретил Эду, и мы на трамвае поехали на улицу Кундери, где стоял дом в стиле немецкого модерна конца тридцатых годов. На лифте поднялись на четвертый этаж, на площадке дверь квартиры Эду была в углу. Мы вошли, я вошел как в музей. Квартира, в которой жили два поколения весьма известных актеров. На стене в коридоре перед входной дверью висела писаная маслом голая девушка. Картина показалась мне грубой, слишком ясно были вырисованы соски и волосатый треугольник внизу живота. Такой китч тридцатых годов. Тинн провел меня по квартире: в центре столовая, она же гостиная с роялем у стены, в центре комнаты продолговатый стол и полдюжины стульев. Две спальни, родительская и детская, кабинет Эду с диваном, на котором он спал, жена спала в детской. В коридоре и его кабинете вдоль стен стояли книжные полки. Да, важно добавить: он увидел у меня дома десятитомник Достоевского 1956 года, лежавший в углу, поскольку я как раз выкупил новое собрание в 30-ти томах. И попросил этот десятитомник, в этот приезд я как раз привез его. Эду был читающий, хотя спортсмен, даже президент эстонской федерации каратэ. Те несколько вечеров, что я провел в его квартире, мы играли в шахматы. И болтали, он мечтал,

Эдуард Тинн

что некогда Эстония станет независимым государством. Когда это случилось, он возненавидел эстонский национализм. Пока же он рассказывал мне (раньше я не слышал) об эстонской белой армии, которая с Юденичем остановила большевиков. Правда, с Юденичем на Петербург эстонцы не пошли, об этом он не сказал. Наверно, не знал. Не знал и того, что эстонцы кинули своих союзников, практически обобрали, а потом отправили на пару лет на лесоповал. Да, нехорошее было время. Когда СССР после войны прибрал к рукам Эстонию, прилетела ответка: несколько тысяч эстонских интеллектуалов оказались на лесоповале в Сибири.

Но эстонская моя расширенная, многомесячная поездка началась, когда Эду встретился на кладбище, где он произносил похоронные речи, с другом покойного отца. Тот был большой партийный начальник, удивился, увидев, чем занимается сын его друга. И пригласил зайти к нему в ЦК. После этого эстонский интеллектуал получил пост главного редактора центральной литературной газеты Эстонии *Sirp ja Vasar*. И у него появилась возможность большей самостоятельности.

И после этого он пригласил меня с докладом не в Русский драматический театр в Таллинне, как раньше (там играла его красавица-жена), а в Общесоюзный эстонский молодежный лагерь Ноорус (Noorus), рядом с Нарвой, под эгидой ЦК ВЛКСМ. Доклад я готовил долго, и он получился. Зал наполнился молодыми парнями лет тридцати, крепкими, одетыми в костюмы, без галстуков.

Девушки, высокие, спортивные, были под стать этим парням. Посмотрев внимательно в зал, Тинна я не увидел. Это было плоховато. Я читал доклад, где говорил о постоянном выборе России — азиатство или европеизм. Но в конечном счете, говорил я, Россия выбирала европеизм, стараясь брать его в очищенном варианте с опорой на античность и христианство. Сказав это, я вдруг подумал, что комсомолы к Богу относятся плохо и еще напишут на меня куда следует. И точно, тему эту они подняли. Встала девица, высокая, с прямыми волосами, и спросила: «А товарищ лектор является ли членом партии?» Я замялся, но ответил твердо: «Нет». Девушка коротко хохотнула: «Я так и думала». И села на свое место. Надо сказать, я был немного удивлен такой партийной заостренностью, считая эстонцев, как настоящих протестантов, прагматиками и идеологически нейтральными. Всё же в каждом мелком городке были действующие кирхи. После моего доклада поднялся местный лидер, поблагодарил меня за доклад и пригласил всех в сауну.

Там мне стало совсем тоскливо. Конечно, я прогрелся, но потом, когда все сели за столы с выпивкой и едой, меня никто не пригласил к банкету, и я присел за ближайший ко мне стол. Удивительно, как в переполненном зале можно почувствовать себя совсем одиноким. Ко мне никто не обращался, со мной не чокались. Это явно звучавшая в воздухе неприязнь к русскому давила меня.

Марина Киселева и Владимир Кантор

Я уже собрался было в свой номер, вылез из-за стола, распрямился. И тут открылась дверь, и в пиршественную залу вошел Эду и сразу направился ко мне: «Володюшка, ты что такой мрачный. Выше нос, товарищ Канто́р!» И обратился к эстонскому молодежному истеблишменту: «Это мой лучший друг, москвич, при этом великий философ Владимир Кантор». Дружеские преувеличения в застолье допускались. Подошел местный лидер, сказал, положив руку мне на плечо: «Ты хорошо говорил, нам понравилось». Я пожал плечами: «Что-то я не заметил». «Видишь ли, — с туповатой прямоотой функционера ответил он, — никогда не знаешь, кого Москва пришлет». Такое откровенное неприятие не просто русских, а даже советского большого начальства было неожиданным. К бытовой эстонской русофобии я почти привык, когда даже в приличном кафе, получив свиную отбивную, лучшее в эстонском меню, что эстонцы переняли у немцев, я спрашивал ножик и салфетку (вилка всё же у тарелки лежала), то получал от официантки в ответ практически откровенное хамство: «А что, разве русские пользуются ножами и салфетками?» Хотелось сказать что-то грубое, но воспитание не позволило.

Через несколько месяцев я оказался в Таллинне со своей второй женой Мариной. Эду в принципе было всё равно, с какой женщиной приезжал его друг, но к Марине он даже привязался, узнав, что в ней есть четвертушка мордовской (угро-финской) крови. То есть тоже отчасти чухонка. Ведь эстонцы — это чухонцы по-простонародному. Как писал Блок, «затерялась Русь в мордве и чуди». Вообще-то мы, высоколобые, мало об этом думали, люди же попроще, оказывается, в этом жили. Как-то я зашел к Льву Турчинскому в мастерскую при Пушкинском музее. Там давно уже шла пьянка, в холле на столе сидел худой мужик, увидев меня, он моргнул и протянул руку: «Ваня, угро-финн». Он сам себя идентифицировал, а сколько людей живут, даже не задумываясь об этом. Тинн потом всегда передавал привет «твоей угро-финке», то есть Марине. А в конце XVIII века все знали, что победителем Пугачева был подданный Российской империи эстляндский дворянин Иван Иванович Михельсон (1740–1807). Он был не эстонец, принадлежал к правившему Эстонией слою — прибалтийским немцам. В Эстонии, как в некоей лаборатории, можно было видеть вхождение низшего слоя в верхние пласты культуры. Михельсон стал для эстонцев своим, как и Тимотеус фон Бок, о котором Яан Кросс написал прекрасный роман «Императорский безумец». Я рецензировал этот роман. Михельсон, лютеранин, родился в Ревеле, нынешнем Таллинне и по праву считается представителем эстонской и русской культуры, подавившим пугачевский бунт, «бессмысленный и беспощадный», по выражению Пушкина, чтобы сохранить Российскую империю, Россию.

В первый приезд Эду поселил нас у своих друзей, актерской семейной пары. Комната их была увешана фотографиями Высоцкого, а в центре — самая большая, где Высоцкий стоял, обнимая за плечи Марину Влади. Примерно неделю или дней пять мы были хозяевами этой жилплощади, но к концу этих дней неожиданно для нас вернулись настоящие хозяева. Мы робко представились: «Марина и Володя. Мы готовы немедленно съехать». Они всплеснули руками: «Ох, надо же, Марина и Володя! Да мы вас не гоним! Что вы! Как-нибудь разместимся! Вы же из Москвы?»

Но, разумеется, я попросил позвонить Тинну, который почти сразу приехал и отвез нас на свою дачу в Муга, на берегу моря. Там был камин, мы пошли гулять среди домов, с искренним восторгом наблюдая аккуратные поленницы, чистые улицы между заборами (пятиметровки), ухоженные дворы. Жаль, что в нашей средней полосе такое редко встретишь, сказала жена. Гуляя, мы спустились к морю, прошли сквозь кусты на невысоком пригорке на песчаный пляж у воды. Дом у моря — это вызывало упоение.

Вечером я неумело растопил камин, на маленьком столике возле камина увидел небольшую открытую пачку сигар, достал одну и важно раскурил ее, хотя сигар не курил, но тут мне хотелось выглядеть по-европейски. Выглядел я, наверно, совершенно идиотически, но моя мудрая жена не сказала мне ни слова. Меня замутило, я вышел на улицу — отдышаться. Потихонечку пришел в себя, и весь вечер мы болтали о чуде эстонской культуры. И это был только быт, позже я открыл эстонскую литературу, и то, как после революции здесь сохранились и остатки старой русской культуры.

В тот вечер в Ноорусе мы пошли в номер Тинна и сели за шахматы. Игроки мы были весьма посредственные, но играли подолгу. При этом без конца говорили. И на этот раз тоже, причем тон и тему задал я. «Послушай, — я не стал ходить, — почему они относятся ко мне как к оккупанту? Почему? Я

Иван Иванович Михельсон (1740–1807), эстляндский дворянин, родился в Ревеле

Санкт-Петербург, 1721 год. Петр I объявляет Ништадтский мир на Троицкой площади.
Издание 1860 года (с картины А. И. Шарлеманя)

что-то не так сказал?» Тинн посмотрел на меня долгим взглядом: «Не к тебе, а к России. Эстония была свободной, а вы ее после войны захватили». Я почувствовал себя кем-то вроде лектора из общества «Знание» и даже руку поднял, призывая к вниманию: «Эду, ты же знаешь историю, знаешь про эстонский полк, воевавший с большевиками. Ты же мне рассказывал об уроженце Ревеля Михельсоне, который подавил пугачевский бунт. Значит, он был российским подданным! И никто Эстонию не завоевывал».

Эду пожал плечами: «Ты еще о Ништадтском мире мне расскажи и что Петр выкупил Эстонию у Швеции». «Ну да! — ответил я. — Так оно и было. Задолго до Михельсона. С 1721 года Эстония стала частью России. И так длилось до Октябрьской революции, когда империя распалась».

Из Нооруса Эду привез меня на свою таллиннскую квартиру на улице Кундери. Я ночевал в его кабинете на кожаном диване. Там я испытал книжное упоение, разглядывая русские эмигрантские книги. Шло у меня потихоньку понимание сложности движения истории. Добавлю, что Эду был членом партии, иначе не стал бы главным редактором. Но относился к своей партийности как к проездному билету. Он жил поверх барьера партийности. А двадцать лет независимости сформировали интеллектуальную элиту. Он водил меня к своим друзьям, таким же крупным парням со здоровым цинизмом. Но один из них, тоже театровед, как и Эду, кажется, его звали Юлев Алоэ, поболтав со

мною, вдруг сбегал на соседнюю улицу, где жил, и притащил мне несколько русских эмигрантских книг — Семена Франка «Непостижимое» (1939), «Крушение кумиров» (1924) и «Смысл жизни» (1925), а также Николая Бердяева «Смысл истории» (1923). Потом, когда я начал издание серии «Из истории отечественной философской мысли», том Семена Франка был составлен из книг, подаренных мне в Таллинне. Меня поразило в библиотеке Тинна сборник русского «короля поэтов» Серебряного века Игоря Северянина (Лотарева) — сборник переводов эстонских поэтов на русский. Оказалось, что он был женат на эстонке, Фелиссе Круут, она составляла для него подстрочники. «Откуда это у тебя?» — невольно спросил я. «Дед с ним дружил», — был ответ. Это пересечение наших культур поразительно. Вообще Эстония, прежде всего Таллинн и Тарту, — своеобразный перекресток, где встречались интеллектуалы разных стран. Наташу Горбаневскую я не видел с 1975 года, когда она эмигрировала во Францию, если общение и было, то через третьи руки, а в Таллинне мы вдруг встретились более чем через 30 лет. И узнали друг друга.

Стихи Северянина об Эстонии:

И вся ты подобна невесте,
И вся ты подобна мечте,
Эстония, милая Эсти,
Оазис в житейской тщете!

Благодаря Тинну я попал в круг эстонских интеллектуалов, актеров и писателей. Он постоянно печатал в своем журнале мои небольшие статьи, я ему поставлял тексты знакомых диссидентов, один из них, крутой диссидент Володя Гершуни, писавший палиндромы (из семьи знаменитого эсера-террориста), ходил и говорил, что эстонские коммунисты (все знали, что во главе журна-

С Натальей Горбаневской (1936–2013), поэтессой, правозащитницей, в Таллинне. 2010

ла партиец) ничего не понимают, что главный редактор, наверно, дубина. Поэтому его печатают. Тинн всё понимал, но авантюрная жилка в нем была сильна. «Пусть лучше называют меня идиотом, но не диссидентом», — ухмылялся он. Я начал читать эстонцев, в переводе на русский, разумеется. И открыл новый мир. Читал и писал о прочитанном. В советское время я много писал об эстонских прозаиках — Яане Кроссе, Мати Унте, Энн Ветемаа, Майму Берг.

С Мати Унтом мы славно болтали. С Леннартом Мери как-то ехали в одном купе из Москвы в Таллинн, общались,

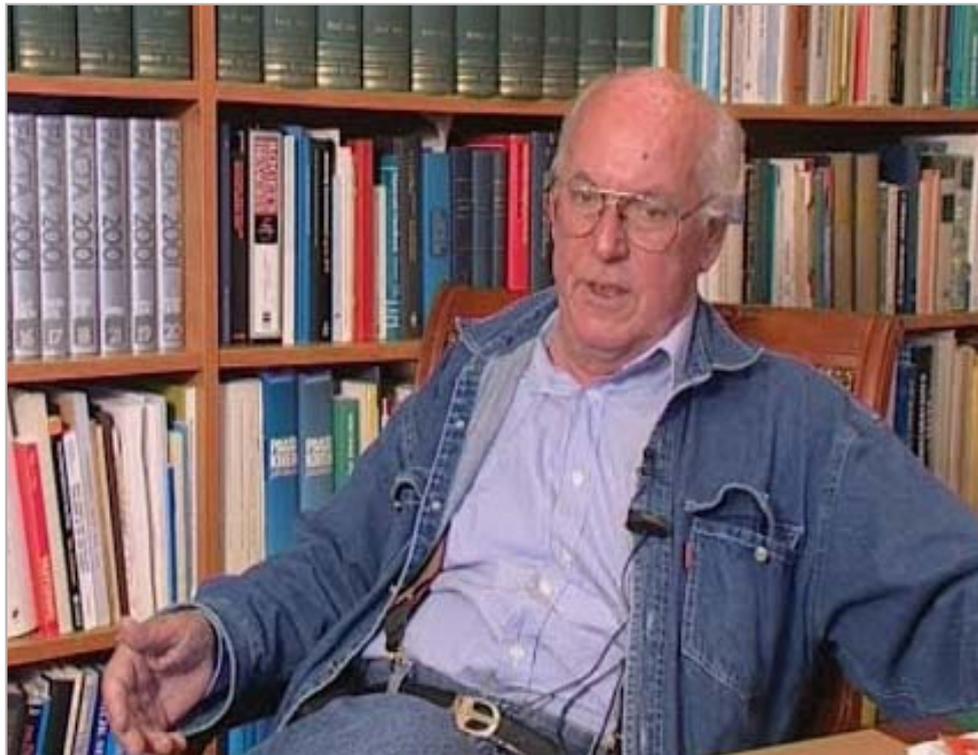
потом Тинн отвез меня в его дом, Мери был невероятно умен и очень много знал, подарил мне свои книги, а потом утром (мы в его доме пили всю ночь) сказал своему шоферу отвезти меня в аэропорт, и в накопителе мне казалось, что я вот-вот умру... Не умер, однако. После смерти писателя и президента (в 1992 году он стал президентом свободной Эстонии) этот аэропорт получил имя Леннарта Мери. Но его жизнь — классическая жизнь эстонского интеллектуала. В 1941 году его семья была отправлена в Сибирь, где Леннарт с 12 лет работал на лесоповале. Отец Леннарта — дипломат и переводчик Шекспира. Знал свободно пять языков. Как писатель, историк и мыслитель, Леннарт Мери разрабатывал тему Эстонии и угро-финского субстрата, лежащего в основе многих стран и народов Восточной Европы, прежде всего России: угро-финские племена — важная часть Древней Руси, это очень хорошо чувствовал Пушкин, в его первой поэме «Руслан и Людмила» два волшебных персонажа — Финн и Наина, персонажи угро-финского этноса. Слово «Финн» всем понятно, но добавлю, что Наина в переводе с эстонского — это женщина.

Как пишут исследователи, интерес к этническому и культурному родству разбросанных финно-угорских народов был темой работ Леннарта Мери в те-

чение всей жизни. Перечислять его книги не буду, можно найти в интернете. А если вспомнить еще двух великих угро-финнов — мордвина патриарха Никона и мордвина протопопа Аввакума, — то и вправду тема угро-финского субстрата в России не покажется выдуманной. Стоит вспомнить Ключевского, цитирую:

Финны, по нашей летописи, являются соседями восточных славян с тех самых пор, как последние начали расселяться по нашей равнине. Финские племена водворялись среди лесов и болот центральной и северной России еще в то время, когда здесь не заметно никаких следов присутствия славян. Уже Иорнанд в VI в. знал некоторые из этих племен: в его искаженных именах северных народов, входивших в IV в. в состав готского королевства Германариха, можно прочесть эстов, весь, мерю, мордву, может быть, черемис. В области Оки и верхней Волги в XI–XII вв. жили три финских племени: мурома, меря и весь. Начальная киевская летопись довольно точно обозначает места жительства этих племен: она знает мурому на нижней Оке, мерю по озерам Переяславскому и Ростовскому, весь в области Белоозера. Ныне в центральной Великороссии нет уже живых остатков этих племен, но они оставили по себе память в ее географической номенклатуре. На обширном пространстве от Оки до Белого моря мы встречаем тысячи нерусских названий городов, сел, рек и урочищ. Прислушиваясь к этим названиям, легко заметить, что они взяты из какого-то одного лексикона, что некогда на всем этом пространстве звучал один язык, которому принадлежали эти названия, и что он родня тем наречиям, на которых говорят туземное население нынешней Финляндии и финские инородцы Среднего Поволжья, мордва, черемисы. Так, и на этом пространстве, и в восточной полосе Европейской России встречаем множество рек, названия которых оканчиваются на *ва*: *Протва*, *Москва*, *Сылва*, *Косва* и т. д. У одной Камы можно насчитать до 20 притоков, названия которых имеют такое окончание. *Va* по-фински значит *вода*. Название самой Оки финского происхождения: это — обрусевшая форма финского *joki*, что значит *река* вообще. Даже племенные названия мери и веси не исчезли бесследно в центральной Великороссии: здесь встречается много сел и речек, которые носят их названия. Уездный город Тверской губернии Весъегонск получил свое название от обитавшей здесь *веси Егонской* (на реке Егоне). Определяя по этим следам в географической номенклатуре границы расселения мери и веси, найдем, что эти племена обитали некогда от слияния Суховы и Юга, от Онежского озера и реки Ояти до средней Оки, захватывая северные части губерний Калужской, Тульской и Рязанской. Итак, русские переселенцы, направлявшиеся в Ростов-

Леннарт Мери (1929–2006), писатель, первый президент постсоветской Эстонии

ский край, встречались с финскими туземцами в самом центре нынешней Веллкороссии.

[Ключевский, 1987, с. 296–297]

Мое знакомство с Эстонией, любовь к ней становились в период открытости Эстонии. Плебейская русофобия ютилась тогда на нижних этажах культуры. Ксенофобия — везде страх чужого, которое кажется сильнее своего.

А однажды Эстония меня спасла. Я работал тогда над романом «Крепость», написал первые десять глав — и тут пошли сумасшедшие обыски у моих друзей. Возле моего дома дежурила машина, меня несколько раз останавливали на улице, проверяли документы и задавали вопрос: «А почему вы не едете в свою Америку?» Я отвечал: «У меня своя Россия есть!» «Вам было бы там лучше, — советовали они мне, — за вами не ходили бы по пятам». В «Крепости» один из персонажей называет членов Политбюро на трибуне мавзолея «15 человек на сундук мертвеца». Уже за одно это в начале 1980-х можно было сесть! И я попросил моего друга Эдуарда Тинна увезти эти десять глав в Эстонию, в Таллинн. А 1986 году забрал их и начал дописывать роман. Точнее, переписывать — с самого начала.

Всё мне нравилось в этой стране, кроме хамства молодых, полуобразованных, как называл такую публику Достоевский. Что касается русофобии ны-

нешнего эстонского начальства, то они ею пытаются замазать свою прошлую верную партийную службу советскому режиму. И дочь бывших партийных функционеров, живших припеваючи при советской власти, ныне требует: «Прекратите выдачу туристических виз россиянам. Посещение Европы — это привилегия, а не право человека». Кто она такая?! Говорит, что Россия в советское время устроила трудности с продуктами, поэтому ей приходилось есть вместо конфет сметану с сахаром.

Но вот эпизод из эстонского моего столкновения с полуобразованными молодчиками в Таллинне. Как-то меня пригласили в Таллиннский университет на две недели с лекциями. Жилье мне выделили в гостиничном корпусе при университете. Это была квартира-распашонка, две комнаты, гостиная и общий туалет. Правда, мне пообещали, что никого ко мне не поделят. Три дня так и было. На четвертый день в соседнюю комнату заселили двух девиц. Эду был у меня, мы сидели в гостиной и пили чай. Увидев нас, девицы нырнули в свою комнату, забаррикадировались и следующим утром съехали. А через день в комнате обосновались два здоровенных эстонских бурша, ворчавших при встрече со мной как цепные собаки. Но в гостиную они не выходили, вместе с выпивкой и закуской гужевались в своей комнате. Мы друг друга вроде бы не замечали. Меня это устраивало, только по утрам удивлялся, что перед

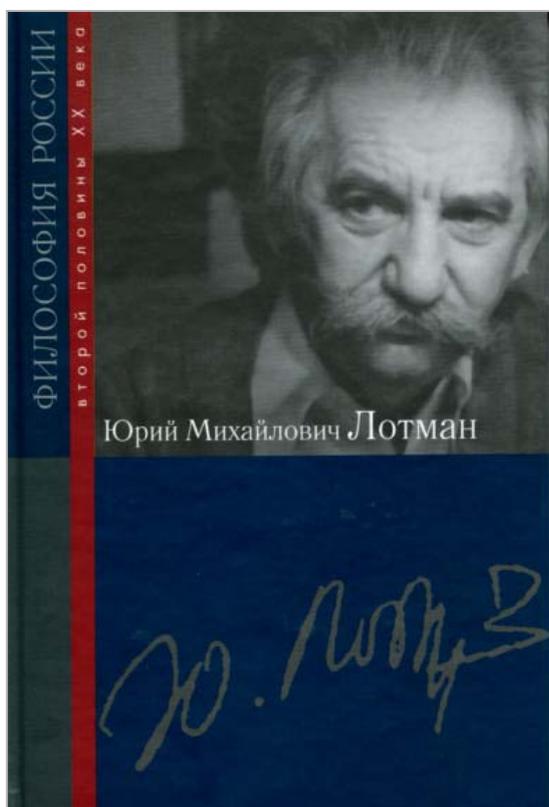

дверью комнаты стояло примерно восемь пар обуви, попеременно женские и мужские туфли. Уж как они там размещались — загадка! Но разгадывать ее я не собирался. Но в последний день табу пришлось нарушить. В 17.00 отходил поезд на Москву. Встал я примерно в восемь. Я хотел принять душ, выпить кофе и, заехав к Эду, двигаться к вокзалу. Выйдя, однако, из комнаты, я не то чтобы остолбенел, но ошалел, это точно. Весь коридор был в блевотине, издававшей омерзительный запах. Кое-как я пробрался в туалет, потом в ванную. О душе думать было нечего. Я человек мирный, но тут разозлился. Пробравшись к их комнате, я постучал в дверь. Никакой реакции. Тогда, закипая постепенно, я ударил в дверь ногой — раз и другой. И тут вылез самый здоровый из двух с опухшей мордой и злобным взглядом. Вместо утреннего приветствия я указал рукой на пол и спросил: «Это твоя работа?» Голос его приобрел совершенно хамский оттенок: «Я этот язык не понимаю». Хамство было очевидно, но я пытался его смягчить: «Инглиш?» Он ответил: «Ноу!» Тогда, припомнив что-то об эстляндских немцах, я перешел на немецкий: «Sprichst du deutsch?» И неожиданно услышал: «Ja!» Тогда я сказал очень злобно: «Schweine! Das ist deine Arbeit? Du muss alles putzen! Verstehst?» «Jawohl, Herr Professor!» — так солдат отвечает офицеру. Я ушел в свою комнату. Через час коридор, туалет и ванная были чистые. Похоже, их девушки тоже пол драили.

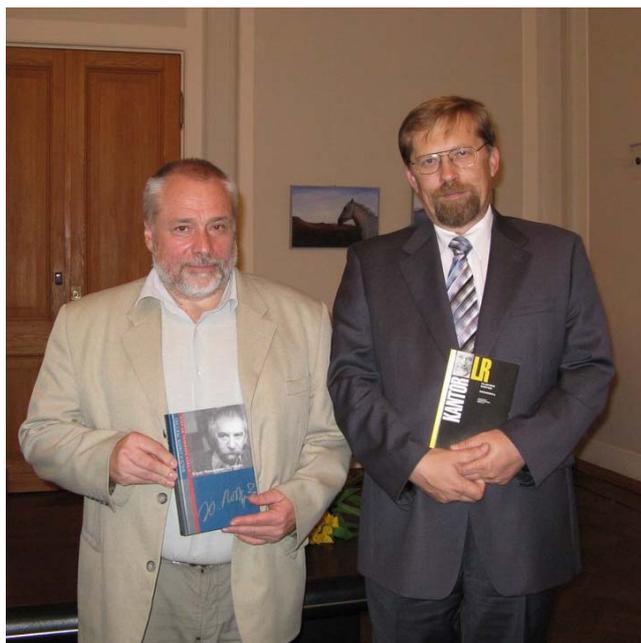
После такого же российского ксенофобического хамства я обычно читал Пушкина, Чехова, Ахматову, а здесь были Ян Кросс, Леннарт Мери, да и тартуский Лотман, которому именно Эстония помогла состояться. И прекрасный старый Таллинн с его кривыми улочками и химерами на стенах.

Ну и, конечно, эстонские друзья, Тинн прежде всего...

Теперь о Лотмане, это еще одна ниточка, связавшая меня с Эстонией. Издательство РОССПЭН затеяло продолжение серии «Из истории отечественной философской мысли», которое называлось «Философия России второй половины XX века». Руководитель серии Владислав Александрович Лекторский, зная о моих симпатиях к Эстонии, предложил мне

Юрий Михайлович Лотман.
Под ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009

Посол Эстонии Симму Тийк и Владимир Кантор в эстонском посольстве в Москве. Презентация книги о Лотмане и романа Кантора «Крокодил» на эстонском. 3 сентября 2009 года

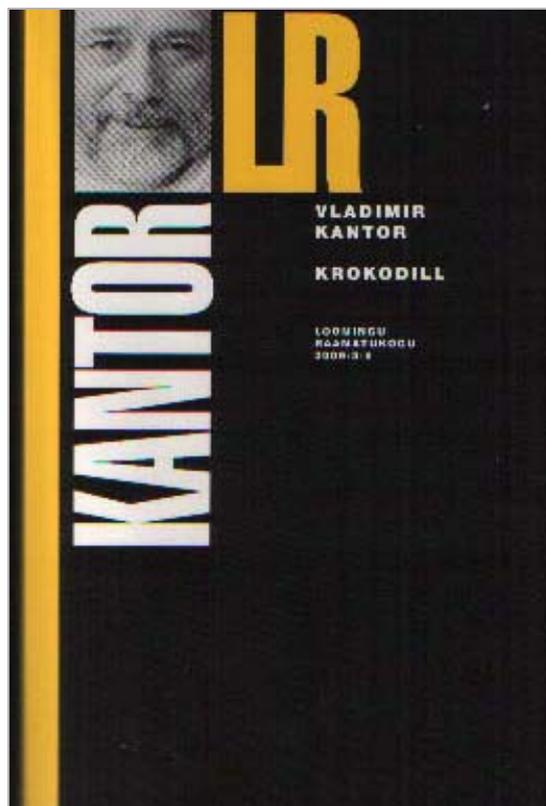
В. А. Лекторский и В. К. Кантор на презентации книги о Лотмане. 3 сентября 2009 года

подготовить том о Ю. М. Лотмане. Я согласился, собрал тексты российских, немецких, польских и эстонских авторов. Том этот принес мне неожиданные дивиденды.

Уже не помню, как о выходе тома Лотмана узнали в эстонском посольстве, но мне предложили провести презентацию этого тома в посольстве. На презентацию пришли академик Лекторский, академик Гуссейнов, директор издательства РОССПЭН Андрей Сорокин, один из авторов сборника Наталья Автономова, Владимир Кантор как составитель тома и эстонский посол Симму Тийк.

Добавляю из многих только фото с Лекторским, который подвиг меня на создание этого тома. Вообще 2009 год оказался для меня очень эстонским.

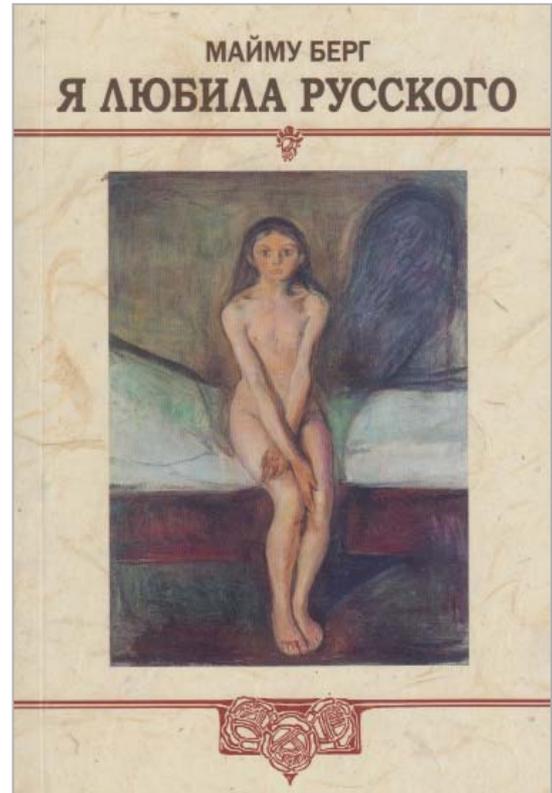
Я получил от ректора Таллиннского университета Рейна Рауда стипендию имени Лотмана на четырехмесячное

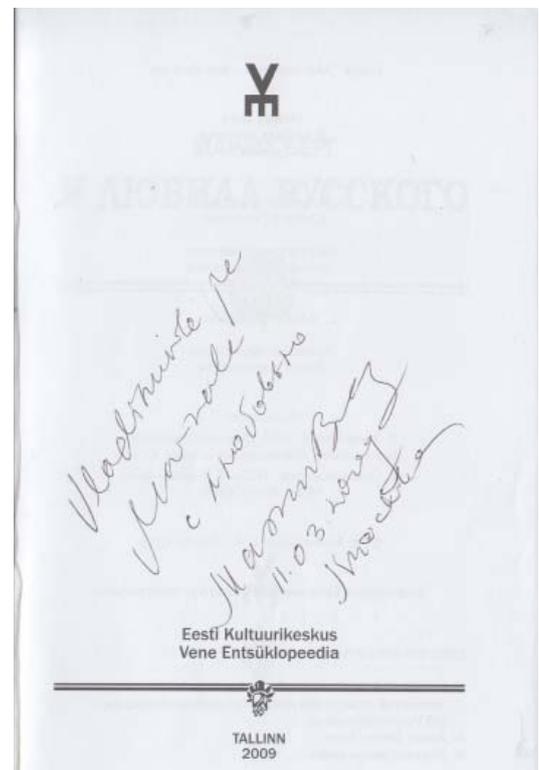
пребывание в Таллинне. На эстонский перевели мой роман «Крокодил», он был опубликован в издательстве Looming. Перевел, как мне говорили, лучший переводчик с русского Юрий Оямаа.

Я написал несколько статей об эстонских романах. Романы все были хороши, но один женский роман меня поразил. А сегодня он звучит вызывающе актуально. Это рассказ об отношениях тринадцатилетней эстонки и взрослого русского мужчины.

Я написал о романе статью под названием «Любовь всегда трагедия» («Дружба народов», 2009, № 10). В романе описывается нетривиальная для северного народа любовь девочки и мужчины. Понятно, что Майму в романе полемизирует с набоковской «Лолитой». Набоков иронизирует над ставрогинским грехом («Бесы» Достоевского), его герой любит и взрослую Лолиту. Но это рассказ с точки зрения мужчины. Словно у женщи-

Майму Берг, писательница

ны, даже подростка, нет желаний. У Майму зеркальный взгляд на проблему. В романе любовная ситуация с точки зрения малолетней девицы. И показано, что не только мужчина любит, но и девушка — вполне активная сторона. Но не просто малолетка оказывается в сексуальной связи с взрослым мужчиной, но — и это не менее важно для романа — *эстонка любит русского*. А к русским отношение было напряженное. Любовь к русскому была запретна уже сама по себе, могла восприниматься как национальное предательство. А тут и такая разница в возрасте! Монтекки и Капулетти! Джульетте — 14 лет, всего на год больше, чем героине. Момент ксенофобии в романе стóит смертельной вражды двух родов — Монтекки и Капулетти. Кончается тем, что русского за соращение эстонской девочки сажают на много лет в тюрьму. А ее заставляют предать возлюбленного. Жизнь девочки разрушена.

Ксенофобия разрушает даже искреннюю любовь. С Майму я познакомился в Таллинне на презентации моего эстонского «Крокодила». Она надписала мне свою книгу.

В том же 2009 году ректор Таллинского университета Рейн Рауд, преодолевая нелюбовь к русским, предложил провести презентацию моего эстонского «Крокодила». Надо сказать, с Рейном у меня установились хорошие отношения. Мы даже у него в гостях были с Мариной, познакомились с его женой, литовкой по имени Росите. На презентацию народу пришло немного, в основном друзья.

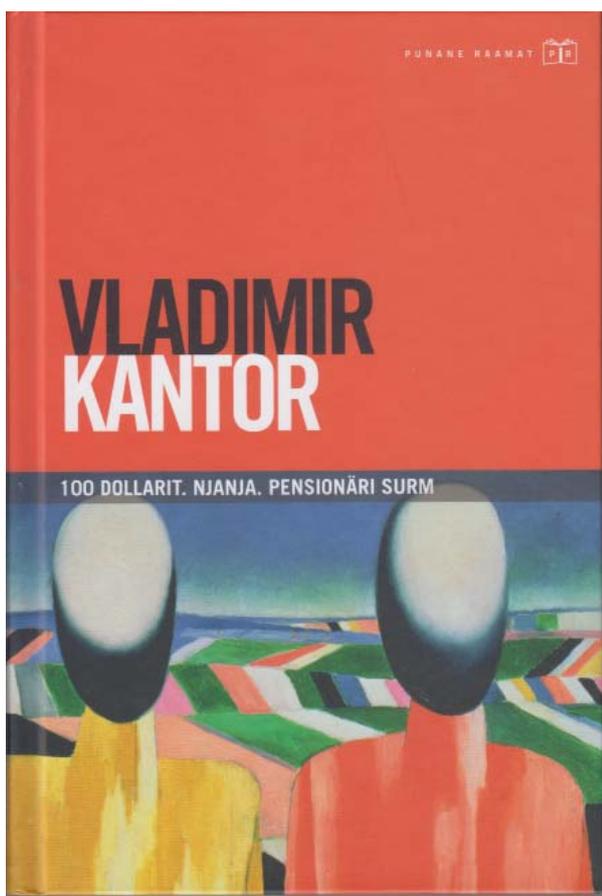

Владимир Кантор и Юрий Оямаа (1932–2017) на презентации романа Владимира Кантора «Крокодил» на эстонском (2009) в переводе Юрия Оямаа. Рядом с Юрием — издательница Ану Салуар, на заднем плане — Рейн Рауд

Был, разумеется, Эдуард Тинн, Майму Берг, доктор филологических наук, профессор Ирина Захаровна Белобровцева, ученый с мировым именем, именно она и познакомила меня с Юрием Оямаа, сказав много хороших слов о моей прозе.

Немного прерывая нить моего повествования, должен добавить, что в 2019 году в Таллине вышла еще одна моя книга на эстонском с тремя повестями в переводе Юрия, — вышла спустя два года после его смерти. Эти два года переводы лежали в издательстве, пока там не нашли денег.

Но нашли! И вот эта книга.

И в том же моем эстонском доковидном и досанкционном 2009 году я убедился, что открытость миру у малого народа очень его обогащает. Мне как-то позвонил Рейн и сказал, что сегодня в университете выступает с открытой лекцией турецкий профессор на тему «Стамбул как третий Рим». Он из стамбульского универа (Istanbul University). Рейн добавил, что кроме меня ответить турку некому: эстонцы не знают об идее, что Москва — третий Рим, а ты знаешь и сможешь вести диалог. «А на каком языке он доклад будет делать?» — робко поинтересовался я. Мне было неловко показать свою лингвистическую тупость перед человеком, свободно говорящим на десятке языков. Но он всё понял и сказал: «На английском, разумеется!» Я поспешил ответить, что я читаю,

но устный английский не силен у меня. Рейн хмыкнул: «Не волнуйся, у него турецкий английский. Всё поймешь. И ответишь на своем русском английском. Не волнуйся».

Турецкий ученый сидел на эстраде, мы с Рейном в зале, я слушал и с перепугу всё понимал. Идея турецкого профессора имела два основания: 1) вокруг Константинополя уже были поля, которые обрабатывали турки-сельджуки, так что падение Константинополя было лишь вопросом времени; 2) если идея империи имеет в основании монотеистическую религию, то почему ислам хуже, чем христианство?

Вступать в конфессиональный спор в данном случае было бессмысленно. Я только заметил, что существует «гений места», в данном случае в роли такого гения места выступает Константинополь, который считается центром Европы, не случайно Константин возводил здесь свою столицу. Существовал, как известно, проект Екатерины Великой о создании «Великой Греко-Российской Восточной Державы», которую она прочила своему внуку Константину — со столицей в Константинополе. Надо сказать, что о «византийском наследстве» начали говорить положительно со времен Екатерины, когда сквозь Византию разглядели античную Грецию — родоначальницу европейской культуры. Поэтому именно Турция, а не Россия сейчас претендует на вступление в ЕС. Однако идея, миф «третьего Рима» — это не только мечта об империи, а мечта о спасении христианства. Вот это я и хотел бы подчеркнуть.

И тут вдруг турецкий коллега разволновался и перешел на турецкий, как я догадался. Я растерянно посмотрел на Рейна. Он встал и с легкостью перевел слова с турецкого для меня на русский и для публики на эстонский. Потом мой ответ перевел на турецкий.

Вот эта открытость миру поразила меня тогда. Она и сделала Эстонию европейской страной.

Рейн Рауд, ректор Таллиннского университета, гениальный лингвист, знающий 22 языка

За это я и полюбил Эстонию.

Сегодня худо. Но когда-то и в Германии было худо. Как писал Томас Манн, *пещерный медведь национализма вывел страну за пределы Европы*. Но вот Гитлер и нацисты убралась, а Германия осталась. Останется и Эстония, независимая и без ксенофобического бреда.

Список источников

Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. I: Курс русской истории. Часть I. 430 с.

References

Klyuchevskii, V.O. (1987) *Sochineniya: v 9 tomakh. Tom I: Kurs russkoi istorii. Chast' I* [Works: in 9 vols. Vol. I: The Course of Russian History. Part I]. Moscow: Mysl'.

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022;
одобрена после рецензирования 02.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 17.08.2022;
approved after reviewing 02.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 33–50.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 33–50.

Интервью / Interview

УДК 101

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-33-50

«МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ»: БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ РАН В. А. ЛЕКТОРСКИМ

Владислав Александрович Лекторский
Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия, ✉ v.a.lektorski@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

Елена Олеговна Труфанова
Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия, ✉ eltrufanova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>

Ссылка для цитирования: Лекторский В. А., Труфанова Е. О. «Межкультурный диалог — необходимое условие существования философии»: беседа с академиком РАН В. А. Лекторским // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 33–50. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-33-50>.

Congratulations on the Anniversary!

“INTERCULTURAL DIALOGUE —
IS A NECESSARY CONDITION FOR THE EXISTENCE OF PHILOSOPHY”:
THE CONVERSATION WITH ACADEMICIAN OF RAS V. A. LEKTORSKY

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, v.a.lektorski@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

Elena O. Trufanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, eltrufanova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>

For citation: Lektorsky, V.A., Trufanova, E.O. (2022) “Intercultural Dialogue — is a necessary Condition for the existence of Philosophy”: The conversation with Academician of RAS V.A. Lektorsky’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 33–50. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-33-50.

От редакции. 23 августа 2022 года исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося отечественного философа, доктора философских наук, академика РАН, члена редакционной коллегии нашего журнала В. А. Лекторского.

Дорогой Владислав Александрович!

Редакция, члены редколлегии, весь коллектив журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» и Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ сердечно поздравляют вас со знатным юбилеем. Желаем вам крепкого здоровья, бодрости духа и неизменных творческих успехов на благо отечественной философии и науки.

Е. О. Труфанова. Владислав Александрович, вам в этом году исполняется 90 лет. Возраст немалый. Вы жили и занимались философией в очень разные периоды истории страны, начиная со сталинских лет (когда вы были студентом философского факультета МГУ), включая хрущевскую оттепель (1960-е годы), так называемый брежневский застой, горбачевскую перестройку, наконец, постсоветские годы. Менялась страна, менялась и философия. Наверняка вам приходилось и приходится пересматривать как собственные идеи, так и представления о вашей дисциплине, ее проблемах, месте в культуре. Как вы сегодня относитесь к своим текстам, изданным несколько десятилетий тому назад?

В. А. Лекторский. Мне повезло. Когда я еще был студентом третьего курса, появились молодые преподаватели, которые предложили новые программы философской работы, связанные с иным пониманием самой дисциплины. Это была своеобразная революция в нашей философии, лидерами которой были Э. В. Ильенков и А. А. Зиновьев. Я стал учеником Ильенкова, старостой его спецсеминара, посвященного анализу логики «Капитала». В основе его работы была кандидатская диссертация Эвальда Васильевича, защищенная им в сентябре 1953 года, спустя лишь несколько месяцев после смерти Сталина. Это значит, что писалась она еще в годы жизни «отца и учителя». И при этом в диссертации были сформулированы и обоснованы такие идеи, которые не утратили своего значения до сих пор и предвосхитили ряд последующих новаций западной философии науки (например, идеи о теоретической нагруженности эмпирических фактов, о том, что теория — это многоуровневая и развивающаяся система, исходящая из некоего теоретического ядра, и др.). Я проникся идеями Ильенкова, принял его установку на то, что философия должна заниматься проблемами теории познания, теории научного мышления (за что и пострадал — об этой истории мне приходилось писать). С тех пор я занимаюсь этой проблематикой. Конечно, мое понимание многих вопросов существенно изменилось: в 1970-е годы в мире произошла «когнитивная революция» в науках о человеке, трансформировались отношения между философией и специальными когнитивными исследованиями, появились новые подходы в эпистемологии (теории познания) и философии науки, когнитивные и информационные технологии преобразовали всю нашу жизнь и самого человека. Тем не менее я не могу сказать, что мне приходится отказываться от моих старых работ. Я уточняю и развиваю ряд идей, выдвинутых мною еще в 1970–1980-е годы, исследую новую проблематику, которой не было несколько десятилетий назад, расширяю круг своих интересов, увязывая анализ вопросов эпистемологии и философии сознания с тематикой философской антропологии и социальной

В. А. Лекторский в редакции журнала
«Вопросы философии». 2005

философии. Но вот что касается основных идей, например моей книги «Субъект, объект, познание» (1980), то от них я не отказываюсь, хотя, как мне кажется, понимаю и развиваю их лучше, чем делал это раньше.

Что касается моего понимания философии, то оно изменилось. Философия, как я считаю сегодня, это исследование предельных оснований отношения человека и мира. Это значит, что в ее состав входит не только эпистемология (теория познания) и философия науки как ее часть, но и философия сознания, и

онтология, и аксиология, в частности этика. На протяжении большей части XX столетия в разных философских направлениях (неокантианство, аналитическая философия, феноменология и др.) было популярным мнение о том, что философия вступила в постметафизический период. Сегодня ясно, что без метафизики, включающей как онтологию, так и значительную часть философии сознания и эпистемологии, полноценная философия невозможна. Можно говорить о происходящем ренессансе метафизики. Вместе с тем глубочайшие философские проблемы, обсуждаемые на высоком уровне абстракции, приобретают сегодня острейший практический смысл. Ибо сегодня идет трансформация ряда фундаментальных характеристик человека — настоящая антропологическая революция. Но ведь именно философия занимается анализом этих фундаментальных характеристик.

Е. О. Труфанова. В наше время, когда всё принято оценивать прагматически, с точки зрения приносимой конкретной пользы, очень часто философии приходится заниматься самооправданием — объяснять, зачем обществу она нужна. Как бы вы это объяснили человеку, который не занимается философией?

В. А. Лекторский. Каждый человек нуждается в удовлетворении базовых потребностей: пища, защищенность, поддержка других людей, забота о детях и стариках. Над этими базовыми надстраиваются другие, задаваемые культурой, которую можно рассматривать как определенную программу поведения, включающую представления о том, что считать человеческим достоинством, моральной ответственностью, справедливостью. Культура определяет, как человек должен себя вести в тех или иных ситуациях, как устроен мир, что та-

кое хорошо и что такое плохо. При этом в разных культурах эти представления («универсалии культуры», жизненные смыслы) могут различаться.

Возникновение философии в Античности, а затем появление науки из философии и на ее основе было взрывом в традиционной культуре. Ибо возник тип деятельности, который, как казалось, не был направлен на достижение какой-либо пользы. Получение знания было понято как ценность сама по себе.

Задавать вопросы о пользе философии или математики считалось кощунством. В действительности же философия явилась не просто восстанием против принятых культурных смыслов, а попыткой ответа на их кризис, критической рефлексией над ними и предложением новых способов познания мира и жизни в нем. В Античности возникают разные философские, научные исследовательские программы, связанные с именами Платона и Аристотеля, и разные этические программы жизни: эпикуреизм, цинизм, стоицизм. Конечно, философия оказывала непосредственное влияние на сравнительно небольшую группу образованных людей. Основная масса жила обычной жизнью в соответствии с теми предписаниями, которые диктовала традиция, унаследованная от отцов и дедов.

Научная революция XVII века и возникновение экспериментального естествознания были бы невозможны без философского обоснования как принимаемой картины мира, так и практикуемых способов исследования. В XX веке произошел еще ряд революций в разных науках, начиная с математики и физики и кончая психологией и науками о человеке. Все эти революции касались глубинных философских вопросов. Математики стали изучать Канта и Платона, физики — Платона и Аристотеля, психологи — Декарта и Спинозу. Один из главных теоретиков современной когнитивной науки Дж. Фодор однажды сказал, что все хорошие идеи появляются дважды: сначала в философии, а потом в науке.

При этом фундаментальная наука и философия рассматривались как выражение высших творческих возможностей человека, его предельная самореализация. Казалось, что бессмысленно требовать от них непосредственной

В. К. Кантор и В. А. Лекторский в редакции журнала «Вопросы философии». 2005

Сотрудники сектора теории познания ИФ РАН у входа в институт

практической пользы, как и от высокого искусства: оперы, балета, симфонической музыки, живописи, серьезной художественной литературы.

А как это относилось к жизни обычного человека? Казалось бы, никак. Представлялось, что он может жить, не только не интересуясь философией, но и не заморачивая себя вопросами о том, чем занимается наука. К тому же современная наука стала настолько сложной, а ее теории столь труднопони-маемыми даже специалистами, что и при наличии желания в ней разобраться очень непросто.

Но мнение о том, что наука не затрагивает практическую жизнь обычного человека, оказалось глубоко обманчивым. Если это и было справедливо раньше, то сейчас дела обстоят принципиально иначе. Дело в том, что мы живем сегодня в мире, созданном и постоянно трансформируемом наукой. Это связано с тем, что возникла теснейшая связь фундаментальных научных теорий с теориями прикладными. А последние являются базой для создания новых технологий. Это и есть феномен технонауки. Атомная энергетика и ядерное оружие, смартфон, персональный компьютер, интернет, цифровые технологии, возможность работать и получать образование онлайн, автомашины без водителей, операции блокчейн в сфере финансов, «цифровые двойники» в образовании, использование искусственного интеллекта для обработки больших данных и предсказания поведения больших групп населения и т. д. — это

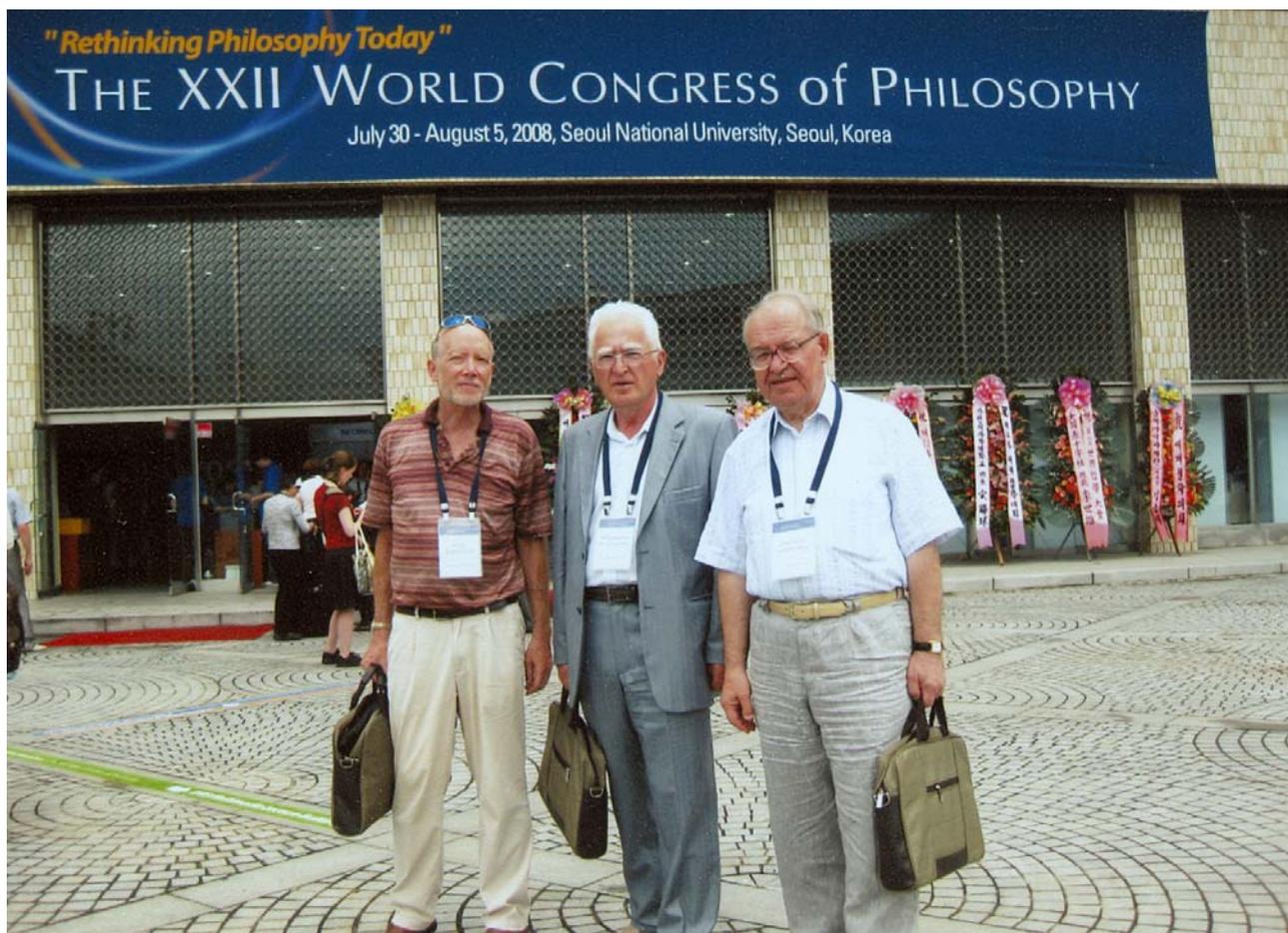
и есть результаты современной науки. Результаты совершенно практические и вроде бы полезные для всех.

Но давайте разберемся в том, как стали возможны эти достижения. Работы в области атомной энергетики, да и создание ядерного оружия, стали возможны лишь на основе фундаментальной теоретической работы в области атомной физики, куда включается квантовая механика, а острые дискуссии, до сих пор ведущиеся в ней, прямо связаны именно с философским пониманием того, с чем она имеет дело. Глобальная цифровизация, современные информационно-коммуникационные технологии предполагают использование систем искусственного интеллекта, а разработка таких систем не может не касаться того, что есть естественный интеллект, мышление, сознание, то есть тех вопросов, анализом которых философия занимается столетиями.

Но дело не только в этом. Как я сказал, созданный при помощи науки мир информационных технологий и глобальной цифровизации ставит под сомнение возможность для человека придерживаться ряда ценностных установок, которые до недавних пор казались чем-то само собою разумеющимся, но теперь могут не соответствовать новой реальности. Вопрос в том, от каких уста-

Вручение премии имени Г. В. Плеханова на заседании Президиума РАН.
Президент РАН А. М. Сергеев и В. А. Лекторский. 21 июня 2022 года

Томас Рокмор (США), А. А. Гусейнов и В. А. Лекторский (Россия)
на XXII Всемирном философском конгрессе в Сеуле (Южная Корея). 2008

новок придется отказаться, а от каких нельзя ни в коем случае, ибо это будет означать расчеловечивание. Использование технологических нововведений, которые кажутся сугубо полезными и в короткой перспективе таковыми на самом деле являются, могут иметь последствия, которые станут вызовом нашим представлениям о человеке. Таких вызовов много, начиная с того, что взламывается граница частного и публичного пространств, что человек может оказаться не хозяином и даже не партнером систем искусственного интеллекта, а их слугой, что обсуждаются возможности чтения мыслей на основе расшифровки нейродинамического кода, что выдвигаются идеи о понимании свободы воли (а именно на ее основе возможна моральная автономия и ответственное поведение) в качестве иллюзии и т. д. А это и есть глубинные философские проблемы. И они касаются не просто интересов группы любителей мудрости. Речь идет о жизни каждого человека, о судьбе Homo sapiens. Как я уже сказал, сегодня философия, не переставая быть фундаментальной дисциплиной, приобретает важнейшее практическое измерение. Философско-гуманитарная экспертиза новых технологий — веление времени.

Как раз этими вопросами я и занимаюсь последнее время: и лично, и в качестве председателя Научного совета при Президиуме Российской академии наук по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований.

Е. О. Труфанова. Расскажите об этом подробнее, пожалуйста.

В. А. Лекторский. Меня особенно волнуют те вопросы, которые как раз связаны с происходящей антропологической революцией. Это влияние новейших информационно-коммуникационных технологий, глобальной цифровизации на человека, его образ жизни, на возможности сохранения в новых условиях того, что делает его человеком: свобода выбора, моральная автономия, достоинство, творчество, понимание мира и других людей, понимание его другими. Речь идет о том, чтобы новые колоссальные возможности, которые несет цифровизация и использование искусственного интеллекта, не погубили самого человека. Это, конечно, важнейшие вопросы нашей жизни. Я сам исследую эту проблематику, пишу об этом. Эти вопросы мы регулярно обсуждаем на заседаниях Научного совета, о котором я говорил. Не так давно мы провели большую двухдневную конференцию по проблеме доверия к системам искусственного интеллекта, в которой участвовали математики, разработчики систем искусственного интеллекта, психологи, нейрофизиологи, юристы и, конечно, философы, которые задают тон всей работе совета. Именно философские вопросы о доверии и понимании были в центре всех дискуссий. Сегодня это и практические вопросы: необходимо разработать методiku оценки доверия к результатам работы интеллектуальных систем.

Я продолжаю развивать мою эпистемологическую концепцию конструктивного реализма, которая, с одной стороны, является современным продолжением отечественной философской и психологической традиции культурно-деятельностного понимания познания и сознания, а с другой — может быть истолкована как философское осмысление так называемого движения 4E Cognition, которое всё больше набирает популярность в современной когнитивной науке. Я пытаюсь показать, что именно конструктивный реализм является наиболее перспективной стратегией развития когнитивных исследований, в которые включаются философия, разработки в области искусственного интеллекта, когнитивная психология, когнитивная нейронаука, когнитивная лингвистика.

Я обобщил мои исследования последних лет в книге «Человек и культура» (2019), за которую в этом году получил премию имени Г. В. Плеханова Российской академии наук.

Е. О. Труфанова. Вы работаете в Институте философии РАН (раньше это был Институт философии АН СССР) более 60 лет. Как вы оцениваете работу инсти-

тута в советские годы? Что изменилось в нем в постсоветское время? Что приобретено и что потеряно?

В. А. Лекторский. Конечно, сегодня это иной институт, чем тот, в который я пришел в 1957 году. Много в нем изменилось.

В конце 1950-х и в 1960-е годы целый ряд секторов, по сути дела, занимался не философией, а чисто идеологической проблематикой, при этом даже не на уровне разработки идеологии (этого не допускало официальное партийное начальство: идеология спускалась сверху), а в рамках пропаганды официальных установок и их схоластической интерпретации. Это был удел отдела научного коммунизма, секторов исторического материализма, этики, эстетики, научного атеизма. Идеологическим установкам должна была подчиняться и работа других подразделений. Например, подразделение, в котором исследовалась современная западная философия, называлось сектором «критики современной буржуазной философии»: считалось, что современную западную философию нужно не столько изучать, сколько разоблачать. Люди, работавшие в этих секторах, а особенно их заведующие, отличались большими демагогическими способностями, были крикливы и пытались задавать тон в борьбе за «идеологическую дисциплину». Сложнее начальству было с теми подразделениями, в которых исследовалась проблематика познания и науки, а также история философии. Это сектора диалектического материализма, логики, философских проблем естествознания, а также истории западной философии, истории русской философии. Дело в том, что к середине 1950-х годов идеологическому начальству стало ясно, что грубое политическое управление науками — по крайней мере естественными — невозможно и что без развития науки и связанных с нею технологий страна не имеет будущего (в 1970-е годы на одном из съездов партии даже был выдвинут лозунг о соединении социализма с научно-технической революцией). Поэтому считалось, что сектора, занимающиеся проблематикой познания и науки, должны, с одной стороны, исходить из установок марксистской философии (диалектического материализма), а с другой — исследовать реальные философские проблемы, возникающие в современной науке. Был выдвинут лозунг об укреплении союза философов и естествоиспытателей. Что касается секторов, занимавшихся историей философии, то работа в них предполагала специальные умения: знание языков, в том числе древних, и умение работать с текстами. Простые идеологические заклинания тут не давали результата.

Необходимо иметь в виду исключительно важное очистительное значение для всей культурной жизни страны XX съезда КПСС (1956), разоблачившего культ личности Сталина. Возможности для идеологической демагогии не исчезли, но всё же сузились.

В редакции журнала «Вопросы философии»: В. И. Мудрагей, В. А. Лекторский и Б. И. Пружинин

И вот возникло интересное явление. Идеологическая индоктринация не исчезла, официальные учебники по философии продолжали навевать скуку и не вызвали желания серьезно относиться к этой дисциплине. По-прежнему руководили философией догматики. И тем не менее начиная с середины 1950-х годов в нашей философии возникает целое движение, вобравшее в себя интереснейших людей, которые открыли новую проблематику, сформулировали и обосновали идеи, в ряде случаев опередившие западную философию и сохраняющие свое значение и поныне. Я уже называл лидеров этого движения: Э. В. Ильенкова и А. А. Зиновьева. Они, как еретики, были изгнаны с философского факультета МГУ и начали работать в нашем институте. В центре нового движения, которое знаменовало ренессанс советской философии, были проблемы теории познания, философии науки, логики. Вслед за Ильенковым и Зиновьевым в институт пришел целый ряд выпускников МГУ и других учебных заведений, блестящих философов с оригинальными идеями. Они составили костяк секторов диалектического материализма (где я работал), логики, философских проблем естествознания. Назову лишь некоторых из них, моих товарищей: Г. С. Батищев, В. С. Швырев, Е. П. Никитин, Н. Н. Трубников,

В. А. Лекторский. Стамбул (Турция). 2003

В. А. Смирнов, Р. С. Карпинская, И. А. Акчурин, В. В. Казютинский и др. В новое философское движение включились ранее работавшие в этих секторах П. В. Таванец, Д. П. Горский, И. В. Кузнецов, М. Э. Омеляновский, Н. Ф. Овчинников, Ю. В. Сачков и др. В сектор истории западной философии пришли Н. В. Мотрошилова, Э. Ю. Соловьев, А. В. Гулыга.

Именно эти сектора и работавшие в них замечательные люди стали играть роль неформальных лидеров института, а сам он стал в нашей стране центром разработки настоящих философских проблем. Наладились хорошие связи философов с нашими выдающимися естествоиспытателями, институт начал проводить регулярные конференции по философским проблемам естествознания.

Конечно, идеологические препоны не исчезли, и с ними сталкивались даже те, кто исследовал проблемы теории познания и философии науки, более далекие от идеологии, чем социальная философия. Так, например, вся жизнь Ильенкова была сплошной чередой направленных против него идеологических кампаний. Работы ряда моих товарищей (Г. С. Батищева, Н. Н. Трубникова) отказывались публиковать. И тем не менее мы верили в светлое будущее.

Нас вдохновляли те идеи, которые потом были названы «социализмом с человеческим лицом». Я вспоминаю эти годы как время заинтересованного чтения работ друг друга, острых дискуссий, интенсивной духовной жизни, убежденности в том, что настоящая философия, не подвластная политической конъюнктуре, — исключительно важное и нужное дело и что она имеет большое будущее.

К тому же сама ситуация в философии менялась. В конце 1960-х — 1970-е годы к руководству институтом пришли такие замечательные люди, как П. В. Копнин и Б. М. Кедров. Главным редактором основного философского журнала страны «Вопросы философии» стал выдающийся философ И. Т. Фролов, а его заместителем — М. К. Мамардашвили. При Копнине в 1969 году я стал заведующим сектором диалектического материализма (в 1978 году он превратился в сектор теории познания). Фролов ввел меня в редколлегия «Вопросов философии». Копнин и Кедров пытались провести реформы в институте. Фролов превратил журнал в центр притяжения мыслящих людей страны: философов, ученых, деятелей культуры. В институте начинаются попытки обновления той проблематики, которая до этого была полностью идеологизирована. Пришедший к руководству сектором исторического материализма В. Ж. Келле собрал интереснейших людей (В. М. Межуев, Е. Г. Плимак и др.) и выпускал книги, в которых серьезно обсуждались проблемы социальной философии; А. В. Гулыга начал вести семинар, посвященный проблемам исторического познания; новый заведующий сектором критики современной буржуазной философии Л. Н. Митрохин собрал настоящих философов (О. Г. Дробницкий, Б. Т. Григорьян, Н. С. Юлина, Т. В. Кузьмина и др.) и выпустил ряд книг, посвященных серьезному обсуждению современных философских проблем. Однако попытки реформ Копнина и Кедрова не увенчались успехом. Первый из них умер во многом из-за идеологической травли. Фролов был вынужден покинуть пост главного редактора. На наш сектор начались гонения. Книги, выпущенные под редакцией В. Ж. Келле, были официально раскритикованы, а сам он был вынужден уйти из института.

Об истории института, в котором я работаю большую часть жизни, можно говорить долго. Кое-что об этом я смог написать. Попробую сравнить старый и новый институты.

Прежде всего хочу отметить, что сегодня институт занимается серьезными исследованиями настоящей философской тематики в самом широком диапазоне. Появилась новая проблематика, которая была невозможна раньше: политическая философия, философия религии. Сектора социальной философии направляют свои усилия на анализ реальных философских проблем, а не на

обслуживание политической конъюнктуры. Очень интересно работают сектора этики и эстетики. Специалисты в области истории русской философии сделали немало для исследования русской религиозной философской мысли, о чем невозможно было даже думать в былые годы. Новой жизнью живет сектор восточных философий. Интересно работает новый сектор философии исламского мира. Что касается секторов, изучающих познание и науку, то они живут новой жизнью: сегодня анализируемая в них проблематика приобретает особое значение в культуре и социальном мире в связи с интенсивным развитием когнитивных наук, когнитивных и информационных технологий. Наряду с секторами теории познания, логики и философских проблем естествознания появились новые подразделения: сектора социальной эпистемологии, философии творчества, междисциплинарных проблем научно-технического развития, философских проблем социальных и гуманитарных наук, методологии междисциплинарных исследований человека... В институт пришло много интересной талантливой молодежи. Интенсивно развиваются связи института с международным философским сообществом.

Всё это бесспорные и большие достижения. Было ли при этом что-то потеряно?

Мне кажется, что при всех несомненных приобретениях института существует тенденция к некоей разобщенности в работе разных подразделений. Люди работают в них часто замечательно, но иногда как бы замыкаются в своих изысканиях. Как я говорил, в свое время, когда выходила очередная работа Ильенкова, Батищева или Мамардашвили, она становилась предметом дискуссий всех тех, кто был включен в новое философское движение, независимо от того, в каких подразделениях они работали. И мы чувствовали себя частью этого движения, хотя могли быть не согласны друг с другом по каким-то вопросам. Это создавало определенный душевный настрой и особую мотивацию для творчества. Возможно, то явление, о котором я говорю, связано не с особенностями нашего института, а с тем, что сегодня происходит в мировой философии. Дело в том, что она становится всё более специализированной. И для того, чтобы работать на современном уровне, нужно знать последние публикации по своей специальной тематике, а количество последних растет как снежный ком. Но ведь философия по самой своей сути должна быть интегратором знаний и выходить в междисциплинарную проблематику. Думаю, что эта проблема должна и может быть решена. Шаги в этом направлении делаются в последнее время и в нашем институте: организуется взаимодействие разных подразделений, в частности с помощью так называемых мегатем.

Владислав Александрович Лекторский

Хочу сказать, что институт — мой родной дом. В нем прошла вся моя философская жизнь: с радостями и горестями, достижениями и драмами. Сектором теории познания я руководил почти 50 лет: с 1969 по 2016 год. Когда я пытаюсь осмыслить, что со мною было, вспоминаю прежде всего то, что связано с институтом. Я рад, что сегодня нашим сектором успешно руководите вы, Елена Олеговна, в прошлом моя студентка, аспирант, докторант.

Другое жизненно важное для меня место — журнал «Вопросы философии». И. Т. Фролов пригласил меня стать членом редколлегии и заведующим отделом в 1968 году. С 1987 по 2009 год я, не покидая института, был главным редактором журнала, опять-таки по предложению Фролова. Сейчас возглавляю Международный редакционный совет «Вопросов философии». Главным редактором сегодня является Б. И. Пружинин, в прошлом сотрудник сектора теории познания, а потом мой заместитель в журнале. Роль журнала в развитии отечественной философии за последние 60 лет совершенно исключительна. Об этом я писал и писать буду.

Е. О. Труфанова. Помимо научной работы в институте вы много лет преподаете на философском факультете ГАУГН, в последние годы являетесь его дека-

ном. Насколько на вашем опыте меняются поколения студентов-философов? Растет ли интерес молодежи к философии или наоборот?

В. А. Лекторский. Я работаю в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН) со времени его основания в 1994 году, то есть почти 30 лет. С самого начала я читал лекции, вел семинары по курсу «Эпистемология» и заведовал кафедрой эпистемологии и логики. С 2016 года я работаю также в качестве декана философского факультета. От преподавания получаю большое удовлетворение. Говорят, если сумеешь что-то хорошо объяснить другому, сам лучше это поймешь. И это правда. Занятия проходят интересно. Студенты с моей помощью вовлекаются в обсуждение эпистемологической проблематики, делают неплохие доклады на семинарах. Каждый год несколько человек пишут под моим руководством курсовые работы, иногда очень хорошие. Так, в этом году студент второго курса написал работу, которая произвела на меня впечатление своим очень высоким уровнем. Современные студенты по подготовке и по интересу к философии не уступают тем, кто учился на факультете 15–20 лет тому назад. Ряд студентов стали моими аспирантами, успешно защитили диссертации. Самое любопытное то, что в наше практическое время количество желающих поступить на философский факультет не становится меньше, наоборот, число их увеличивается с каждым годом. При этом сегодня среди них больше юношей, чем девушек, чего раньше не было. Можно размышлять о том, с чем это связано. Думаю, что одна из причин — в новой роли философии в современном мире, о чем я говорил с вами. Среди сотрудников нынешнего сектора теории познания Института философии трое моих бывших студентов, в том числе вы, Елена Олеговна. Они, а также некоторые другие мои бывшие студенты сегодня успешно преподают на факультете. ГАУГН стал частью моей жизни, как и Институт философии, и журнал «Вопросы философии».

Е. О. Труфанова. Какое место, по вашему мнению, занимает отечественная философия в современном мире? Возможен ли и нужен ли ее диалог с иными философскими традициями и школами?

В. А. Лекторский. Русская философия всегда была самобытной. Но это не означало ее изоляции. Наоборот, в условиях изоляции она (как и любая другая философия) была бы невозможна. Ведь одна из особенностей этой дисциплины в том, что она предполагает постоянную дискуссию, спор, диалог разных позиций. Это может быть спор современников между собой. Это и дискуссия с давно умершими философами: до сих пор продолжаются обсуждения идей Платона и Аристотеля, при этом не только философами, но и, как я уже сказал, даже современными специалистами в области квантовой физики. Наконец,

это диалог представителей разных национальных философских традиций и школ: немец Кант считал, что от догматического сна его пробудили работы англичанина Юма, ответом которому послужила «Критика чистого разума».

В XIX веке русская философия творчески и критически осваивала идеи Платона, Плотина, Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра, а в XX веке — неокантианцев, Гуссерля, Маха и Маркса. Важно, что при этом русская философия не просто оставалась оригинальной, но могла оказывать существенное влияние на мировую философскую и философско-методологическую мысль. Приведу некоторые примеры.

Ф. М. Достоевский, который отметил «всемирную отзывчивость» в качестве характерной черты русского народа, был одним из первых философов-экзистенциалистов: недаром международные антологии по экзистенциализму обычно начинаются с отрывков из его произведений.

В XX веке эмпириомонист и неортодоксальный марксист А. А. Богданов сформулировал идеи тектологии («всеобщей теории организации»), которые не были поняты при его жизни и получили международное признание в качестве методологии исследования систем лишь в 1970-е годы, когда возникло в мире мощное движение системно-структурных исследований.

Философско-методологические идеи, развивавшиеся М. М. Бахтиным еще в 1920-е годы относительно диалогической природы сознания и культуры, были признаны в нашей стране в 1960-е, а на Западе в 1980-е годы. Сегодня они популярны в философии сознания, теории культуры, гуманитарных науках во всем мире. Существует мощная международная «индустрия Бахтина»: работает Центр Бахтина в Великобритании, издается международный журнал *Bakhtin Studies*.

Философско-методологические идеи великого советского психолога Л. С. Выготского считаются рядом западных философов и психологов поворотным пунктом в развитии мировой психологии, почти каждый современный специалист в области когнитивных наук считает признаком хорошего тона ссылку на его труды.

Я уже говорил о том, что в рамках нового философского движения, возникшего в нашей стране во второй половине XX века, был сформулирован ряд идей в понимании познания, сознания, науки, опередивших некоторые концепции в мировой философской литературе. Я был главным редактором серии книг (22 тома), в которых исследовались эти идеи. По итогам этой работы мы с профессором М. Ф. Быковой, которая преподает в США, подготовили и опубликовали в американском издательстве книгу «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века. Взгляд из России и извне» (*Prob-*

lems and discussions in the Philosophy of Russia in the second half of the 20th century. View from Russian and abroad. Ed. by Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Vykova. Bloomsberry Academic, 2019). Книга, написанная как отечественными, так и зарубежными авторами, была хорошо принята специалистами.

Философия по своей сути направлена на решение не просто специфических проблем того или иного региона, той или иной культуры, а тех, которые касаются каждого человека, так как относятся к фундаментальным человеческим характеристикам: в этом отличие философских концепций от социально-экономических программ и геополитических стратегий. Конечно, философские теории развиваются в рамках определенных культур и вносят свой вклад под ракурсом, связанным с той или иной культурной традицией. Но именно поэтому межкультурный диалог и диалог философский — необходимое условие существования философии. Диалог русской философии с иными философскими традициями и школами всегда был плодотворен для всех участников. Он должен продолжаться.

Информация об авторах: В. А. Лекторский — доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1;

Е. О. Труфанова — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1.

Information about the authors: V. A. Lektorsky — DSc in Philosophy, Academician of RAS, Principal Research Fellow at the Department of Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation;

E. O. Trufanova — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 13.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 51–72.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 51–72.

Научная статья / Original article

УДК 94(4)''1945'':94(47).084.8(093)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-51-72

ЛИХТЕНШТЕЙН КАК ПРОБЛЕМА И ПРОБЛЕМА ЛИХТЕНШТЕЙНА: СУДЬБА ВОИНОВ 1-Й РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Андрей Викторович Мартынов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, martyunov@yandex.ru

Аннотация. В конце Великой Отечественной войны в среде коллаборантов наметилась смена стратегий. Предатели всячески стремились дистанцироваться от нацистской Германии. Одна из таких частей, так называемая 1-я Русская национальная армия (1-я РНА), интернировалась в Лихтенштейне. Ее командующий, эмигрант первой волны генерал-майор Борис Хольмстон-Смысловский, надеялся таким образом спасти кадры армии (462 человека) с целью передачи их союзникам для последующей борьбы против СССР. Экономические трудности, вызванные интернированием, девиантное поведение многих коллаборантов, а также давление советской репатриационной комиссии вынудило власти страны настаивать на скорейшей высылке чинов армии.

© Мартынов А. В., 2022

Но депортация не состоялась, так как в процесс вмешались американские спецслужбы. Последние выразили заинтересованность в 1-й РНА и, оказав давление на князя и правительство Лихтенштейна, не допустили экстрадиции коллаборантов. Тем не менее свыше двух третей армии, не выдержав психологического давления, добровольно вернулись на родину. В последующем власти Лихтенштейна создали миф, будто они по собственной инициативе, исходя из соображений гуманности, отказались выдавать перемещенных лиц в сталинскую Россию. Избежав репатриации, большая часть оставшихся военнослужащих 1-й РНА и их семьи (не менее 100 человек) переехали в Аргентину. В этом им помогли клирики Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), как в Южной Америке, так и в Европе. Тем не менее, несмотря на конфликты между руководством Лихтенштейна и командованием 1-й РНА, в конце жизни Хольмстон-Смысловский вернулся в княжество. Статья основана на архивных источниках России, Лихтенштейна и США.

Ключевые слова: коллаборация, Хольмстон-Смысловский, 1-я Русская национальная армия, перемещенные лица, интернирование, репатриация, вторая волна эмиграции, Франц Иосиф II, Даллес, Изразцов

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Мартынов А. В. Лихтенштейн как проблема и проблема Лихтенштейна: судьба воинов 1-й Русской национальной армии // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 51–72. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-51-72>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

LIECHTENSTEIN AS A PROBLEM AND THE PROBLEM OF LIECHTENSTEIN:
THE FATE OF THE SOLDERS OF THE 1ST RUSSIAN NATIONAL ARMY

Andrei V. Martynov
National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, martyuynov@yandex.ru

Abstract. At the end of the Great Patriotic War, there was a change in strategies among collaborators. Traitors tried in every possible way to distance themselves from Nazi Germany. One of these parts, the so-called. The 1st Russian National Army (1st RNA) was interned in Liechtenstein. Its commander, an emigrant of the “first wave”, Major General Boris Khol’mston-Smyslovskii, hoped in this way to save the army personnel (462 people), in order to transfer them to the allies for the subsequent fight against the USSR. The economic difficulties caused by internment, the deviant behavior of many collaborators, as well as the pressure of the Soviet repatriation commission forced the country's authorities to insist on the speedy expulsion of army officials. But the deportation did not take place, as the American special services intervened in the process. The latter expressed interest in the 1st RNA and, having put pressure on the prince and the government of Liechtenstein, did not allow the extradition of collaborators. Nevertheless, more than two-thirds of the army, unable to withstand the psychological pressure, voluntarily returned to their homeland. Subsequently, the Liechtenstein authorities created a myth that they, on their own initiative, based on considerations of humanity, refused to extradite displaced persons to Stalinist Russia. Having avoided repatriation, most of the remaining servicemen of the 1st RNA and their families (at least 100 people) moved to Argentina. ROCOR clerics helped them in this, both in South America and in Europe. Nevertheless, despite the conflicts between the leadership of Liechtenstein and the command of the 1st RNA. At the end of his life Khol’mston-Smyslovskii returned to the principality. The article is based on archival sources of the Russian Federation, Liechtenstein and the USA.

Keywords: Collaboration, Khol’mston-Smyslovskii, 1st Russian National Army, displaced persons, internment, repatriation, second wave of emigration, Franz Joseph II, Dulles, Izraztsov

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Martynov, A.V. (2022) ‘Liechtenstein as a Problem and the Problem of Liechtenstein: The Fate of the Soldiers of the 1st Russian National Army’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 51–72. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-51-72.

В историографии отечественной коллаборации одной из основных проблем являются многочисленные мифы, созданные самими изменниками. Они были призваны доказать непричастность последних к преступлениям гитлеровской Германии, вынужденность союза с ней, а также в максимально выгодном свете представить отношения с современными им демократическими государствами, и тем самым подчеркнуть собственный изначальный либерализм. Подобные мифы возникли еще до завершения боевых действий [Мартынов, 2019, с. 63–98].

Конец войны и неминуемость поражения Третьего рейха вызвали среди руководства и рядовых членов различных коллаборационистских формирований стремление избежать наказания. Как правило, избранная с этой целью смена стратегий предполагала дезертирство, сдачу в плен, а в ряде случаев — вооруженный конфликт со своими недавними хозяевами, как это произошло на острове Тексель (Нидерланды) с чинами 822-го грузинского пехотного батальона «Царица Тамара» (нем. Bataillon 822 “Königin Tamara”) Грузинского легиона (Die Georgische Legion) 5 апреля — 20 мая 1945 года [Lee, 2020; Мамулия, 2011, с. 176–206] или с оказавшей поддержку Пражскому восстанию 1-й дивизией Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) 5–9 мая 1945 года [Ауски, 1980; Александров, 2006, с. 341–416]¹.

Не стала исключением и 1-я Русская национальная армия (1-я РНА). Она была создана и возглавлялась эмигрантом первой волны штабс-капитаном Борисом Смысловским (псевд. Артур Хольмстон, фон Регенау) в рамках 12-го отдела генштаба Иностранных армий Востока (Fremde Heere Ost) для борьбы с партизанским движением, а в дальнейшем также для ведения разведывательной и контрразведывательной работы, в ходе которой коллаборанты неоднократно совершали преступления [Литвин, 2019, с. 92, 154; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 148, 202]. Первоначально соединение называлось Зондерштаб Р (Особый штаб Россия, Sonderstab “R” (Rußland)). С 2 февраля 1945 года оно носило название «Зеленая армия особого назначения» (“Die Grüne Armee z.b.v.”), а с 4 апреля — 1-я РНА (1. Russische Nationalarmee). Ее численность на конец марта 1945 года, по разным сведениям, составляла

¹ Непосредственно в боях власовцы принимали участие 6–8 мая, после чего, вследствие отказа со стороны руководства восстания в предоставлении чинам дивизии политического убежища, покинули город.

Из более ранних вооруженных выступлений коллаборантов против немцев и их союзников можно назвать восстание в 795-м батальоне «Шалва Маглакелидзе» (нем. Bataillon 795 “Schalwa Maglakelidze”) Грузинского легиона 9–10 октября 1942 года в районе Ново-Полтавское (Кабардино-Балкарская АССР). Из 750 восставших лишь 33 легионера смогли вырваться из окружения и перейти линию фронта на участке 3-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии [ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11303. Д. 231. Л. 211; Д. 89. Л. 30–31].

от 3 тыс. до 6 тыс. человек [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 294–295, Мартынов, 2019, с. 125].

В письме к князю Лихтенштейна Францу Иосифу II от 10 мая 1945 года Хольмстон-Смысловский сообщал, что «в конце апреля общая ситуация была такой, что я решил идти с моей частью на Запад и попробовать объединиться с англоамериканцами», но сложившаяся обстановка не позволила «пробиться на северо-запад к англичанам, и части вынуждены были повернуть на юг» [LI LA. RF. 230/043v/017]². Само же возникновение замысла сдачи союзникам относилось к началу 1943 года, когда стратегические поражения вермахта под Эль-Аламейном и Сталинградом не оставляли сомнений в исходе войны [Толстой, 1996, с. 448; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 284, 286]. В цитированном выше письме командующий армией вспоминал, что в тот период «во время моей деятельности в Варшаве, у меня была непосредственная связь с Лондоном через польское движение сопротивления. Польские и английские офицеры всегда скрывались в моем штабе» [LI LA. RF. 230/043v/017]. Последнее, впрочем, представляется умышленным введением адресата в заблуждение и одновременно созданием мифа об изначальной независимости его частей от гитлеровского командования, так как бойцы польского национального Движения Сопротивления (Армии Крайовой) провели ряд успешных терактов против чинов Зондерштаба. Ими в числе прочих был ликвидирован занимавший должность начальника отдела информации и пропаганды Александр Вюрглер³ [Kuberski, 2017, p. 85].

Непосредственно решение о скором интернировании Хольмстон-Смысловский объявил 18 апреля 1945 года. Вероятно, оно было согласовано с немецким командованием. Генерал-майор Рейнхард Гелен, возглавлявший Иностранные армии Востока, стремился сохранить свою структуру с целью последующего сотрудничества с союзниками [Simpson, 1989, p. 41]. Поэтому маршрут коллаборантов к южным границам Рейха был санкционирован Геленом и подписан начальником штаба Вали-1 (экономическая и военная разведка на Восточном фронте) подполковником Германом Бауном [Grimm, 1971, S. 45; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 328–329; Мартынов, 2019, с. 154]. Согласно официальной историографии 1-й РНА, «командующий армией созвал военный совет, на котором он продиктовал свое решение: “Капитуляция Германии неизбежна. Нам нельзя пассивно ждать разрешения развязки. При данном положении необходимо выиграть время. Приказываю продвигаться к нейтральной швей-

² Копия, переданная в правительство: [LI LA. RF. 230/043w].

³ На момент гибели Вюрглер несколько дней находился в отставке, что, вероятно, не было известно руководителям Управления диверсий (Kierownictwo dywersji), отдавших приказ о его ликвидации.

царской границе. Местом концентрации назначаю г. Мемминген» [Каширин, 1953, с. 12]. Слова генерала подтверждаются показаниями от 6 июня 1946 года обер-лейтенанта Михаила Рогачевского⁴, служившего адъютантом у командира 2-го полка подполковника Георгия Бобрикова⁵. Он говорил, что о решении интернировать в Швейцарию военнослужащие узнали в ходе марша в районе Нюрнберга. Сам офицер узнал о цели похода сразу же после завершения совета [LI LA. RF. 230/043s/080]⁶.

О том, что 1-я РНА идет не в Швейцарию, а в Лихтенштейн, чинам штаба объявили лишь 30 апреля в австрийском Фельдкирхе, когда командующий армией поставил перед ними задачу разработать операцию по переходу границы княжества [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 313].

В историографии остается открытым вопрос, почему в мемуарной литературе, посвященной переходу, Швейцария и Лихтенштейн отождествляются [Мартынов, 2019, с. 163–164]. Так, официальный историограф 1-й РНА подполковник Сергей Каширин⁷ сообщал: «Колонна штаба и часть армии перешла швейцарскую границу Княжества Лихтенштейн и добровольно там разоружилась, после того как швейцарские власти гарантировали чинам армии право политического убежища» [Каширин, 1953, с. 12–13]. А Хольмстон-Смысловский в письме к протопр. Константину Изразцову называл Лихтенштейн «таможенной границей Швейцарии» [MRC. Chubov. Vox 1]. Первоначально, по некоторым сведениям, еще в 1943 году местом интернирования предполагался Берн, но затем выбор пал на Вадуц [Толстой, 1996, с. 449]. Согласно другой версии, в Меммингене генерал узнал от агентов о сложностях перехода швейцарской границы и переменял решение [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 320]. Вероятно, они обуславливались решением от 7 сентября 1944 года, запрещавшим интернирование «восточных кавалерийских соединений» [Gehrig-Straube, 1997, S. 376]. Возможно, уподобление обуславливалось и тем, что княжество с 1923 года стало ассоциированным (конфедеративным) государством по отношению к Берну и, как следствие, республика представляла интересы Лихтенштейна на дипломатическом уровне. Также государства помимо общей денежной единицы (швейцарский франк) составили и общий таможенный союз.

⁴ Бывший старший лейтенант РККА. Командир пулеметного взвода 180-й стрелковой дивизии. Первоначально считался погибшим между 7 и 10 октября 1943 года в районе села Староселье (Броварский район УССР) [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 145. Л. 132]. В дальнейшем выявлен в числе «советских граждан, оставшихся в княжестве Лихтенштейн и Швейцарии, категорически отказавшихся вернуться на Родину» [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 143].

⁵ Оперативный псевдоним Бибииков.

⁶ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/081].

⁷ Оперативный псевдоним Попов.

Согласно официальной статистике, в ночь с 2 на 3 мая 1945 года в районе пограничного пункта Шелленберг границу пересекло 494 человека, из них 462 военнослужащих (включая 73 офицера), 30 женщин и 2 детей [Grimm, 1971, S. 44, 70; Geiger, Schlapp, 1996, S. 70; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 348]⁸. Вместе с тем следует отметить, что эти данные были составлены постфактум, три года спустя — 8 марта 1948 года, когда все интернированные уже покинули княжество, и, по мнению некоторых историков, могут быть неполными [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 348–349]. Сам Хольмстон-Смысловский писал о примерно 600 людях [LI LA. RF. 230/043v/017]⁹. Столь небольшой состав армии обуславливался тем, что в ходе марша некоторые военнослужащие отправлялись для установки связи с другими группами 1-й РНА и на иные задания. Не последнюю роль играло и стремление ряда командиров спасти в первую очередь себя, бросив остальных военнослужащих на произвол судьбы. Согласно дневнику (записи за период с 3 по 14 апреля 1945 года) журналиста коллаборационистской «солдатской» газеты «Борьба» Георгия Томина (Симона)¹⁰, ее главный редактор, бывший полковник корниловской дивизии Евгений Месснер, который перешел на должность начальника оперативного отдела (IA) штаба 1-й РНА, бросил ехавших с ним в ту же армию сотрудников [Полян, 2018, с. 136–140]. Он же свидетельствовал (запись от 19–20 апреля 1945 года), что командовавший авангардом 1-й РНА полковник Иван Соболев¹¹ также бросил его коллег: «Штаб уезжает маленьким грузовичком. О нас не думают, спасая свою шкуру» [Полян, 2018, с. 141]. Но наибольшая убыль была вызвана дезертирством (что опровергало миф об изначальном единстве армии [Хольмстон-Смысловский, 1953, с. 209]) и потерями от бомбардировок. Один из таких авианалетов запомнился Михаилу Рогачевскому. Тогда в районе Кемптена было убито 2 и ранено 14 военнослужащих. Некоторых из них пришлось оставить в местной больнице [LI LA. RF. 230/043s/081]. По подсчетам современных исследователей, общие потери составили примерно 2000 человек [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 351]. Малочисленность собственных сил осознавал и командующий армией. Поэтому спустя несколько дней после решения интернироваться, в присут-

⁸ Полный список см.: [Geiger, Schlapp, 1996, S. 170–182; Мартынов, 2019, с. 171–185].

⁹ Немногочисленность армии не помешала генералу разбить ее на два полка [LI LA. PA. 107/09; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 294, 301].

¹⁰ В историографии также встречается другое написание его фамилии: Симон-Томин [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 323].

¹¹ Оперативный псевдоним бывшего подполковника (майора?) РККА Николая Тарасова. Командир 1-й маневренной (отдельной) воздушно-десантной бригады. Взят в плен 8 апреля 1942 года в ходе Демьянской наступательной операции [ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 356. Л. 121; Ф. 56. Оп. 12220. Д. 92. Л. 227; Ф. 33. Оп. 11458. Д. 624. Л. 181; LI LA. PA. 107/09]. См. также: [Grimm, 1971, с. 73; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 294].

ствии Рогачевского, он выразил надежду, что по пути к границе сумеет «соединиться с другими русскими войсками» [LI LA. RF. 230/043s/081]. Впрочем, попытка подчинить себе 3-ю (700-ю, согласно номенклатуре вермахта) дивизию ВС КОНР, которой командовал бывший сослуживец генерала по Зондерштабу генерал-майор Михаил Шаповалов, не удалась [Хольмстон, 1953, с. 32–35; Мартынов, 2019, с. 155–159].

Переход границы был сопряжен с определенными трудностями. Когда с крахом фронтов на северной границе Лихтенштейна начался очень сильный приток мигрантов, по решению правительства были построены заборы из колючей проволоки, а в апреле 1945 года для дополнительной защиты усилена пограничная охрана [LI LA. Rech. ber. 1945/065]. Тем не менее переходы происходили регулярно. Как отмечалось в отчете правительства перед парламентом, только у пограничного поста Шаанвальде с 25 апреля по 2 мая было зафиксировано 1254 русских беженца [ibidem].

Интернирование не обошлось без драматических подробностей. Как отмечал британский историк Николай Толстой, общавшийся с генералом¹², коллаборантам было запрещено открывать ответный огонь, чтобы не лишиться права получить убежище¹³. Поэтому Хольмстон-Смысловский позволил провести только одну ложную демонстрацию, с целью отвлечь внимание от пункта перехода княжеской границы [Дробязко, 1999, с. 128]. Командующий полагал, что «потери от огня пограничников будут не велики, самое большее человек 10 убитых и 20 раненых, а увидев, что нарушители не отвечают, они вообще прекратят стрельбу». Правда, когда после нескольких предупредительных выстрелов по коллаборантам открыли прицельный огонь, не отличавшийся, впрочем, результативностью, ехавший первым в колонне генерал тем не менее отказался от первоначального замысла и приказал остановиться. Посланный к пограничникам офицер сумел остановить пальбу [Толстой, 1996, с. 450, 448]. В итоге, как позднее вспоминал Хольмстон-Смысловский, «единственной жертвой» оказалась бутылка коньяка в его автомобиле [там же, с. 450].

Вместе с 1-й РНА границу Лихтенштейна пересек со свитой великий князь Владимир Кириллович и глава управления делами русской эмиграции в Варшаве Сергей Войцеховский, сотрудничавший с Зондерштабом, с несколькими сотрудниками. На следующий день они были под давлением вышедшей к гра-

¹² См., напр., письмо Толстого Хольмстону-Смысловскому от 1 апреля 1978 года: [LI LA. PA. 107 13 22].

¹³ В данном контексте представляются ошибочными утверждения Евгения Месснера и Сергея Каширина, что головная рота отгеснила пограничников [Месснер, 1949, с. 2; Каширин, 1953, с. 12].

ницам княжества 1-й французской армии депортированы властями Лихтенштейна [Войцеховский, 1978, с. 129–130; Дробязко, 1999, с. 129; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 347–348]¹⁴, а коллаборанты Хольмстона-Смысловского разоружены и интернированы. В дальнейшем сданное оружие частью пополнило полицейский арсенал, а частью было уничтожено (утилизировано в Шаане или потоплено в Боденском озере) [LI LA. RF. 230/043s/171]¹⁵.

Появление чинов 1-й РНА и гражданских беженцев вызвало в княжестве гуманитарную катастрофу, которую удалось предотвратить благодаря Швейцарии, оказавшей разнообразную помощь соседу, в частности усилив малочисленные полицейские части (11 человек) своими сотрудниками [Толстой, 1996, с. 453; Дробязко, 1999, с. 131]. Также на заседании Ландтага 3 ноября 1948 года сообщалось о пролонгации благотворительной деятельности со стороны Берна, начатой во время войны [LI LA. LTR. 1948/134]¹⁶. Оперативно было создано представительство Красного Креста, во главе которого встала супруга Франца Иосифа княгиня Георгина (Джина) фон Вильчек. Последнее было важно, так как медицинские службы государства (Медицинская ассоциация) не справлялись с увеличившимся объемом работы, что вызвало негативную оценку Международного Красного Креста [LI LA. RF. 230/043r/007]¹⁷. Власти выделили перемещенным лицам 30 тыс. швейцарских франков в год, что давало последним возможность скромно существовать. Например, в суточный паек военнослужащего входило 250–300 (в дальнейшем 500 г) хлеба, 400 г картошки, 0,5 л кисломолочных продуктов, 40 г сыра, а также 20 г различных суповых добавок. Дополнительно раз в неделю полагалось одно яйцо, а 2 раза в месяц 50 г мяса. Женщины также могли рассчитывать ежедневно на 0,4 л молока, а раненым и больным полагался полноценный рацион [LI LA. RF. 230/043v/021]¹⁸. С 25 сентября 50 г мяса стали выдавать ежедневно. К рациону прибавилось 16 г сахара и 18 г жиров [LI LA. RF. 230/043s/102]. Тем не менее советской репатриационной миссии рацион интернированных пока-

¹⁴ Тем не менее великий князь был благодарен Хольмстону-Смысловскому за оказанную помощь. В письме секретарю Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов во Франции полковнику Михаилу Голубеву от 24 августа 1976 года генерал вспоминал, что Владимир Кириллович «тогда же произвел меня в генерал-лейтенанты, о чем я никогда и нигде, конечно, не говорил и не писал» [LI LA. PA. 107/09]. В дальнейшем Хольмстон-Смысловский поддерживал отношения с великим князем. См. «почто-грамму» последнего от 26 января 1977 года с благодарностью за поздравления с Рождеством и Новым годом [LI LA. PA. 107 13 017].

¹⁵ См. также: [Мартынов, 2019, с. 125].

¹⁶ Наряду с благотворительностью Лихтенштейну предоставлялись займы. К ноябрю сумма долга составила 2,6 млн швейцарских франков [LI LA. LTR. 1948/134].

¹⁷ В этой связи 2 октября 1945 года правительство расширило права Медицинской ассоциации [LI LA. RF. 230/043r/008].

¹⁸ См. также: [Grimm, 1971, S. 77; Дробязко, 1999, с. 130].

зался излишне «обильным»: «Комиссия объяснила, что еды слишком много, и это одна из причин, по которой люди не хотят уезжать отсюда <...> людям нужно давать меньшие пайки». В ответ «им было разъяснено, что мы не можем оставлять людей голодными, но протест будет рассмотрен княжеским правительством» [ibidem].

Всего за время пребывания коллаборантов в Лихтенштейне власти потратили на чинов 1-й РНА и гражданских беженцев 450 тыс. швейцарских франков. В дальнейшем все эти расходы компенсировало правительство Германии [Grimm, 1971, S. 95–96; Geiger, Schlapp, 1996, S. 280; Толстой, 1996, с. 453; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367; Мартынов, 2019, с. 168].

Ситуация немного изменилась, когда после пяти недель карантина коллаборантам было разрешено наниматься на работу к местным жителям (постановление от 28 мая 1945 года об упорядочении трудовой мобилизации интернированных русских). В нем, в частности, отмечалось, что «каждый интернированный обязан принять работу, порученную ему компетентным органом». При этом он «не имеет личного права на вознаграждение» [LI LA. RF. 230/043u/085]. Согласно отчету в Красный Крест за июнь 1945 года, это означало прибавку к сельскому населению княжества около 5% и субсидию на работу с точки зрения нагрузки на рынок труда около 20% [LI LA. RF. 230/043v/021]. Одновременно запрещался любой неофициальный наем [LI LA. RF. 230/043u/085]. Так, например, Николай Левкин¹⁹ был признан «виновным в нарушении права на гостеприимство» за неисполнение постановлений правительства от 18 мая и 3 сентября 1945 года, согласно которым все интернированные должны были проживать в лагерях [LI LA. RF. 230/043v/004], и за незаконную работу в течение месяца на конюшне Петера Вахтера в Шаане. В итоге Левкина депортировали из княжества [LI LA. RF. 230/043s/005]²⁰, а Вахтера приговорили к штрафу в размере 50 франков [LI LA. RF. 230/043s/001].

Впрочем, оказанная коллаборантам помощь не отменяла стремления властей Лихтенштейна в свете возникших трудностей избавиться от беженцев. К сожалению, в историографии, посвященной 1-й РНА, утвердилось мнение, что князь Франц Иосиф II, а также глава правительства и министр иностранных дел Александр Фрик были против насильственной репатриации [Толстой, 1996, с. 452, 453; Дробязко, 1999, с. 128–132; Цурганов, 2001, с. 202; Меняйленко, 2014, с. 236]. По мнению московского историка Сергея Дробязко, «роль лихтен-

¹⁹ Возможно, речь идет о бывшем рядовом РККА, пропавшем без вести в марте 1943 года [ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 199. Л. 42].

²⁰ См. также: [LI LA. RF. 230/043p/110]. Вместе с тем нет никаких данных о его возвращении в СССР.

штейнских властей в спасении интернированных была велика» [Дробязко, 1999, с. 131].

В Русском зарубежье сформировался миф о победе маленького Давида в лице Лихтенштейна над огромным советским Голиафом [Ржанов, 1995].

В действительности власти Лихтенштейна не хотели интернирования коллаборантов. Секретарь Франца Иосифа Руперт Риттер 27 июня 1945 года писал правительству, что князь «считает, что настало время, чтобы представители 1-й Русской армии²¹ покинули страну, так как расходы на их проживание и питание непомерны». Одновременно выражалась озабоченность, что его подданные, находящиеся на территориях, контролируемых СССР, могут в отместку быть подвергнуты репрессиям [LI LA. RF. 230/043a/079]²². По мнению швейцарских историков Петера Гайгера и Манфреда Шлаппа, этим посланием канцелярия князя поручила правительству оказать давление на русских, чтобы они покинули страну [Geiger, Schlapp, 1996, S. 33–34]. Данное письмо дезавуирует последующие послевоенные высказывания Франца Иосифа о невозможности насильственной репатриации коллаборантов, названных им в беседах с Николаем Толстым «несчастливыми скитальцами» [Толстой, 1996, с. 452, 453].

В своем стремлении репатриировать чинов 1-й РНА князь имел личный интерес. Большая часть его финансовых активов была вложена в экономику Чехословакии и Польши, которые в соответствии с Ялтинскими соглашениями входили в зону интересов СССР [Толстой, 1996, с. 453; Трефилов, 2020, с. 112].

Поэтому вне субъективных симпатий или антипатий глав правительств принимались постановления, предполагающие депортацию чинов 1-й РНА. Так, 18 августа 1945 года парламент княжества (премьер Йозеф Хооп) единогласно проголосовал за незамедлительную высылку коллаборантов, а 16 января 1946 года недавно сформированное правительство Фрика подготовило постановление, согласно которому все интернированные лица, до 15 апреля не покинувшие Лихтенштейн добровольно, должны принудительно покинуть страну в течение двух недель [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 360, 366; Мартынов, 2017, с. 343].

Правда, и военнослужащие 1-й РНА своим поведением давали властям Лихтенштейна повод к недовольству. В ходе похода к границам княжества, после выгрузки 16 апреля в районе Регенсбурга, начался пеший марш, вызванный параличом путей сообщения и опасностью гибели эшелонов в результате

²¹ В оригинале 1-й Белой русской армии (I Weissrussischen Armee).

²² См. также: [Мартынов, 2017, с. 339–345].

авианалетов [Каширин, 1953, с. 12]. По свидетельству Михаила Рогачевского, сотрудники штаба и офицеры-эмигранты вскоре продолжили свой путь на машинах и иных транспортных средствах, а рядовые двигались пешим порядком или ехали на велосипедах. «Не знаю, были ли автомобили взяты незаконно, велосипеды — точно» [Мартынов, 2020, с. 104]²³. Правда, с грабежами пытались бороться. Так, согласно дневниковой записи от 28 апреля Томина (Симона), «за воровство вчера двое расстреляно» [Полян, 2018, с. 144]. Но, судя по всему, казни не помогали. Кражи велосипедов, о которых вспоминал Рогачевский, продолжились и в княжестве [LI LA. RF. 230/043s/081]. К совершенным преступлениям можно добавить незаконные пересечения границы со Швейцарией и алкоголизм. В ответ власти депортировали ряд коллаборантов во французскую оккупационную зону. Например, полицейский отчет от 29 ноября 1945 года сообщал, что подлежали высылке 5 человек. Среди них Георгий Гарневич, который 17 ноября «пьяный тайно хотел покинуть лагерь. Был препровожден в полицию, где затем повредил камеру» [Мартынов, 2020, с. 105]²⁴.

Тем не менее Хольмстон-Смысловский ошибочно предполагал, что князь Лихтенштейна Франц Иосиф II был против насильственной репатриации коллаборантов в СССР, а ее инициатором выступал вице-премьер доктор Антон Фроммельт. По приказу командующего началась подготовка покушения на политика, сорвавшаяся в результате добровольной сдачи полиции одного из участников — Михаила Рогачевского [Мартынов, 2020, с. 101–102]²⁵.

Параллельно генерал, стремясь завоевать общественное мнение, организовал ряд интервью местным СМИ. Он представлял себя и чинов 1-й РНА как последовательных сторонников демократии, лишь в силу непреодолимых обстоятельств вынужденных сотрудничать с гитлеровцами [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 362–364]. Схожие утверждения имели место и в ранее цитированном письме к князю, где Хольмстон-Смысловский заявлял, что его подчиненные не имели «ничего общего с Власовым или частями казаков» [LI LA. RF. 230/043v/017].

В данном контексте желание властей княжества совпало с требованиями руководства Советского Союза, имевшего в отношении 1-й РНА особый интерес. В сделанной КГБ «Выписке из справки о связях украинских националистов с разведывательными органами буржуазных государств» отмечалось, что «Зондерштабу Р удалось вскрыть и <...> ликвидировать ряд советских

²³ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/081].

²⁴ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/005].

²⁵ Одновременно он был допрошен полицией в связи с расстрелом двух военнослужащих 1-й РНА по пути в Лихтенштейн [LI LA. RF. 230/043s/080; RF 230/043s/081].

партизанских групп и подпольных партийных организаций, действовавших в немецком тылу. Действия Зондерштаба Р нанесли серьезный ущерб тылу наступавшей Советской [sic!] армии» [ЦДАГО України. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 34. Арк. 44].

Помимо официальных контактов, стремясь добиться выдачи коллаборантов, представители Москвы воздействовали на власти Вадуца посредством ужесточения таможенного законодательства Австрии, которая находилась в составе советской зоны оккупации [LI LA. LTR. 1948/134].

Как отмечал стремившийся помочь репатриантам настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы (Цюрих) прот. Давид Чубов в письме к протопр. Константину от 16 сентября 1946 года, «полной уверенности в очень твердом сопротивлении наших властей настойчивым требованиям дипломатической миссии у наших соотечественников нет, и среди них царит сильное волнение» [MRC. Chubov. Vox 1].

Тем не менее инициативы советских и княжеских политиков потерпели фиаско. По мнению историков, это было обусловлено контактами Хольмстона-Смысловского с западными спецслужбами. В Лихтенштейне его посещал руководитель американской разведки в Швейцарии Аллен Даллес и другие агенты. К тому времени генерал смог наладить контакты со своей законсервированной сетью агентов в Советском Союзе, что увеличивало его значение в глазах специалистов [Grimm, 1971, S. 79; Толстой, 1996, с. 452; Дробязко, 1999, с. 131]. Косвенно это подтверждается решением властей воздержаться от судебного преследования командующего 1-й РНА, несмотря на показания против него Рогачевского. Формальным отказом в экстрадиции послужило отсутствие юридической силы на территории Лихтенштейна Ялтинских соглашений, один из пунктов которых предполагал возвращение советских граждан на родину [Трефилов, 2020, с. 114].

Также потерпело неудачу и стремление советской стороны добиться экстрадиции отдельных офицеров 1-й РНА (список насчитывал 60 человек, включая командующего). В ответ на намерение представителей княжества ознакомиться с совершенными коллаборантами преступлениями члены репатриационной комиссии никаких документов не предоставили [Geiger, Schlapp, 1996, S. 39–40; Дробязко, 1999, с. 131; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 364]. Последнее представляется не совсем понятным, так как СССР накопил значительный объем данных благодаря созданной 2 ноября 1942 года Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, которые использовались на различных судебных процессах (Краснодарский, Дубоссарский, Нюрнбергский и др.). Известно, что

структуры Хольмстона-Смысловского нередко подчинялись СД и СС, которые были признаны преступными на Нюрнбергском процессе [Литвин, 2019, с. 92, 154; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 148, 202].

Впрочем, не будучи уверен в успехе переговоров с представителями Соединенных Штатов, командующий хотел воздействовать и на советскую репатриационную миссию, стремясь через посредников начать с ее представителями переговоры. Это вызвало негативную реакцию некоторых подчиненных генерала, видевших в действиях Хольмстона-Смысловского «предательство» [Мартынов, 2017, с. 344]²⁶.

Парадоксально, но и без применения силы через 10 дней после интернирования, 14 мая 1945 года, 186 солдат и офицеров (то есть около 2/3 от общего числа ди-пи) выразили желание вернуться на родину [Мартынов, 2020, с. 105]²⁷. Как отмечал Томин (Симон) (запись от 17–18 мая) «“Добровольцев смерти” все больше и больше» [Полян, 2018, с. 148]. Всего же, по разным подсчетам, возвратилось на родину от 214 до 374 человек [Дробязко, 1999, с. 130; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 353–361]²⁸. В то же время, согласно советским данным, в 1948 году в Лихтенштейне находилось 76 советских граждан, не желавших репатрироваться [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 143–147].

Непросто определить причины подобного поступка, особенно если учитывать, что с Хольмстоном-Смысловским в княжество отправились в основном добровольцы (противники интернирования, учитывая масштаб дезертирства, могли присоединиться к последним). Сам командующий 1-й РНА признавался, что «причины этого решения разнообразны и объяснить их трудно. На многих оказало едва ли не гипнотическое действие появление тех, от кого еще так недавно они полностью зависели, другие боялись, что их в любом случае вышлют силой, третьи поверили в обещание амнистии, а четвертые просто изнывали от ностальгии» [Толстой, 1996, с. 451]²⁹. Помимо указанных генералом аргументов, можно предположить, что с помощью части репатриантов он стремился регенерировать или активировать агентурную сеть [Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 353–354].

²⁶ См. также: [LI LA. RF. 230/043s/081].

²⁷ См. также: [LI LA. RF. 230/043v/021].

²⁸ Подсчитано по: [Дробязко, 1999, с. 130; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 353–361].

²⁹ Ср. с оценкой поведения репатриантов, данной сотрудником Международного соглашения против III Интернационала (*Entente internationale contre la IIIe Internationale*, EIA) Юрия Лодыженского: «Разговаривая с интернированными русскими во время последнего периода их пребывания в Швейцарии, когда уже определилась неизбежность их отъезда из этой страны, я не раз вспоминал сцену из Киплинга, когда удав Каа завораживает сидящих напротив него в оцепенении обезьян и поочередно влечет их в свою пасть... Они предвидят свою гибель, но уже лишены сил сопротивления...» [Лодыженский, 2013, с. 502–503].

Несмотря на покровительство американской разведки, эмиграция в Аргентину была в значительной степени осуществлена не при помощи спецслужб, а благодаря клирикам РПЦЗ.

Важную роль в принятии решения сыграло непосредственное обращение к президенту Аргентины Хуану Перону протопр. Константина Изразцова, управлявшего всеми приходами Аргентины. О. Константин был направлен в Южную Америку еще в 1891 году. Статус члена Российского дипломатического корпуса позволил ему установить связи с политической элитой республики [Правотворов, 2021, с. 61–62; Меняйленко, 2014, с. 237]. В ходе визита 25 июня 1946 года к Перону Изразцовым совместно с протопр. Александром Шабашевым и игум. Аверкием (Восходовым)³⁰ было получено согласие принять русских перемещенных лиц, находящихся в Лихтенштейне, Швейцарии, Италии и Франции, общим числом до 25 тыс. человек³¹, о чем Изразцов сообщил прот. Давиду Чубову в письме от 22 августа 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1]³². Спустя два года квота увеличилась еще на 10 тыс. человек [Меняйленко, 2014, с. 237]. В дальнейшем были составлены памятки-анкеты «К сведению русских эмигрантов, желающих переселиться в Аргентинскую Республику». В них давался образец прошения (на имя о. Константина), приводился список данных («сведения обо мне и моей семье»), необходимых для получения визы, а также указывались профессии, которым отдавалось предпочтение («для Аргентинской Республики нужны: рабочие, техники-механики и, главным образом, — земледельцы»). Кроме того, автор памятки обращал внимание («предупреждаю Русскую Эмиграцию»), что лица свободных профессий (медики, юристы, студенты) «разрешения получают в виде исключения, так как не имеют права по специальности на работу и должны держать экзамены за курс средних и высших учебных заведений на испанском языке». Другой проблемой была невозможность принимающей стороны финансировать переезд. Как следствие, эмигрант мог рассчитывать на помощь Международной организации по делам беженцев (International Refugee Organization) и иных профильных структур³³. В отношении чинов 1-й РНА расходы, составившие около 450 тыс. фран-

³⁰ В организации переезда также принимали участие первоиерарх РПЦЗ митр. Анастасий Грибановский и еп. Серафим (Лукьянов). См. их письма прот. Давиду Чубову от 16/29 августа 1946 г. и 11/24 августа 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1].

³¹ Письмо Д. Чубова С. (?) Трескину от 28 сентября 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1]. См. также: [Мосейкина, 2007, с. 73].

³² Последнее, впрочем, имело определенные сложности из-за отсутствия аргентинских консулов в зонах союзнической оккупации. См. письмо протопр. Александра Шабашева от 2 декабря 1946 года [MRC. Chubov. Vox 1].

³³ Частное собрание. Копия находится в Личном архиве Мартынова.

ков (первоначально предполагалось выделить 100 000 фр.³⁴), покрыли власти Лихтенштейна. В дальнейшем, как и в случае с оплатой содержания интернированных, Вадуц получил компенсацию от Берлина.

Одновременно протопр. Константин обращался к прот. Давиду с пожеланием к имеющемуся визовому сбору «взыскать по одному швейцарскому франку с каждого получающего разрешение в пользу нашей церкви, каковые прошу перевести банковским переводом на мое имя» (письмо от 28 марта 1947 года) [MRC. Chubov. Vox 1].

Визы Хольмстон-Смысловским с супругой, отправившимся за океан за свой счет, были получены непосредственно благодаря Шабашеву (письмо Чубову от 2 декабря 1946 года) [MRC. Chubov. Vox 1]. Генерал ими воспользовался спустя почти год — 1 октября 1947 года [Geiger, Schlapp, 1996, S. 183; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367].

Выезд из страны шел неравномерно. Так, 9 августа 1946 года в Аргентину выехало 54 человека (всего за август княжество покинуло 84 интернированных) [Geiger, Schlapp, 1996, S. 183; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367], но спустя месяц при наборе желающих 3 сентября [MRC. Chubov. Vox 1] отправиться за океан согласилось лишь два человека: Василий Руденко³⁵ и Александр Лысаков³⁶. Поэтому правительство Лихтенштейна всячески стремилось как можно быстрее добиться отъезда чинов 1-й РНА. Когда выяснилось, что трое военнослужащих, Николай Конков³⁷, Алексей Козенков³⁸ и Павел Кисляков³⁹, которые «имели другие планы на эмиграцию и поэтому не были включены в первоначальный список», переменили свое решение, за подписью премьер-министра

³⁴ 800 фр. на человека (см. письмо Д. Чубова К. Израцову от 16 сентября 1946 года) [MRC. Chubov. Vox 1]. Также часть средств на переезд выделила International Refugee Organization (IRO) (письмо Д. Чубова Б. Хольмстону-Смысловскому от 26 июня 1947 года). Наконец, имело место взаимодействие с Young Men's Christian Association (письмо Г. Лорера Д. Чубову от 21 августа 1946 года, письмо Д. Чубова Трескину от 28 сентября 1946 года) и с фондом Александры Толстой [MRC. Chubov. Vox 1; Мосейкина, 2007, с. 73], а также, вероятно адресно, ЕИА [Лодыженский, 2013, с. 502].

³⁵ Бывший младший лейтенант Красной армии. Командир огневого взвода 422-го артиллерийского полка 157-й стрелковой дивизии. Первоначально считался погибшим 2 октября 1941 года в ходе боев за село Великий Дальник Беляевского района УССР [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 22. Л. 278]. В дальнейшем был установлен факт его пленения [ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 144. Л. 1112].

³⁶ Бывший рядовой Красной армии. Числился пропавшим без вести с марта 1943 года [ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 480. Л. 141].

³⁷ В документе ошибочно Конилов. Бывший рядовой РККА [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 146].

³⁸ В документе ошибочно Косенков. Бывший рядовой РККА [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 144].

³⁹ Бывший сержант РККА [ГАРФ. Ф. р-9526. Оп. 6. Д. 1226. Л. 145].

Александра Фрика было послано заказное экспресс-письмо на имя Генерального консула Аргентины Хуана Антонио Хиральдеса. В нем в числе прочего указывалась конфессиональная принадлежность коллаборантов: «православные эмигранты» (Orthodoxe Emigranten) [LI LA. RF. 230/043o/014]⁴⁰.

Всего же в Аргентину отправилось, по разным данным, от 100 до 300 человек чинов 1-й РНА и их семей [Дробязко, 1999, с. 132; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367; Меняйленко, 2014, с. 237]⁴¹.

Также некоторое число перемещенных лиц, являющихся эмигрантами первой волны и не подлежащих репатриации⁴², самостоятельно покинуло княжество. Кроме того, часть бывших советских граждан, опасаясь выдачи, бежала в другие страны, переходя на нелегальное положение, в том числе в Швейцарию [Дробязко, 1999, с. 130].

В итоге к 20 февраля 1948 года эпопея интернирования 1-й РНА в Лихтенштейне завершилась [Дробязко, 1999, с. 132; Грибков, Жуков, Ковтун, 2011, с. 367].

Тем самым, первоначально локальное происшествие, вызванное интернированием небольшого соединения коллаборантов, в скором времени вовлекло в себя население и правительства нескольких государств, руководства спецслужб и церковные круги, став одним из первых противостояний начинающейся холодной войны. Одновременно оно создало миф о нежелании главы княжества депортировать изменников.

Также, помимо примера того, как предатели смогли избежать наказания, рассматриваемая история имела еще одно последствие. Несмотря на столь конфликтные отношения друг к другу на протяжении всего периода интернирования, в 1966 году Хольмстон-Смысловский, сменивший к тому времени Аргентину на США, вернулся в Лихтенштейн, где и скончался спустя 22 года. Противоположности, вызвавшие ранее вражду, сошлись.

Список источников

Александров К. Армия генерала Власова 1944–1945. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 576 с.

Ауски С. Предательство и измена: войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско: Globus Publishers, 1982. 288 с.

⁴⁰ См. также: [LI LA. RF. 230/043o/012].

⁴¹ Общее число русских перемещенных лиц, отправившихся в Аргентину, к 16 октября 1946 года, согласно письму Д. Чубова Швейцарскому комитету помощи беженцам, составило 325 человек (125 в Лихтенштейне и 200 в Швейцарии) [MRC. Chubov. Vox 1].

⁴² На начало 1945 года их число в 1-й РНА составляло 20% [Хольмстон, 1953, с. 23].

Войцеховский С. Л. Эпизоды. Лондон: Заря, 1978. 192 с.

Грибков И., Жуков Д., Ковтун И. Особый штаб «Россия». М.: Вече, 2011. 464 с.

Дробязко С. Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения / ред. А. В. О कोरोков. М.: Архив РОА, 1999. Вып. 4. С. 116–143.

Каширин С. Российское военно-национальное освободительное движение имени генералиссимуса А. В. Суворова. Краткий исторический очерк // *Хольмстон-Смысловский Б. А.* Избранные статьи и речи. Буэнос-Айрес: Российское военно-национальное освободительное движение им. ген. А. В. Суворова, 1953. С. 5–15.

Литвин А. М. «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941–1943). Мн.: Беларуская навука, 2019. 224 с.

Лодыженский Ю. И. От Красного Креста к борьбе с Коминтерном. М.: Айрис-пресс, 2013. 576 с.

Мартынов А. В. К вопросу о моральном состоянии коллаборантов на примере 1-й Русской национальной армии // *История. Научное обозрение OSTKRAFT.* 2020. № 1. С. 100–106.

Мартынов А. «Настало время, чтобы чины 1-й Русской национальной армии покинули страну»: К истории пребывания войск Хольмстона-Смысловского в Лихтенштейне // *История отечественной коллаборации: Материалы и исследования / ред. А. Мартынов.* М.: Старая Басманная, 2017. С. 339–345.

Мартынов А. В. По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация. М.: Вече, 2019. 416 с.

Меняйленко М. К. Деятельность русских эмигрантов первой волны по защите в послевоенной Европе русских беженцев от насильственной репатриации в СССР // *Русское зарубежье: история и современность. Сборник статей.* / ред.-сост. Ю. В. Мухачев, Т. Г. Петрова. Москва: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 3. С. 232–240.

Месснер Е. Э. Вера и верность // *Суворовец.* 1949. № 2 (17). С. 2.

Мосейкина М. Н. «Издевательства над ди-пи продолжаютя»: формирование новой волны русской эмиграции в Аргентине после Второй мировой войны и проблемы репатриации в СССР // *Вестн. РУДН.* 2007. № 2. С. 70–81.

Полян П. От Вены до Вадуца: дневник интернированного коллаборанта Г. Томина (Симона) (3 апреля — 2 октября 1945 г.) // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2018. № 3 (14). С. 131–162.

Правотворов Б. А. Становление и деятельность православной церкви в Южной Америке (1887–1917) // *Гуманитарный акцент.* 2021. № 1. С. 60–65.

Ржанов Д. Когда Давид отстоял белых воинов от Голиафа // *Наша страна.* № 2352. С. 2.

Толстой Н. Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1996. 544 с.

Трефилов А. А. Развитие уголовного процесса в княжестве Лихтенштейн // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 111–116. DOI: 10.17223/23088451/15/21.

Хольмстон-Смысловский Б. А. Избранные статьи и речи. Буэнос-Айрес: Российское военно-национальное освободительное движение им. ген. А. В. Суворова, 1953. 224 с.

Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Intrada, 2001. С. 286.

Gehrig-Straube C. Beziehungslose Zeiten: das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946) aufgrund schweizerischer Akten. Zürich: Chronos, 1997. 620 s.

Geiger P., Schlapp M. Russen in Liechtenstein. Flucht und Internierung der Wehrmacht-Armee Holmstons 1945–1948. Mit des Liste der Interniert und dem russischen Tagebuch das Georgij Simon. Vaduz: Schalun; Zürich: Chronos, 1996. 370 s.

Grimm C. Internierte Russen in Liechtenstein // Jahrbuch des Historisches Vereins für das Fürstentum Liechtenstein. Vaduz, 1971. Bd. 71. S. 44–100.

Kuberski H. Russian Emigrants and Polish Underground in 1939–1948 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2017. Tom 52, Numer 1 (Special Issue). P. 73–136.

Lee E. Night of the Bayonets: The Texel Uprising and Hitler's Revenge, April-May 1945. Barnsley: Greenhill Books, 2020. 232 p.

Simpson C. Blowback — The first full account of America's recruitment of nazis, and its disastrous effect on our domestic and foreign policy. N. Y.: Collier Books, 1989. 398 p.

Архивы

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации;

ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации;

ЦДАГО України — Центральний державний архів громадських об'єднань України;

LI LA — Liechtenstein Landesarchiv;

MRC — Museum of Russian Culture in San Francisco.

References

Aleksandrov, K. (2006) *Armiya generala Vlasova 1944–1945* [General Vlasov's Army 1944–1945]. Moscow: Yauza, Eksmo.

Auski, S. (1982) *Predatel'stvo i izmena: voiska generala Vlasova v Chekhii* [Betrayal and treason: Army of General Vlasov in Bohemia]. Transl. by E.P. Novikova-Petrovskaya. San Francisco: Globus Publishers.

Drobyazko, S. (1999) 'Эпопея генерала Смysłовского' ['The epic of General Smysłovskiy'], in *Materialy po istorii Russkogo osvoboditel'nogo dvizheniya. Vip. 4* [Materials on the history of the Russian liberation movement. Iss. 4]. Ed. by A.V. Okorokov. Moscow: Arkhiv ROA, pp. 116–143.

Gehrig-Straube, C. (1997) *Beziehungslose Zeiten: das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946) aufgrund schweizerischer Akten*. Zürich: Chronos.

Geiger, P., Schlapp, M. (1996) *Russen in Liechtenstein. Flucht und Internierung der Wehrmacht-Armee Holmstons 1945–1948. Mit der Liste der Interniert und dem russischen Tagebuch des Georgij Simon*. Vaduz: Schalun; Zürich: Chronos.

Gribkov, I., Zhukov, D., Kovtun, I. (2011) *Osobyi shtab «Rossiya»* [Special Headquarters "Russia"]. Moscow: Veche.

Grimm, C. (1971) 'Internierte Russen in Liechtenstein', *Jahrbuch des Historischen Vereins für das Fürstentum Liechtenstein*, 71, pp. 44–100.

Kashirin, S. (1953) 'Rossiiskoe voenno-natsional'noe osvoboditel'noe dvizhenie imeni generalissimusa A.V. Suvorova. Kratkii istoricheskii ocherk' ['Russian military-national liberation movement named after Generalissimo A.V. Suvorov. Brief historical outline'], in Khol'mston-Smyslovskii, B.A. *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Buenos Aires: Rossiiskoe voenno-natsional'noe osvoboditel'noe dvizhenie im. gen. A.V. Suvorova, pp. 5–15.

Khol'mston-Smyslovskii, B.A. (1953) *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Buenos Aires: Rossiiskoe voenno-natsional'noe osvoboditel'noe dvizhenie im. gen. A.V. Suvorova.

Kuberski, H. (2017) 'Russian Emigrants and Polish Underground in 1939–1948', *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, 52(1)SI, pp. 73–136.

Lee, E. (2020) *Night of the Bayonets: The Texel Uprising and Hitler's Revenge, April-May 1945*. Barnsley: Greenhill Books.

Litvin, A.M. (2019) «Kto mozhet, peredaite rodnym...»: *Tainy tyuremnykh kamer okkupirovannogo Gomelya (1941–1943)* ["Who can, tell your relatives...": Secrets of the prison cells of the occupied Gomel (1941–1943)]. Minsk: Belaruskaya navuka.

Lodyzhenskii, Yu.I. (2013) *Ot Krasnogo Kresta k bor'be s Kominternom* [From the Red Cross to the fight against the Comintern]. Moscow: Airis-press.

Martynov, A.V. (2020) 'K voprosu o moral'nom sostoyanii kollaborantov na primere 1-i Russkoi natsional'noi armii' ['To the question of the morale of collaborators on the example of the 1st Russian National Army'], *Istoriya. Nauchnoe obozrenie OST-KRAFT* [History. OSTCRAFT Scientific Review], 1, pp. 100–106.

Martynov, A. (2017) «Nastalo vremya, chtoby chiny 1-i Russkoi natsional'noi armii pokinuli stranu»: K istorii prebyvaniya voisk Khol'mstona-Smyslovskogo v

Likhtenshteine' ["The time has come for the ranks of the 1st Russian National Army to leave the country": On the history of the stay of Holmston-Smyslovsky's troops in Liechtenstein'], in *Istoriya otechestvennoi kollaboratsii: Materialy i issledovaniya* [The history of Russian collaboration: Materials and research]. Ed. by A. Martynov. Moscow: Staraya Basmannaya, pp. 339–345.

Martynov, A.V. (2019) *Po obe storony pravdy. Vlasovskoe dvizhenie i otechestvennaya kollaboratsiya* [Both sides of the truth. Vlasov movement and domestic collaboration]. Moscow: Veche.

Menyailenko, M.K. (2014) 'Deyatel'nost' russkikh emigrantov pervoi volny po zashchite v poslevoennoi Evrope russkikh bezhentsev ot nasil'stvennoi repatriatsii v SSSR' ['The activities of Russian emigrants of the first wave to protect Russian refugees in post-war Europe from forced repatriation to the USSR'], in *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'. Sbornik statei. Vip. 4* [Russian Abroad: History and Modernity. Collection of articles. Vol. 4]. Comp. ed. by Yu.V. Mukhachev, T.G. Petrova. Moscow: INION RAN, pp. 232–240.

Messner, E.E. (1949) 'Vera i vernost' ['Belief and fidelity'], *Suvorovets* [Suvorovets], 2(17), p. 2.

Moseikina, M.N. (2007) '«Izdevatel'stva nad di-pi prodolzhayutsya»: formirovanie novoi volny russkoi emigratsii v Argentine posle vtoroi mirovoi voyny i problemy repatriatsii v SSSR' ["The bullying of DP continues": formation of a new wave of Russian emigration in Argentina after World War II and the problems of repatriation to the USSR'], *Vestnik RUDN* [Bulletin of the RUDN], 2, pp. 70–81.

Polyan, P. (2018) 'Ot Veny do Vadutsa: dnevnik internirovannogo kollaboranta G. Tomina (Simona) (3 aprelya — 2 oktyabrya 1945 g.)' ['From Vienna to Vaduz: diary of interned collaborator G. Tomin (Simon) (April 3 — October 2, 1945)'], *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies], 3(14), pp. 131–162.

Pravotvorov, B.A. (2021) 'Stanovlenie i deyatelnost' pravoslavnoi tserkvi v Yuzhnoi Amerike (1887–1917)' ['Formation and activity of the Orthodox Church in South America (1887–1917)'], *Gumanitarnyi aktsent* [Humanitarian accent], 1, pp. 60–65.

Rzhanov, D. (1995) 'Kogda David otstoyal belykh voynov ot Goliafa' ['When David defended the white warriors from Goliath'], *Nasha strana* [Our country], 2352, p. 2.

Simpson, C. (1989) *Blowback — The first full account of America's recruitment of nazis, and its disastrous effect on our domestic and foreign policy*. New York: Collier Books.

Tolstoi, N. (1996) *Zhertvy Yalty* [Victims of Yalta]. Transl. by E.S. Gessen. Moscow: Russkii put'.

Trefilov, A.A. (2020) 'Razvitie ugovnogo protsessa v knyazhestve Likhtenshtein' ['Development of the criminal process in the Principality of Liechtenstein'], *Ugovnaya yustitsiya* [Criminal justice], 15, pp. 111–116. doi: 10.17223/23088451/15/21.

Tsurganov, Yu.S. (2001) *Neudavshiysya revansh. Belaya emigratsiya vo Vtoroi mirovoi voine* [Failed revenge. White emigration in World War II]. Moscow: Intrada.

Voitsekhovskii, S.L. (1978) *Epizody* [Episodes]. London: Zaria.

Информация об авторе: А. В. Мартынов — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: A. V. Martynov — PhD in Philosophy, senior research fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022;
одобрена после рецензирования 28.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 08.08.2022;
approved after reviewing 28.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 73–83.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 73–83.

Научная статья / Original article

УДК 94(47)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-73-83

ПОЧЕМУ «ПЕТЕРБУРГСКАЯ РОССИЯ» ТАК И НЕ ПОБЕДИЛА «МОСКОВСКУЮ РУСЬ»? (М. М. КОВАЛЕВСКИЙ О ПРОБЛЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Нина Борисовна Хайлова
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия, nkhailova@yandex.ru

 Аннотация. В статье рассматриваются взгляды М. М. Ковалевского на проблему заимствования зарубежного опыта в области политических институтов. В центре внимания — работа Ковалевского «Очерки по истории политических учреждений России» (1908), первый в историографии опыт сжатого и доступного изложения темы. «Московская Русь» — символ страны как восточной деспотии (именно так ученый характеризовал Россию XVI–XVII веков). «Петербургская Россия» — условный образ России как Европы. Ковалевский исследует транзит страны с Востока на Запад, выделяя реформы Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II. Он приходит к выводу о том, что преобразование политического строя России по иностранным образцам не по-

© Хайлова Н. Б., 2022

мешало сохранению политических устоев, свойственных «Московской Руси». Ковалевский объясняет это влиянием ряда внутренних и внешних факторов, отстаивает приоритет культуры в деле общественного переустройства.

Ключевые слова: М. М. Ковалевский, «Московская Русь», «Петербургская Россия», природно-географический фактор, самодержавие, национальный характер

Ссылка для цитирования: Хайлова Н. Б. Почему «Петербургская Россия» так и не победила «Московскую Русь»? (М. М. Ковалевский о проблеме заимствования зарубежного опыта) // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 73–83. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-73-83>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

WHY DID “PETERSBURG RUSSIA” NEVER DEFEAT “MUSCOVITE RUSSIA”?
(M. M. KOVALEVSKY ON THE PROBLEM OF BORROWING FOREIGN EXPERIENCE)

Nina B. Khailova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nkhailova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the views of M. M. Kovalevsky on the problem of borrowing foreign experience in the field of political institutions. The focus is on the work of Kovalevsky “Essays on the history of political institutions in Russia” (1908), the first experience in historiography of a concise and accessible presentation of the topic. “Muscovite Russia” is a symbol of the country as an oriental despotism (this is how the scientist characterized Russia in the 16th–17th centuries). “Petersburg Russia” is a conditional image of Russia as Europe. Kovalevsky explores the transit of the country from east to west, highlighting the reforms of Peter I, Catherine II, Alexander I and Alexander II. He comes to the conclusion that the transformation of the political system of Russia according to foreign models did not prevent the preservation of the political foundations characteristic of “Muscovite Russia”. Kovalevsky explains this by the influence of a number of internal and external factors, he defends the priority of culture in social reconstruction.

Keywords: M. M. Kovalevsky, “Muscovite Russia”, “Petersburg Russia”, natural-geographical factor, autocracy, national character

For citation: Khailova, N.B. (2022) ‘Why did “Petersburg Russia” never defeat “Muscovite Russia”?’ (M.M. Kovalevsky on the problem of borrowing foreign experience), *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 73–83. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-73-83.

Проблема, упомянутая в подзаголовке статьи, занимает особое место в научном наследии Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916). Исследуя законы социальной эволюции, он активно развивал сравнительно-исторический метод, внес вклад в теорию заимствования [Вострикова, 2011, с. 50–53]. В 1887–1905 годах ученый жил за границей, совмещая научную и преподавательскую деятельность. Откликом на растущий интерес к России стал цикл лекций Ковалевского, посвященный истории развития отечественных государственных учреждений. Эти выступления были положены в основу публикаций, осуществленных в 1902–1903 годах во Франции и США [Kovalevsky, 1902; Kovalevsky, 1903]. Впоследствии книга увидела свет и на русском языке [Ковалевский, 1908]. В 2010 году она была переиздана в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» [Ковалевский, 2010, Очерки ...].

Несмотря на то, что к концу XIX века имелась богатая литература о политическом строе России «в прошлом и настоящем», «Очерки...» Ковалевского стали первым опытом сжатого и доступного изложения процесса становления и развития политических учреждений страны. Излюбленный прием автора — взгляд «с высоты птичьего полета» на объект исследовательского интереса — позволил ученому вписать формирование российской государственности и ее институтов в масштабное полотно международных отношений, проанализировать многовековой опыт России в области соответствующих зарубежных заимствований.

По Ковалевскому, Древняя Русь развивалась в общеевропейском русле, а «русская удельная система приближалась к феодальным монархиям Западной Европы того же периода». Влияние «варяжского» фактора сказывалось в том, что начиная с XI века русские земли представляли собой федерацию княжеств, которые управлялись членами династии Рюрика («и подчиненных более или менее номинально великому князю Киевскому»). Ученый обращал особое внимание на роль народных собраний в решении государственных дел,

в том числе договоры между народом и князем, согласно которым последний «обязывался сохранить права тех, кем призван был княжить». При этом автор признавал слабые стороны древнерусской политической модели: «Отсутствие прочной связи, разумеется, ослабляло силу сопротивления России чужеземным завоевателям, поддерживало мелкие княжества в состоянии постоянной войны друг с другом и делало их легкой добычей для восточных кочевников, начиная с половцев и кончая татарами» [там же, с. 172].

В результате русские земли на юге и юго-востоке оказались в подчинении монголо-татарам, а на западе — литовских князей из династии Гедиминовичей. Еще одним судьбоносным следствием изменений геополитической ситуации стала ускоренная «славянская колонизация» центральной части Восточно-Европейской равнины, что привело к образованию «великорусского племени смешанной крови». «Этот-то народ и объединили под своим господством московские князья и, впоследствии, цари, в то время как более южные и более западные ветви славян составили под властью сначала литовских, а затем польских князей племена малорусское и белорусское» [там же, с. 173–174], — заключал Ковалевский.

В последующем изложении становления и эволюции российской государственности ученый стремился осмыслить неистребимую жизненную силу устоев «Московской Руси», их сопротивляемость неоднократным попыткам реформирования путем зарубежных заимствований. Ковалевский объяснял этот феномен главным образом объективными причинами.

Он отводил решающую роль природно-географическому фактору. «Внутренняя организация Московского княжества, а впоследствии Московского царства, была удивительно приспособлена к беспредельному расширению, — отмечает в книге. — Историки говорят о ней то как о системе поместья в увеличенных размерах, то как о своего рода обширном военном лагере». Отмечая справедливость обеих трактовок, Ковалевский подчеркивал важную особенность такого государственного устройства («и поместье, и военный лагерь были открыты для всякого пришельца» [там же, с. 182]¹), определившую состав «ядра русского титулованного дворянства» как «смесь элементов чрезвычайно разнородных».

¹ «Будь то авантюрист царской крови, русский, литовец или даже татарин, ищущий службы и земли, или свободный крестьянин, тоже желающий приобрести землю в потомственную аренду, с условием, чтобы известная часть необходимого для эксплуатации капитала была выдана ему собственником, — обе эти категории людей охотно принимались великим князем или землевладельческой аристократией. Ибо нарождающееся государство, более богатое землей, чем жителями, готово было обеспечить всякому пришельцу возможность получения ежегодного дохода путем обработки девственных полей и никем не занятых земель» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 182].

Характеризуя положение свободных земледельцев, селившихся на землях Московского княжества, автор находил много общего с экономической жизнью средневековых Англии, Франции и Германии. Он объяснял это так: «Юридические институты создаются не столько индивидуальным гением той или иной нации или расы, сколько потребностями самой жизни, <...> одни и те же институты могут встречаться у самых различных народов в различные века». А потому в этих случаях «и речи не может быть о каком-либо прямом подражании» [там же, с. 183]. Та же параллель была установлена Ковалевским между земельными пожалованиями, которые московские правители предоставляли служилым людям, и бенефициями в средневековой Англии. Впрочем, последнее наблюдение, по его мнению, не исключало версии происхождения подобных порядков как «подражания татарским ханствам» [там же, с. 184].

Отмечая особую «удачливость» московских князей, Ковалевский подчеркивал: «Вначале не было удела меньше московского; он весь умещался с избытком в теперешней Московской губернии, да еще делился не раз между наследниками, так что двор у Боровицких ворот доставался одному, а мельница на Неглинной — другому. Но в двести лет Московское княжество выросло в тридцать раз и раскинулось уже по десяти губерниям, по Оке и верхней Волге. При Иване III, Василии III и Иване IV пределы московские еще расширились» [Ковалевский, 2010, Из истории ... , с. 61]. Московские государи, как их предки, удельные князья московские, по-прежнему считали всё государство своей вотчиной. Поскольку границы России продолжали неуклонно раздвигаться фактически вплоть до конца XIX века, существование политической модели Московской Руси, с точки зрения ее властителей, было оправдано и целесообразно. Административная машина была важной скрепой обширных пространств России. Система управления и контроля нивелировала различия народов, населявших новые территории. «Местная аристократия, — пишет Ковалевский, — зачислялась в ряды московских служилых людей, а низшие классы завоеванных провинций зачислялись в податное сословие» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 196].

Историк признавал, что многовековое формирование государства на протяженной открытой территории ставило перед Россией задачу постоянной мобилизации ресурсов, в том числе для обеспечения защиты границ. По его мнению, это также закономерно «программировало» страну на сохранение и упрочение политического режима как «военного лагеря», предполагавшего жесткую централизацию и строго-иерархический порядок.

Еще один фактор, определивший устойчивое своеобразие России, — самодержавие, утвердившееся при Иване III. Уничтожение остатков «примитив-

ной демократии» («некогда общей всем средневековым русским княжествам и еще существовавшей в Новгородском и Псковском») и заявление притязаний «Государя Всея Руси» на роль преемника византийских императоров в деле управления православным миром — эти события Ковалевский оценивал как поворотные пункты в политической эволюции страны [там же, с. 191]. Именно в России, подчеркивал ученый, оказалась благодатная почва для того, чтобы здесь на века укоренилась «византийская теория императорского самодержавия». «Государь государства больше» [Ковалевский, 2010, Из истории ... , с. 66], — приводил он слова Ивана IV. Царь решал всё самолично, советуясь лишь с узким кругом приближенных лиц. Проявлением этого же «тренда», по мнению Ковалевского, стало, в частности, и учреждение Земских соборов. Он объяснял это так: «Русское правительство не искало совета наиболее сведущих людей в государстве; ему было лишь нужно узнать мнения тех, кто стоял во главе солдат или плательщиков податей; оно желало узнать не столько о нуждах населения различных округов, городов и посадов, сколько о числе ратников и о сумме денег и всякого добра, которыми оно могло располагать в случае военных или политических затруднений». Ковалевский подчеркивал, что упомянутые задачи Соборов и особенности состава их участников не дают оснований трактовать этот представительный орган как «сколок с английского парламента и с французских Генеральных штатов».

Более того, Ковалевский указывал на кардинальные различия между Россией и Западной Европой того времени, исключавшие появление российского народного представительства по образцу английского или французского. С одной стороны, это отсутствие личной свободы («с каждым поколением все глубже чувствуемое» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 192–194]), а с другой — из-за дальних, труднопреодолимых расстояний Московии царь мог реально опираться на поддержку лишь той части правящей элиты и купечества, которая постоянно жила в столице².

По Ковалевскому, ядро политической модели «Московской Руси» — это единоличный правитель. Все участники административного механизма призваны безоговорочно реализовывать обозначенный самодержцем курс и действовать в известной «системе координат» (местничество, кормления). Страна фактически отдается служилым людям на откуп — со всеми вытекающими

² «Кто примет во внимание чрезвычайную обширность Русского государства в то время, когда Соборы впервые появляются в его истории, кто вспомнит, что невозможно было достигнуть столицы менее, чем в несколько месяцев ввиду плохого состояния дорог и отдаленности некоторых провинций, как Новгород, Псков, Архангельск, берега Енисея или Урала, Камы или Волги, — тот легко поймет, что парламентарное представительство не могло принять в России тот общий характер, какой оно имело в Англии» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 194].

отсюда последствиями. А это — народные волнения и борьба за власть группировок правящих элит, которые поднимали голову в периоды ослабления самодержавия, как это было в Смутное время или эпоху дворцовых переворотов. Ковалевский подчеркивает, что можно очень условно говорить о пользе для будущего страны известных попыток ограничения единовластия царя в упомянутые периоды, поскольку главной целью оппозиционеров было обеспечить «больше свободы» не народу, а исключительно себе.

Объясняя причины устойчивости модели «Московской Руси», Ковалевский, наряду с действием природно-географического фактора и влиянием самодержавия, обращал внимание также на русский национальный характер как опору политического режима. Ученый признавал, что «восточный деспотизм Ивана Грозного и псевдопатриархальная власть Алексея Михайловича» окончательно утвердили в сознании большинства россиян представление о своеобразной норме в отношениях власти и подданных, которая исключала идеи политической и гражданской свободы. «Русский народ продолжал из поколения в поколение поддерживать систему, которая менее всего пользы приносила ему» [там же, с. 257] — одно из объяснений этого явления ученый видел в том, что несмотря на «спорадические вспышки гнева», русский подданный вплоть до начала XX века продолжал оставаться «скорее плательщиком налогов, чем гражданином» [там же]³.

Закреплению такого менталитета способствовало и невежество масс. А в результате «отсутствие просвещения, личной энергии и веры в себя сделало столь тяжелой задачей преобразования России по европейскому образцу» [там же, с. 234].

Развивая мысли о роли человеческого фактора, Ковалевский выходил на проблему политического консерватизма. По его мнению, консерваторами в России традиционно считались сторонники сохранения самодержавия, при-

³ Несмотря на вывод Ковалевского о «грубости» политических учреждений Московского государства времен Ивана Грозного (по словам современников-иностранцев, оно представляло собой «крайний пример деспотии, или тирании»), ученый обращал внимание на обозначившиеся тогда же альтернативы («зародыши») будущего развития России, одной из которых (наряду с «восточной монархией») были «военные казацкие республики». «На Москве вся страна была вотчиной государя; на Дону власть была в руках всей казацкой общины, всего круга, все казачество чувствовало себя хозяином» [Ковалевский, 2010, Из истории ... , с. 93]. Ученый подчеркивал, что из слияния этих двух «линий» и образовалось Российское государство. Вплоть до начала XX века в нем сосуществовали две противоположные друг другу тенденции: «одна — к порядку, основанному на общественной иерархии, а другая — к неограниченной и равной для всех свободе. Но в конце XVI столетия природа этих двух различных социально-политических организмов была слишком несовместима, чтобы между ними возможны были какие-нибудь другие отношения, кроме открытой войны», — признавал ученый [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 200].

знававшие главной именно эту цель, а вовсе не обеспечение нужд государства и большинства населения страны. В качестве примера ученый приводил деятелей упомянутого типа, которые в эпоху реформ Александра I выступили противниками радикальной переделки «старых государственных учреждений» (по существу, «полушведских, полунемецких надстроек над московскими учреждениями и обычаями»), в которых было «очень мало древнего и соответствующего народному духу». Вывод Ковалевского был однозначен: «Нельзя пытаться найти истинных консерваторов в рядах бюрократии, созданной по иностранному образцу».

С определенными оговорками ученый готов был назвать «настоящими консерваторами» представителей «романтической школы старых славянофилов», желавших восстановить нравы и обычаи далеких предков. Но эта «политическая археология» слишком далека от быстро прогрессирующего общества, подчеркивал Ковалевский. Ссылаясь на европейский опыт, он полагал, что консерватором следует считать не того, «кто довольствуется защитой и проведением в жизнь положения: “так было, так и будет”, а того, кто, приносившись к требованиям жизни, делает благоразумные уступки духу времени» [Ковалевский, 1915, с. 366]. Примером подобного подхода для ученого были реформы Александра II, а также деятельность С. Ю. Витте, сыгравшего важную роль в превращении России в конституционную монархию.

Размышляя о феномене незыблемости «Московской Руси», Ковалевский наряду с внутренними обстоятельствами отмечал и влияние внешнего фактора. Он обращал внимание на то, что в период активного заимствования Россией зарубежного опыта в самой Европе преобладали вовсе не либеральные модели управления. В результате перестройка государственных учреждений в эпоху от Петра I до Екатерины II включительно шла в целом по образцу «европейского военного абсолютизма» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 201]. А в начальный период правления Александра I, увлеченного опытом Наполеона Бонапарта, ориентиром для российского императора стал идеал «добротного тирана» — «могущественного единоличного правителя, руководимого идеями справедливости и свободы и управляющего народом сообразно с его интересами, но без его участия» [там же, с. 282]. Понятно, что такой европейский «мейнстрим» в общем устраивал российских императоров-реформаторов.

Анализ транзита России с Востока на Запад, рассмотрение результатов адаптации в стране зарубежного опыта — всё это приводило Ковалевского к выводу о том, что преобразование государственного строя по иностранным образцам нисколько не помешало сохранению сути политических институтов, сложившихся в период Московского царства. Ученый объяснял это тем, что

иностранные идеи и учреждения заимствовались лишь постольку, поскольку они не противоречили существовавшей форме правления: «Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала». К тому же чужеземные законы и регламенты, привитые к «русскому стволу», подверглись сильному воздействию природы последнего [там же, с. 158].

«Как можно освободить Россию из тисков “Московской Руси”?» — отвечая на этот вопрос, Ковалевский, как ученый и политик (либерал-центрист), предлагал исходить из опыта истории, который говорит о том, что негативно влияет на государство не только единовластие самодержца. Не менее вредно и сосредоточение власти в руках какой-либо одной группы (социальной или политической), как это было, например, в случае с Петром I, сделавшим ставку на бюрократию, или с Екатериной II, опиравшейся на дворянство. Такие порядки, по словам Ковалевского, всегда открывают пути для «вопиющих злоупотреблений» и ускоряют процесс «гниения» государственных учреждений. Отсюда мысль ученого о необходимости для России представительного строя, а также вывод о необходимости широкого распространения местного самоуправления.

Ковалевский обращал внимание на еще один урок истории. Поскольку «учреждения исчезают легче, нежели образовавшиеся под их влиянием черты характера», — акцентировал он, — успех европеизации России зависит прежде всего от успехов народного просвещения. Ученый и его соратники последовательно отстаивали приоритет культуры в деле общественного переустройства. В частности, рассуждая о последствиях петровских реформ, Ковалевский убежденно заявлял:

Нет сомнения, что распространение знаний вообще, и особенно технических, открытие теремов — части домов, обитаемых женской половиной семей — для свободного общения обитательниц их с внешним миром, уничтожение старого предрассудка, заставлявшего ценить человека по его происхождению, а не по его достоинствам, сделали больше для преобразования русского государства, чем введение бюрократических учреждений, заимствованных за границей.

[Там же, с. 237]

Список источников

Вострикова В. В. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века // Исторические, философские, политические и юридиче-

ские науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. 2011. № 2 (8), ч. 2. С. 50–53.

Ковалевский М. М. Граф С. Ю. Витте // Вестн. Европы. 1915. № 4. С. 362–367.

Ковалевский М. М. Из истории государственной власти в России // Ковалевский М. М. Избр. труды: в 2-х ч. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н. Б. Хайлова. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 1. С. 55–156.

Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России // Ковалевский М. М. Избр. труды: в 2-х ч. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н. Б. Хайлова. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 1. С. 157–391.

Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России / пер. с разреш. авт., А. Баумштейна, под ред. Е. Смирнова. СПб.: Н. Глаголев, 1908. 243 с.

Kovalevsky M. Russian political institutions. The growth and development of these institutions from the beginnings of Russian history to the present time. Chicago: The University of Chicago Press, 1902. 328 p.

Kovalevsky M. Institutions politiques de la Russie. Naissance et développement de ces Institutions des commencements de l'histoire de Russie jusqu'à nos jours. Paris: V. Giard & E. Briere, 1903. 370 p.

References

Kovalevsky, M. (1902) *Russian political institutions. The growth and development of these institutions from the beginnings of Russian history to the present time*. Chicago: The University of Chicago Press.

Kovalevsky, M. (1903) *Institutions politiques de la Russie. Naissance et développement de ces Institutions des commencements de l'histoire de Russie jusqu'à nos jours*. Paris: V. Giard & E. Briere. (“Bibliothèque internationale de droit public, publiée sous la direction de Max Boucard et Gaston Jèze”).

Kovalevskij, M.M. (1908) *Oчерки по истории политических учреждений России [Essays on the History of Political Institutions in Russia]*. Transl. by A. Baumshtejn, ed. by E. Smirnov. St. Petersburg: N. Glagolev.

Kovalevskij, M.M. (1915) ‘Граф С.Ю. Витте’ [‘Count S.Yu. Witte’], *Vestnik Evropy*, 4, pp. 362–367.

Kovalevskij, M.M. (2010) ‘Из истории государственной власти в России’ [‘From the History of State Power in Russia’], in Kovalevskij, M.M. *Izbrannye trudy: v 2-h ch. Ch. 1 [Selected Writings: in 2 parts. Part 1]*. Comp., introduction, comments by N.B. Hajlova. Moscow: ROSSPEN, pp. 55–156.

Kovalevskij, M.M. (2010) ‘Oчерки по истории политических учреждений России’ [‘Essays on the History of Political Institutions in Russia’], in Kovalevskij, M.M. *Izbran-*

nye trudy: v 2-h ch. Ch. 1 [Selected Writings: in 2 parts. Part 1]. Comp., introduction, comments by N.B. Hajlova. Moscow: ROSSPEN, pp. 157–391.

Vostrikova, V.V. (2011) 'Teoriya zaimstvovaniya v interpretacii rossijskih liberalov nachala XIX veka' ['The Theory of Borrowing in the Interpretation of Russian Liberals of the Early 20th Century'], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki: Nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of theory and practice: Scientific-theoretical and applied journal]*, 2(8), part 2, pp. 50–53.

Информация об авторе: Н. Б. Хайлова — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Адрес: Российская Федерация, 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

Information about the author: N. B. Khailova — DSc in History, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Address: 19 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117036, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 19.06.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 84–103.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 84–103.

Научная статья / Original article

УДК 2-9:94(47)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-84-103

ПИЕТИЗМ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XVIII–XIX ВЕКОВ

Татьяна Витаутасовна Чумакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, chumakovatv@gmail.com

 Аннотация. Статья посвящена рецепции пиетизма в русской религиозно-философской мысли XVIII–XIX веков. Пиетизм, возникший как реакция на формализацию протестантизма в XVII веке, выражал стремление людей к личному благочестию, к идеалам раннего христианства. Влияние пиетизма на русскую культуру начинается достаточно рано, в том же XVII веке. В XVIII столетии он укрепляется как благодаря переводам учебной литературы, которые осуществлялись выходцами из Галле, так и личным контактам, а также переводам Иоганна Арндта, Иоганна Герхарда и Филиппа Якоба Шпенера. Они были в ходу в семинариях, а также входили в состав личных и монастырских библиотек. Появлялись религиозные произведения, созданные под влиянием этой традиции (например, «О истинном христианстве» Тихона Задонского). К началу XIX века пиетизм становится важной частью российской религиозной инфосферы; в течение столетия его влияние не ослабевает, однако рацио-

© Чумакова Т. В., 2022

налистическая философия постепенно ограничивает его усиление. Пиетизм актуализируется прежде всего в религиозно-философской традиции, а также в деятельности различных институций, которые занимались духовным просвещением. Среди наиболее последовательных сторонников пиетистской традиции в России можно назвать В. А. Жуковского и А. С. Стурдзу. Но влияние предпиетизма (И. Арндт), пиетизма и германского неопиетизма XIX века можно обнаружить практически у всех русских религиозных философов первой половины XIX века.

Ключевые слова: пиетизм, русская культура, православие, русская философия

Благодарности: Исследование подготовлено при поддержке гранта РФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX — нач. XX вв.».

Ссылка для цитирования: Чумакова Т. В. Пиетизм в русской религиозно-философской мысли XVIII–XIX веков // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 84–103.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-84-103>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

PIETISM IN RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT
OF THE 18TH–19TH CENTURIES

Tatiana V. Chumakova

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia, chumakovatv@gmail.com

Abstract. This article focuses on the reception of Pietism in Russian religious and philosophical thought in the 18th–19th centuries. Pietism, which emerged as a reaction to formalisation of Protestantism in the 18th century, expressed people's aspirations for personal piety and ideals of early Christianity. Influence of Pietism on Russian culture can be found as early as the 17th century. In the 18th century it grows extensively thanks to the translations of study materials by the Halle Pietists, as well as by Johann Arndt, Johann Gerhard, and Philipp Jakob Spener. The transla-

tions were used in seminaries and were part of personal and monastery libraries. Inspired by the tradition of pietism, new religious works were written (“About True Christianity” by Tikhon of Zadonsk). Pietism becomes an important part of Russian religious infosphere. In the 19th century the effect of pietist tradition continues to be strong, however, it is no longer a global phenomenon. Pietism takes an increasing importance, first of all, in religious and philosophical tradition as well as activities of various institutions involved in religious education. Among the most fervent advocates of pietism in Russia are V. A. Zhukovsky and A. S. Strudza. Nevertheless, the impact of pre-Pietism (J. Arndt), Pietism and German neo-Pietism of the 19th century can be found among almost all the Russian religious philosophers of the first half of the 19th century.

Keywords: Pietism, Russian culture, Orthodoxy, Russian philosophy

Acknowledgments: The study was supported by the project 22-28-00862 of Russian Science Foundation — “The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th — early 20th cc.”.

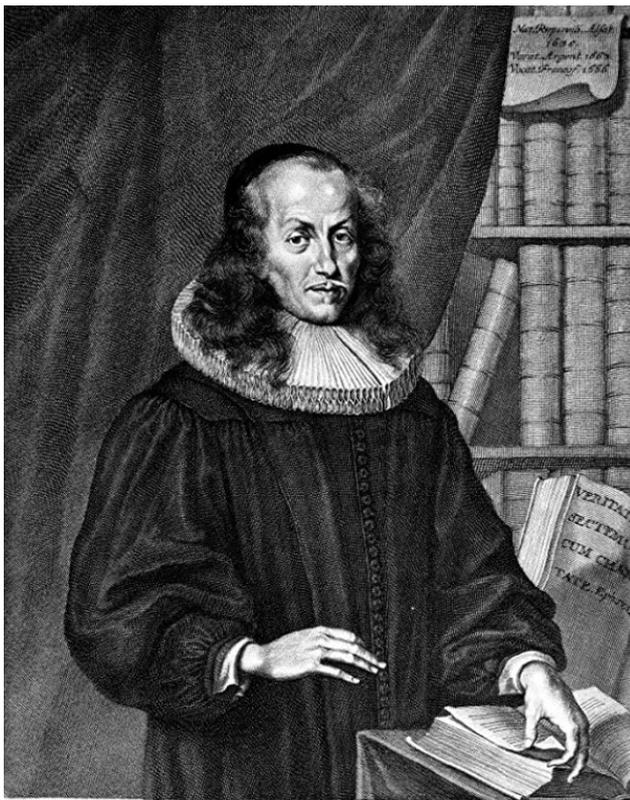
For citation: Chumakova, T.V. (2022) ‘Pietism in Russian Religious and Philosophical Thought of the 18th–19th Centuries’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 84–103. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-84-103.

Пиетизм (от лат. *pietas* — набожность, благочестие, любовь, надежность, преданность, справедливость, сострадание, милосердие, добросердечие) в христианской традиции с эпохи Реформации обозначает тот образ жизни и традиции благочестия, которые существовали в первых христианских общинах. В качестве религиозного направления он возникает в протестантизме после Тридцатилетней войны. Сторонники этого движения, опираясь на труды основоположников Реформации Кальвина и Лютера, а также на мистическую духовность Средневековья и Нового времени, стремились завершить процесс Реформации, сделав акцент на реформировании внутренней религиозной жизни отдельного человека. Говоря о периодах развития этого течения, исследователи выделяют этап предприетизма, который связывается прежде всего с именами Иоганна Арндта (1555–1621) и Якоба Бёме (1575–1624). «Духовная алхимия», в результате чего появляется новый, духовный человек, которую проповедовали эти авторы, была близка сторонникам разных религиозных и эзотерических течений XVII–XIX веков [Shantz, 2011]. Но начало пи-

етизма как течения в лютеранстве традиционно связывают с выходом в свет в 1675 году трактата Филиппа Якоба Шпенера “*Pia desideria*”. Значение этого произведения было столь велико, что спустя два года последователей Шпенера стали называть пиетистами. Во многом благодаря этому труду Шпенера стали считать наиболее важным германским протестантским теологом в период между Реформацией и Просвещением [ibidem]. Основными идеями Шпенера были следующие:

- изучение Библии должно быть постоянным занятием каждого христианина, а не только богословов;
- необходимость обновления темы духовного священства всех верующих, о чем успели позабыть многие протестанты;
- христиане должны сосредотачиваться прежде всего на личном духовном опыте и практике духовной жизни, а не на рациональном знании;
- христианство — «религия сердца», и полемика между христианами должна проходить в духе любви;
- богословское образование подразумевает изучение не только богословской, но и духовной литературы, чтобы пасторы уделяли большее внимание личному наставлению верующих;
- цель проповеди — это прежде всего наставление в вере, а не демонстрация богословских познаний пастора [Bernard, 1996, p. 218–220].

Пиетисты классического периода считали, что цель религиозных практик — полное религиозное обновление каждого верующего. Отказываясь от единой схемы такого обновления, они делали акцент на сознательном изменении отношения людей к Богу, обретении уверенности в божественном прощении, принятии его и постоянной заботе. Плодом такого обновления должна стать жизнь в форме “*pietas*” (благочестия) — полная любви к Богу и человечеству, основанная на живом ощущении реальности присутствия Бога в любой момент жизни. Пиетисты верили, что те, в ком актуализируется эта религиозная перспектива, составляют инклюзивное сообщество, подобное общинам первых христиан, в которых не было разделения на национальности, расы и сословия. Чувство религиозной солидарности выражалось у них в формах обращения — они называли друг друга «брат» или «сестра». Эта религиозная солидарность распространялась и на их видение общественной жизни и политики, которые, по их мнению, подлежали реформированию, моральному исправлению [Stoeffler, 2005]. Акцент был сделан на необходимость соблюдения благочестия, создание небольших групп (*collegia pietatis*) для распространения слова Божьего через молитву, пение и духовное чтение, а также на мировоззрение, подчеркивающее единство между конфессиями [Collis, 2012, p. 110].

PHILIPPUS IACOBUS SPENER. S. S. THEOLOGICAE ECCLESIAE EVANGELICA. MÜNCHEN. FRANCOFURTI. PASTOR. ET MINISTERII IBIDEM. SENIOR.

Филипп Якоб Шпенер. Гравюра

между «чувственными» и «сформированными» языками. Для него реального понимания можно достигнуть только через обсуждение в своем естественном чувственном языке, который в данном случае можно назвать родным языком [Avraham, 2019]. Шпенер настаивал на том, чтобы дискуссии в духовных школах велись на родном языке, поскольку студентам (даже знающим латынь) более комфортно говорить на сложные темы на языке, знакомом с детства, что помогло бы им просто и внятно общаться с простыми людьми. Реализация христианских идей в реальной жизни — вот что было важно для той ветви пиетизма, которая пустила корни в Галле и постепенно распространилась по всему миру. Шпенер считал, что «прежде всего надо держаться того правила, что христианство заключается не в знании, а в выполнении божественных законов, и что поэтому христиан должно воспитывать в подвигах бескорыстной любви, кротости в самих страданиях, самообладания в порывах горести и мести и такого доброжелательства к людям, которое заставляет врагу делать добро» [цит. по: Остроумов, 1897, с. 9]. Само христианство есть жизнь и потому от своих последователей требует мира и любви. Таким образом, Шпенер с совершенной ясностью противопоставил догме жизнь, бездушную теорию — живую деятельность. «Я, говорит он, никогда не был того мнения, что реформация Лютера была делом совершенным и законченным». По мнению Шпенера,

Пиетисты настаивали на том, что проповедь должна вестись на родном языке. Это стало важным фактором в процессе распространения пиетизма и его влияния на национальные культуры. Как считают исследователи, на галльский пиетизм (Шпенер и Август Герман Франке) сильно повлиял Якоб Бёме, который в “Mysterium Magnum” (1623) утверждал, что словесные выражения обретают содержание благодаря взаимодействию между властью чувств и самим говорящим. Язык может появиться естественным образом только в том случае, если подходящее слово появляется по собственной воле. В этом смысле Бёме проводил различие

ей именно недоставало практической действенности, т. е. деятельности, направленной ко введению христианства в нравы, посредством систематического перевоспитания общества» [там же].

Идеи Шпенера в образование были воплощены благодаря деятельности Августа Германа Франке (1663–1727). Для историков педагогики XIX столетия Франке был создателем современной системы педагогики, в том числе системы реальных училищ. Пансионы для обучения бедных детей, а также «Педагогиум» для детей состоятельных родителей, которые могли платить за обучение, основанные им в Галле в конце XVII —

начале XVIII века, еще в XIX столетии назывались «учреждениями Франке». Основной целью образования Франке считал «благочестие и мудрость». Главным предметом был закон Божий, который дополняли молитвенные упражнения и морально-дидактические наставления. Практическое направление учения Франке, которое он называл «мудростью», состояло в его заботах о «реальном», практическом образовании, которое помогло бы его воспитанникам найти работу. Поэтому помимо «духовных дисциплин» они изучали математику, логику, астрономию, географию, историю, земледелие, ботанику, садоводство, иностранные языки и т. д. Детей также обучали рисованию, поскольку Франке, опираясь на христианскую антропологию, считал, что необходимо максимально развивать способности ребенка, чтобы он стал цельным человеком. При этом акцент делался на максимально наглядном преподавании предметов, чтобы «из “номинально реальных школ” образовались действительно “реальные школы”» [Раумер, 1878]. Иностранному языку придавалось большое значение, поскольку они были необходимы и как инструмент миссионерской проповеди [Yoder, 2020]. Эта проповедь была востребована, поскольку пиетисты стремились к преображению и христианизации на пиетистский лад всего мира. И они много достигли.

Антуан Пэн (Antoine Pesne). Портрет Августа Франке. Franckesche Stiftungen zu Halle. Archiv und Bibliothek

Основной целью пиетистов из Галле было распространение «истинного» христианства на доступном каждому верующему простом народном языке. Для ее достижения на различные национальные языки переводились Библия, программный труд Иоанна Арндта «Четыре книги об истинном христианстве» <...>, а также другие пиетистские произведения <...>. Миссия была направлена на Восток: от богемских протестантов через польских католиков к русским православным, чтобы достичь затем религиозных сообществ в Индии и Арабии.

[Менгель, 2021, с. 656]

Исследователи отмечают, что не столько революционный, сколько эволюционный дух пиетизма оказал огромное влияние на множество разных религиозных общин во всем мире. Он охватил не только Европу, но и преодолел Атлантику, проник в общины методистов и пуритан в Англии, филаделфийцев в Северной Америке, его следы можно обнаружить в католических движениях, таких как янсенизм, и даже в православии [Stoeffler, 2005]. Германский пиетизм оказал значительное влияние на развитие христианского богословия и философской мысли (в том числе и в России) во многом благодаря сочинениям Фридриха Шлейермахера и его учеников [Баршт, 2021].

Апроприация идей пиетизма начинается в России еще в XVII столетии, и этот процесс проходит достаточно успешно благодаря тому, что, с одной стороны, дисциплинарная политика пиетизма во многом совпадала с теми идеями дисциплинарной революции, которая началась сразу после Смуты и реализовывалась всеми царями новой династии Романовых с Федора Михайловича до императора Петра Первого, а с другой — русская церковь также нуждалась в обновлении, и пиетистские идеалы благочестия разделяли многие церковные деятели. Исследователи обращают внимание на то, что отдельные идеи «Духовного регламента» — главного закона, которым руководствовалась русская церковь в синодальный период, — вполне вероятно возникли под влиянием галльского пиетизма, поскольку Феофан Прокопович разделял некоторые взгляды пиетистов (особенно это касалось взглядов на образование) и применял педагогические методики «учреждений Франке» в своей школе на Аптекарском острове в Петербурге, где детей также обучали классическим языкам, грамматике, риторике, логике, истории, арифметике, геометрии, географии и рисованию [Collis, 2012, p. 352]. Пиетизм был близок многим сподвижникам Петра Великого. Так, Якоб Брюс, который был тесно связан с Франке, давал кров и помогал найти работу бесчисленным выученикам галльской школы, приезжавшим в Россию в качестве учителей [ibid, p. 110]. А. Г. Франке видел в

православии «форму вероисповедания более близкую пиетизму и “истинному” христианству, чем католичество» [Альтернативные пути ... , 2021, с. 281]. Переведенный на русский язык (не на церковнославянский) «Малый катехизис» Франке даже был преподнесен Петру I, но так и не получил массового распространения в России [там же]. Но пиетисты чаще использовали «мягкую силу», распространяя свое влияние и идеи надконфессионального «истинного» христианства через учебные пособия, грамматики. Примеров можно привести достаточно много: это грамматики Г. В. Лудольфа, И. В. Пауса, И. Э. Глюка и И. К. Штала, которые воспринимали эту науку как «высокое служение Богу» [там же, с. 26, 29], что вполне соответствовало христианским представлениям о том, что знание языков — это божественный дар и обучение языкам — это способ исправления мира. Ведь Бог некогда лишил людей дара языков, чтобы наказать их, разъединив во время строительства Вавилонской башни, и вновь вернул этот дар избранным — апостолам в день Пятидесятницы. В первой половине 1730-х годов в Галле был осуществлен перевод и публикация «программных» трактатов пиетистов на русский язык (не на церковнославянский, а именно на разговорный русский). Эта работа была осуществлена Симеоном Тодорским (будущим епископом Псковским и Нарвским и законоучителем великого князя Петра Федоровича и его невесты, будущей императрицы Екатерины II), который в 1729 году был отправлен Феофаном Прокоповичем из Санкт-Петербурга для продолжения учебы в Галле. В его переводах в Галле вышли: «Наставление к Священному Писанию, или Увещание о чтении Священного Писания» И. Арндта; «Начало христианского учения во употребление и в пользу всякому правоверному христианину, наипаче неведающим и много изустно учиться не могущим, из Священного Писания вкратце изображенное» А.-Г. Франке, которое также включало перевод немецких духовных песен XVII века; «Учение о начале христианского жития» Франке, из текста которого Тодорский «исключил имя М. Лютера и опустил духовные песнопения, находящиеся у Франке в кон. текста» [Шишкин, 2010, с. 250]; «Писанию святому согласующееся наставление к истинному познанию и душеспасительному употреблению страдания и смерти Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа» И.-А. Фрейлингаузена. Самым известным и востребованным в России, вошедшим в состав многих библиотек семинарий и духовных академий Российской империи, был перевод важнейшего для пиетистов трактата И. Арндта «Чтири книги о истинном христианстве, содержащи в себе учение о спасительном покаянии, сердечном жалении и болезновании ради грехов; о истинной вере, о святом житии и пребывании истинных неложных христиан» (1735). Перевод и публикация были подготовлены благодаря финансовой помощи императри-

цы Анны Иоанновны. «В предисловии Т. писал, что указанное сочинение душеполезно для представителей всех конфессий и поэтому принято и католиками, и кальвинистами» [там же].

Книги из Галле, попав в Российскую империю, вызвали большой интерес и в светской среде (особенно сочинение Арндта), и в церковной, поскольку у священнослужителей в это время уменьшается интерес к «схоластическому» богословию и усиливается к вопросам внутренней религиозной жизни, к христианской мистической литературе. Это отражается даже на книгах, рекомендованных к изучению в российских семинариях, в числе которых первое место (судя не только по переизданиям русских переводов, но и по сохранившимся рукописным копиям) занимает Иоганн Арндт [Ivanov, 2020, p. 210], деля это место с Фомой Кемпийским, сочинение которого “*De Imitatione Christi*” («О подражании Христу»), сыгравшее огромную роль и в развитии идей пиеизма [Habsburg, 2011], считается одним из классических текстов западной духовности. Между его появлением в двадцатые годы XV века и 1650 годом насчитывалось 800 рукописных копий и более 740 различных печатных изданий данного труда. Это показывает, что мистическая духовность никогда не была периферийным измерением религии, но всегда находилась в самом сердце как католического, так и протестантского самовосприятия и идентичности [ibidem]. В России апроприация западной духовно-мистической традиции начинается в XVII веке. Первые рукописные переводы трактата Фомы Кемпийского появляются в XVII столетии, в XVIII веке по рукам ходило множество списков рукописного перевода, сделанного А. Ф. Хрущевым [Круглов], в XIX веке это сочинение выходит в нескольких переводах, самый известный был сделан обер-прокурором Св. Синода К. Победоносцевым. Представляется неслучайным, что в это же время в России развивается визуализация темы *imitatione Christi*. Это происходит благодаря распространению гравюр и лубочных картинок с сюжетами «Плодов страдания Христовых». П. В. Майер пишет:

Вместе с тем именно на лубочных картинках осуществляется дальнейшая трансформация сюжета: гиперболизированная листва вокруг Древа-Креста создает целую крону, его «плоды» представлены уже не в виде страстных эмблем, а в форме медальонов с апостольскими страстями. В данном случае симптоматично, что страстной мотив получает дальнейшее развитие. Императив следовать за Спасителем и призыв к *imitatio Christi* проиллюстрированы в сценах мученической смерти апостолов.

[Майер, 2015, с. 75–76]

В этом нет ничего удивительного, ведь с конца XVII столетия важнейшей задачей священника становится искусство проповеди, и, уча паству «ступать по стопам Христовым», священники часто обращались к переводам.

Достаточно свободное распространение (в том числе и продажа на территории Российской империи) книг было прекращено в 1743 году именным указом императрицы Елизаветы Петровны «О неприводе из-за границы печатанным в чужих краях на Российском языке книг, неосвидетельствованных Синодом и о непереведе иностранных духовных книг без дозволения Синода. По представлению Нашего Святейшаго Синода, известно Нам учинилось, что книга, нарицаемая о истинном Христианстве, Автора Арндта, в 1735 голу в Галле, и прочия там же на Российском диалекте напечатанныя, яко то: именуемая учение о начале Христианскаго жития, без именнаго автора, и другия подобныя тем книги произошли внутрь России и у многих православных находятся, имея титулу под видом ревности к Богу, акибы о истинном Христианстве добродетелей, а в нашем Святейшем Синоде оныя не свидетельствованы». Далее высказывалось требование все экземпляры этих книг, имеющиеся в библиотеках, отправлять в синодальные учреждения. Также запрещалось всем «из подданных наших, кои донныне для обучения и прочих дел находятся в иностранных государствах <...>, чтобы они, будучи там, таковых книг отнюдь на Российский диалект не переводили, да и внутрь нашей империи таковых же Богословских, никаких книг с других языков в Российской диалект, без позволения от Нашего Святейшаго Синода, переводить, накрепчайше запретить»¹. Этот именной указ, вводящий церковную цензуру на переводы религиозной литературы, сохранялся и позже, в период правления императрицы Екатерины II. Но, несмотря на запрет, сочинение Арндта было хорошо известно в среде семинаристов и образованного духовенства. Е. Кислова отмечает, что «книги Арндта отмечены в двух описях личных библиотек церковных иерархов 1760-х гг. В 1762 г. архимандрит Троицкой лавры Лаврентий Хотьковский (ум. в 1766 г.) подарил в библиотеку Троицкой семинарии 34 книги из своей личной библиотеки, в том числе “Четыре книги в одном переплете о истинном христианстве Иоанна Арнда печатана в Гале 35 году”» [Кислова, 2015, с. 62]. «Еще одна копия Арндта — “Arndtii de vero kristianismo” — вошла в состав библиотеки из собрания книг, купленного семинарией после смерти архимандрита Спасо-Ярославского монастыря, ранее преподавателя Троицкой семинарии Владимира Каллиграфа (ум. в 1760 г.)» [там же]. Известно, что эти книги не только сохранялись в библиотеках духовных учреждений

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 11. № 8832.

Российской империи, но и активно использовались в учебных курсах. Так, «несмотря на существующее запрещение перевода, учитель Троицкой семинарии Иван Харламов использовал книги Арндта в 1769 г. на уроках немецкого, причем делал это с одобрения руководства семинарии и с ведома Платона (Левшина). Возможно, с точки зрения общества, запрет на хранение и распространение перевода не распространялся на оригинал» [там же, с. 63]. В библиотеках семинарий и академий было много литературы, как духовной, так и философской, на иностранных языках. Хотя основным языком, который изучался в российских духовных школах, была латынь, но немецкий и французский изучались по выбору. Французский, как правило, старались изучать те студенты, которые надеялись устроить светскую карьеру, а немецкий те, кто планировал карьеру церковную [Kislova, 2020].

Несмотря на запрет перевода, он продолжал использоваться. Так, епископ Тихон Задонский при написании трактата «О истинном христианстве», который он создал в 1768–1770 годах, опирался именно на перевод «Четырех книг о истинном христианстве» Симона Годорского. Произведения И. Арндта считали важными для духовного развития такие духовные писатели, проповедники, как епископ Ростовский Арсений Мацеевич (1697–1772), осужденный за сопротивление секуляризационной политике императрицы Екатерины II, а также знаменитый алтайский миссионер и переводчик Библии архимандрит Макарий (Глухарев) (1792–1847). Рекомендовал Арндта своим «духовным чадам» московский протоиерей Симеон Соколов (1772–1860), духовник многих московских священников, известный своей любовью к духовным размышлениям и мистической духовности [Сушков, 1868]. Упомянутый выше митрополит Платон (Левшин) (1737–1812) не слишком скрывал свои симпатии по отношению к пиетизму и к сочинениям Арндта, которые имелись в его библиотеке [Ivanov, 2020, p. 133].

Новый перевод трактата Арндта выполнил известный московский масон и будущий директор Московского университета Иван Петрович Тургенев (1752–1807). Пять увесистых томов «Иоганна Арндта О истинном христианстве шесть книг: С присовокуплением Райскаго вертограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя» были изданы Иваном Владимировичем Лопухиным в 1784 году несмотря на действующий запрет. Как и упомянутый выше трактат Фомы Кемпийского, сочинение Арндта пользовалось огромной популярностью среди российских масонов [McIntosh, 1992, p. 154].

Распространению влияния пиетизма в России в XVIII–XIX веках способствовала также и популярность среди российских студентов (особенно тех, кто изучал теологию) университета в Галле, где влияние пиетизма было неизменно сильным.

В 1697 г. Франке писал Шаршмидту, имея в виду возможный взаимный обмен учениками между Москвой и Галле: «Мы хотим содержать у себя русских также, как мы желаем, чтобы и они содержали бы у себя наших детей. И я охотно употреблю наше крайнее усердие, чтобы вернуть их полезными орудиями их Отечеству. Сколько добра могло бы возникнуть из такой *commertio nationum* (торговли народов — *лат.*)!»

[Андреев, 2005, с. 44]

С 1698 по 1810 год на теологическом факультете Галльского университета училось 27 студентов из России (всего на разных факультетах этого университета училось 67 российских студентов) [там же, с. 51].

Конец XVIII — начало XIX века — это время, когда в Европе антиклерикальные веяния, атеизм и религиозное безразличие приходят в столкновение со всплеском религиозных настроений как среди «простецов» (любые кризисы, революции, войны вызывают всплески религиозности), так и среди среднего класса и элит, а также интеллектуалов. Э. Хобсбаум отмечает, что «для консервативных правительств после 1815 г. (а какое правительство в Европе не было консервативным?) поощрение религиозных чувств и церквей было неотъемлемой частью политики, так же как и организация политических служб, цензура, поскольку полиция, цензура и священники являлись тремя оплотами реакции против революции» [Хобсбаум, 1999, с. 315–316]. Эта установка на политизацию религиозных идей имела значение не только для романтиков, но и для идеологов, поскольку такой «союз трона и алтаря имел более глубокое значение: он охранял старое правильно живущее общество от коррозии разума и либерализма, и человек находил, что это старое общество более соответствует его трагическим предчувствиям, чем то, которое построят рационалисты» [там же]. Среди европейских государств эта тенденция наиболее ярко воплотилась в России Александра I и Пруссии Фридриха-Вильгельма IV. В религиозном плане это способствовало формированию нового направления в пиетизме — неопиетизма. Толчок к развитию этой ветви пиетизма в Пруссии дала Французская революция, страх перед которой способствовал различным реформам, росту национального движения. Неопиетисты, среди которых было много состоятельных и знатных землевладельцев и богословов, делали акцент не на «внутреннем делании», а на «внешнем», на церковно-государственных отношениях. Они искали новые пути к тому, что можно условно назвать «симфонией государства и религии». Опираясь на пиетистские традиции XVII и XVIII веков, неопиетисты соединили свою глубокую религиозную преданность с новыми консервативными идеалами, делая акцент на легитим-

ности политической власти [Avraham, 2019]. С некоторой долей условности это новое течение можно назвать «политическим пиетизмом», поскольку в нем патернализм как одна из характерных черт пиетизма приобретает политическое значение. Одним из крупнейших теоретиков этого направления был Карл Людвиг фон Галлер (1768–1854). Исследователи отмечают, что в его теориях нашли новое оправдание идеи сохранения иерархического общественного порядка [ibidem]. В 1816 году начал выходить его основной труд — шеститомное “*Restauration der Staats-Wissenschaft*” («Восстановление государственной науки»). По мнению Галлера, люди не рождаются равными и всегда будут те, кто зависит от других, которые, в свою очередь, будут поддерживать их. Эта идея была особенно актуальной для пиетистов, потому что она соответствовала другой черте пиетизма — благотворительности и отцовской ответственности, направленной на социальную справедливость. Сочинение Галлера не переводилось на русский язык, но было известно в России. В. А. Жуковский в письме к Ал. Тургеневу (15 января 1833 года) пишет, что «прочитав первый том Haller’s “*Restauration der Staats-Wissenschaft*”, он увлечен его системой, жалеет, что не познакомился с нею ранее и сам обрушивается на защитников “фальшивой свободы, верховной власти народа, так называемого общего блага и пр. и пр. Это отсутствие всего Божественного, этот материализм это замещение всего высокого и святого в душе математическими расчетами”» [Веселовский, 1904, с. 372].

Непонятно (этот вопрос требует дополнительного исследования), насколько сочинение Галлера было известно в России в конце 1810-х годов, но близкие ему идеи мы обнаруживаем в среде чиновничества последнего десятилетия правления императора Александра I. Среди наиболее ярких фигур необходимо упомянуть князя А. Н. Голицына (1773–1844), из «вольтерьянца» ставшего мистиком и возглавившего министерство со знаковым названием «Министерство Духовных дел и народного просвещения». Религиозные взгляды Голицына отличались эклектизмом: масонство, пиетизм, британский аналог пиетизма ривайвелизм («великое пробуждение»), православие. Это отразилось и на его деятельности в качестве министра. Манифест 1818 года об учреждении министерства начинается со слов: «Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали мы полезным соединить дела по Министерству Народного просвещения с делами всех вероисповеданий в составе одного Управления, под названием Министерства Духовных дел и Народного Просвещения»². Эти слова вполне мог бы написать

² Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 34. № 27106.

Франке, по духу они совершенно пиетистские, и в них даже можно обнаружить намек на экуменические идеи. Приверженность министра мистическому христианству и экуменизму не могла не вызвать неприятия духовной власти, и в 1824 году православные консерваторы в лице архимандрита Фотия (Спасского) и митрополита Серафима (Глаголевского) добились лишения Голицына министерского портфеля.

Одним из самых знаменитых событий времен министерства Голицына была контрреформа университетского образования, которая связана с именами таких радикалов, как М. Д. Магницкий, Д. П. Рунич и А. С. Стурдза. Фактически она являлась попыткой реформировать российскую высшую школу по образцу пиетистских учебных заведений. Теоретическое ее обоснование мы можем найти в их трудах, и в частности в работе А. С. Стурдзы, которую он выпустил в Одессе, «Вера и ведение, или рассуждение о необходимом согласии в преподавании религии и наук питомцам учебных заведений» (1833).

Педагогические идеи пиетистов оказали огромное влияние на педагогику XIX века в целом и, конечно же, на русскую педагогическую мысль. Элементы пиетизма мы можем обнаружить в текстах, которые размещались для чтения в азбуках и букварях в XIX веке, начиная с «Букваря для употребления русского юношества» до «Азбуки новейшей или Букваря для обучения малолетних детей чтению», а духовно-назидательные, написанные живым разговорным языком истории в «Букваре солдатском», вышедшем несколькими изданиями уже в 1860-е годы, напоминают рекомендации Франке распространять брошюры духовно-нравственного содержания для духовного просвещения простого народа. Можно предположить, что отчасти распространению пиетистских идей в воспитательной сфере способствовал В. А. Жуковский.

К. П. Брюллов. Портрет князя А. Н. Голицына. 1840. ГГГ. Холст, масло

Портрет А. С. Стурдзы

Занимаясь воспитанием наследника престола великого князя Александра Николаевича, он составил «План учения его императорского высочества государя великого князя наследника цесаревича Александра Николаевича». План этот был достаточно короткий, состоял из четырех пунктов, включавших любимую пиетистами «сердечную философию». Акцент делался не на образовании, а на «сердечном», нравственном воспитании:

Цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели. Воспитание образует для добродетели:

Пробуждением, развитием и сбережением добрых качеств, данных природою, действуя на ум и сердце и заставляя их действовать.

Образованием из сих качеств характера нравственного, обращая добро в привычку и подкрепляя привычку правилами разума, воспламенением сердца и силою религии.

Предохранением от зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность к добру, и содержа душу, сколько возможно, в спасительной неприкосновенности к злу.

Искоренением злых побуждений и наклонностей, препятствуя им обратиться в привычку и побеждая вредные привычки привычками добрыми.

Учение образует для добродетели, знакомя питомца: 1) С тем, что окружает его. 2) С тем, что он есть. 3) С тем, что он быть должен как существо нравственное. 4) С тем, для чего он предназначен как существо бессмертное.

В постепенном разрешении сих четырех вопросов заключается весь план.

[Жуковский, 2016, с. 104]

Как и другие представители российской интеллектуальной элиты, В. А. Жуковский в юности испытал влияние масонства, а затем мистицизма, ривайвализма и пиетизма. В его личной библиотеке было значительное количе-

ство книг, значимых для раннего пиетизма (трактат Арндта), а также многочисленные работы современных ему немецких богословов и мыслителей. Из русских авторов духовно-назидательной литературы он больше всего ценил сочинения А. С. Стурдзы. И повседневная жизнь Жуковского с 1840 года протекала среди пиетистов, членов семьи Рейтерн, родственников его жены Елизаветы, которые ревностно соблюдали практики домашнего благочестия (чтение Библии и духовной литературы, обсуждение религиозных переживаний). При этом он сам также читал молитвенное правило на церковнославянском и воспитывал детей в православии.

Подводя итог этому краткому обзору рецепции пиетизма в отечественной религиозно-философской традиции, надо отметить, что влияние его было достаточно мощным. Мы можем обнаружить его и в философии московских славянофилов и их поздних последователей, а также в философско-религиозных построениях русских консерваторов конца XIX — начала XX века, и в религиозно-философской мысли Серебряного века. Степень влияния пиетизма на церковную среду полностью еще предстоит оценить, но, судя по тому количеству пиетистской литературы, которая хранилась в библиотеках духовных школ и в личных библиотеках священнослужителей, оно было очень сильным. Хотя далеко не все клирики относились к этому течению с симпатией (тут можно вспомнить о критике пиетизма Игнатием Брянчаниновым). Православная критика пиетизма (как и ривайвелизма) была связана прежде всего с его экуменическим потенциалом и с тем, что он выдвигал на первый план неинституциональные формы религиозности, личное исповедание веры, что вступало в противоречие с еклесиологическими представлениями отдельных богословов.

К. П. Брюллов. Портрет В. А. Жуковского. ГГГ. 1838

Список источников

Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков / отв. ред. С. Менгель. М.: Языки славянской культуры, 2021. 328 с.

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.

Барит К. А. Философская теология Ф. Шлейермахера и религиозное реформаторство в произведениях И. В. Киреевского и Ф. М. Достоевского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 57–79.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-1-57-79>.

Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения» — СПб.: Типография императорской академии наук, 1904. 570 с.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. М.: ЯСК, 2016. Т. 11: Проза 1810-х — 1840-х. 668 с.

Кислова Е. И. Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестн. Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Сер. Филология. 2015. 1 (41). С. 53–70.

Майер П. В. Западноевропейские источники иконографии «Плоды страданий Христовых»: «Живой Крест» и «Древо Жизни» в русской иконописи // Вестн. ПСТГУ. Сер. V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 3 (19). С. 52–80.

Менгель С. «Harmonia vocum hebræicum cum Slavonicis rutenicis et polonicis» — сравнительное исследование студента Симеона Тодорского и концепция «простого» языка в его «русских» переводах из Галле в начале XVIII века // Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2021. С. 654–663.

Остроумов М. А. Август Герман Франке. Харьков: Тип. Губ. правл., 1897. 25 с.

Раумер К. Г. История воспитания и учения от возрождения классицизма до нашего времени. Ч. 2: От Бэкона до смерти Песталоцци (1561–1827). СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1878. 704 с.

Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского / сост. Н. В. Сушковым. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1868. 294, 164 с.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. 480 с.

Шишкин А. Б. Симеон Тодорский // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. С. 248–252.

Avraham D. German Neo-Pietism and the Formation of National Identity // *Church History*. 2019. Vol. 88 (1). P. 87–119. doi:10.1017/S0009640719000544.

Bernard D. A History of Christian Doctrine. Hazelwood, MO: Word Aflame Press, 1996. Vol. 2: The Reformation to the Holiness Movement, A. D. 1500–1900. 336 p.

Collis R. The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden, Boston: Brill, 2012. 576 p.

Habsburg M. V. Catholic and Protestant Translations of the Imitatio Christi, 1425–1650: From Late Medieval Classic to Early Modern Bestseller. Routledge: Ashgate Publishing, Ltd., 2011. doi.org/10.4324/9781315571010.

Ivanov A. V. A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825. University of Wisconsin Press, 2020. 353 p.

Kislova E., Kostina T., Rjeoutski V. Learning Grammar in Eighteenth-Century Russia // *The History of Grammar in Foreign Language Teaching*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. Vol. 1. P. 133–154.

McIntosh C. The Rose Cross and the Age of Reason. Leiden; N. Y.: Brill, 1992. 200 p.

Shantz D. H. The Origin of Pietist Notions of New Birth and the New Man: Alchemy and Alchemists in Gottfried Arnold and Johann Heinrich Reitz // *Pietist Impulse in Christianity* / Ed. by Ch. T. Collins Winn. Eugene, OR: Pickwick Publications, 2011. P. 29–41.

Stoeffler F. E. Pietism // *Encyclopedia of Religion*. 2nd edn / Lindsay Jones, Editor in Chief. Detroit: Macmillan References, Thomson Gale, 2005. Vol. 10. P. 7141–7144.

Yoder P. J. Pietism and the sacraments: the life and theology of August Hermann Francke. Vol. 6. Penn State Press, 2020. 215 p.

References

Al'ternativnye puti formirovaniya russkogo literaturnogo yazyka v kontse XVII — pervoj treti XVIII veka. Vklad inostrannykh uchenykh i perevodchikov [Alternative ways of forming the Russian literary language at the end of the XVII — first third of the XVIII century. Contribution of foreign scientists and translators] (2021) Ed. by S. Mengel'. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Avraham, D. (2019) 'German Neo-Pietism and the Formation of National Identity' // *Church History*, 88(1), pp. 87–119. doi:10.1017/S0009640719000544.

Barsht, K.A. (2021) 'Philosophical theology of F. Schleiermacher and religious reformation in the works of I.V. Kireevsky and F.M. Dostoevsky', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(1), pp. 57–79. (In Russ.). doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-1-57-79.

Bernard, D. (1996) *A History of Christian Doctrine. Vol. 2: The Reformation to the Holiness Movement, A.D. 1500–1900*. Hazelwood, MO: Word Aflame Press.

Collis, R. (2012) *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leiden, Boston: Brill.

Habsburg, M.V. (2011) *Catholic and Protestant Translations of the Imitatio Christi, 1425–1650: From Late Medieval Classic to Early Modern Bestseller*. Routledge: Ashgate Publishing, Ltd. doi.org/10.4324/9781315571010.

Hobsbawm, E. (1999) *Vek revoljutsii. Evropa 1789–1848 [The Age of Revolution. Europe 1789–1848]*. Rostov-na-Donu: Phoenix Publ.

Ivanov, A.V. (2020) *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825*. University of Wisconsin Press.

Kislova, E., Kostina, T., Rjeoutski, V. (2020) 'Learning Grammar in Eighteenth-Century Russia', in *The History of Grammar in Foreign Language Teaching. Vol. 1*. Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 133–154.

Kislova, E.I. (2015) 'Nemetskij yazyk v russkikh seminariyakh XVIII veka: iz istorii kul'turnykh kontaktov' ['German in Russian seminaries of the XVIII century: from the history of cultural contacts'], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo universiteta. Seriya Filologiya [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. The series Philology]*, 1(41), pp. 53–70.

Maier, P.V. (2015) 'Zapadnoevropejskie istochniki ikonografii «Plody stradanij Khristovykh»: «Zhivoj Krest» i «Drevo Zhizni» v russkoj ikonopisi' ['Western European sources of iconography "Fruits of the sufferings of Christ": "The Living Cross" and "Tree of Life" in Russian iconography'], *Vestnik PSTGU. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva [Bulletin of the PSTSU. Series V: Questions of the History and theory of Christian Art]*, 3(19), pp. 52–80.

McIntosh, C. (1992) *The Rose Cross and the Age of Reason*. Leiden, New York: Brill.

Mengel, S. (2021) '«Harmonia vocum hebræicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis» — sravnitel'noe issledovanie studenta Simeona Todorskogo i kontseptsiya «prostogo» yazyka v ego «russkikh» perevodakh iz Galle v nachale XVIII veka' ['"Harmonia vocum hebræicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis" — a comparative study of the student Simeon Todorsky and the concept of "simple" language in his "Russian" translations from Halle at the beginning of the XVIII century'], in *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statei k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krysko [Sub specie aeternitatis: Collection of scientific articles dedicated to the 60th anniversary of Vadim Borisovich Krysko]*. Ladyzhensky, I.M. & Puzina, M.A. (eds). Moscow: Azbukovnik, pp. 654–663.

Ostroumov, M.A. (1897) *August Hermann Franke*. Kharkiv: Typ. Gubern. Pravl.

Raumer, K.G. (1878) *Istoriya vospitaniya i ucheniya ot vozrozhdeniya klassitsizma do nashego vremeni. Chast 2: Ot Behkona do smerti Pestalottsi (1561–1827) [The history of education and teaching from the revival of Classicism to our time. Part 2: From Bacon to the death of Pestalozzi (1561–1827)]*. St. Petersburg, typ. V.S. Balasheva.

Shantz, Douglas H. (2011) 'The Origin of Pietist Notions of New Birth and the New Man: Alchemy and Alchemists in Gottfried Arnold and Johann Heinrich Reitz', in *The Pietist Impulse in Christianity*. Ed. by Christian T. Collins Winn. Eugene, OR: Pickwick Publications, pp. 29–41.

Shishkin, A.B. (2010) *Simeon Todorsky. Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. Tom 3* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Vol. 3]. St. Petersburg: Nauka, pp. 248–252.

Stoeffler, F.E. (2005) 'Pietism', in *Encyclopedia of Religion. Vol. 10*. 2nd edn, Lindsay, Jones (Editor in Chief). Detroit: Macmillan References, Thomson Gale, pp. 7141–7144.

Sushkov, N.V. (1868) *Zapiski o zhizni i vremeni svyatitelya Filareta, mitropolita Moskovskogo* [Notes on the life and time of St. Filaret, Metropolitan of Moscow] Moscow: Тип. A.I. Mamontov.

Veselovskij, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskij: Poehziya chuvstva i «serdechnogo vobrazheniya»* [V.A. Zhukovsky: Poetry of Feeling and "heart imagination"]. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk [House of the Imperial Academy of Sciences].

Yoder, Peter James (2020) *Pietism and the sacraments: the life and theology of August Hermann Francke. Vol. 6*. Penn State Press.

Информация об авторе: Т. В. Чумакова — доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Information about the author: T. V. Chumakova — DSc in Philosophy, Professor of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies at the Institute of Philosophy of the St. Petersburg State University. Address: 5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 28.05.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 104–140.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 104–140.

Научная статья / Original article

УДК 94(478)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-104-140

ПРОКСИ-НАЦИОНАЛИЗМ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В СССР

Модест Алексеевич Колеров
Информационное агентство REGNUM,
Москва, Россия, kolerovm@gmail.com

Аннотация. Русский социализм, к началу XX века почти полностью перешедший на марксистский язык описания социальной реальности независимо от его, социализма, политических вариантов, воспринял вместе с языком описания и основные схемы предполагаемого решения национального вопроса. Образцом для революционного преобразования наследия многонациональной Российской империи стала аутентичная часть лидирующей на рубеже XIX–XX веков немецкой (германской и австрийской), марксистской социал-демократии — социал-демократия Австро-Венгрии. Логично, что образцом для исследования и практики модельного решения национального вопроса стал

Публикация включает ряд положений, заимствованных из следующих статей: Колеров М. А. Национализм и социализм в перспективе освободительного движения в России // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 1 (13). М.: Модест Колеров, 2020. С. 5–14; *Его же.* Украинский вопрос и современная Россия. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/3526766.html> (дата обращения: 29.08.2022). — *Примеч. ред.*

© Колеров М. А., 2022

опыт многонациональной, со второй половины XIX века — дуалистической, дуоцентричной Австро-Венгрии. В этом контексте роль второго центра будущей революционной и Советской России осознанно отводилась Украине.

Ключевые слова: украинский вопрос, социалистическое движение в России, западные образцы обсуждения национального вопроса, принципы советского национального строительства

Ссылка для цитирования: Колеров М. А. Прокси-национализм русского социализма и украинский вопрос в СССР // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 104–140.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-104-140>.

Literature. Philosophy. Religion

PROXY-NATIONALISM OF RUSSIAN SOCIALISM
AND THE UKRANIAN QUESTION IN THE USSR

Modest A. Kolerov

The REGNUM News Agency,
Moscow, Russia, kolerovm@gmail.com

Abstract. Russian socialism, which by the beginning of the 20th century had almost completely switched to the Marxist language of describing social reality, regardless of its political options, socialism, took along with the language of description the basic schemes of the proposed solution to the national question. The model for the revolutionary transformation of the legacy of the multinational Russian Empire was the authentic part of the German (German and Austrian), Marxist social democracy that was leading at the turn of the 19th–20th centuries — the Social Democracy of Austria-Hungary. It is logical that the experience of multinational, since the second half of the 19th century — dualistic, duocentric Austria-Hungary, has become a model for the study and practice of a model solution of the national question. In this context, the role of the second center of the future revolutionary and Soviet Russia was consciously assigned to Ukraine.

Keywords: Ukrainian question, socialist movement in Russia, Western models of discussion of the national question, principles of Soviet nation-building

For citation: Kolerov, M.A. (2022) 'Proxy-nationalism of Russian Socialism and the Ukrainian Question in the USSR', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 104–140. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-104-140.

Они поставили во главе своей политики так называемое *право самоопределения народов* или то, что в действительности скрывалось под этой фразой: государственный распад России.

Роза Люксембург, 1918

Национальная сложность России/СССР и практический социализм

Нет никакого сомнения в том факте, что генетически и исторически Россия и Украина принадлежат к единому корню, единой ойкумене — Руси. Этого не мог игнорировать даже крупнейший теоретик украинского национализма М. С. Грушевский, изобретя для своих нужд специальное имя «Украина — Русь». Такое искусственное и контрфактическое присвоение имени увенчалось в сталинской советской историографии актом тотальной монополизации наследия Руси в пользу вымышленной в XIX веке «Киевской Руси»¹. Русь, Историческая Россия равно объединяют четыре восточнославянских народа: русских (в прежние времена — великороссов), украинцев

¹ История конструирования понятия «Киевская Русь» справочно-энциклопедически хорошо известна. Чтобы оценить тотальность его навязывания в СССР, достаточно обратиться к просветительским источникам, призванным интегрировать историю территорий, только что присоединенных Сталиным к СССР (и именно к Украинской ССР в его составе) в 1939–1945 годах под именем «Западной Украины», — Закарпатье, Галичины, Буковины, Южной Бессарабии и др. Исследователь прямо рисовал в оглавлении своего труда те источники традиционной исторической географии, из которых он же принудительно конструировал «Западную Украину»: «Феодальная Русь XI–XIII веков; Литовско-русское государство XIII–XVI веков; Галиция XV–XVIII веков» [Безсонов, 1946]. Он же формулировал ее субъектность «с древнейших времен» [там же, с. 5–7], ставя знак равенства между ней и Галицкой землей [там же, с. 9], как частью мифического «Киевского государства» [там же, с. 6, 10, 26]. С другой стороны, в хронологии после конца XIV века, но в границах сталинского УССР, автор прямо присоединял к этому континенту этнически окрашенную «Украинскую Сечь» [там же, с. 28], первопечатников Франциска Скорину и Ивана Федорова [там же, с. 30], фрески Львова XIV–XV веков [там же, с. 46, 48, 77, 88]. См. также пример тотальной замены буквально всей истории русинского этноса в Закарпатье вымышленными псевдоэтническими понятиями «закарпатцы», «закарпатские украинцы» и безоговорочное утверждение заведомо ложной схемы, применяемой к древности начиная с XI века: «Закарпатцы одного рода и племени со всем украинским народом» [Советское Закарпатье ... , 1957, с. 23–25, 27, 28].

(малороссов), белорусов и русинов. Их *общее* древнейшее историческое, еще летописное, имя — *руские* (от *Русь*, с одним *с*). Их многократно зафиксированная в опросах, переписях, свидетельствах доминирующая идентичность еще сто лет назад основывалась на признании единого культурно-исторического корня *русских*. И это было выбором и утверждением единства на основе общей истории, языка, веры, культуры. Именно на этом доминирующем фоне развивались кабинетные, журнальные, интеллигентские упражнения в этнографии² по изобретению новых национальных языков и, исходя из нормы рубежа XIX–XX веков о том, что язык равен национальности, — титульных национальностей. Такой подход прямо диктовал легитимацию *этнического* национализма сразу после наделения его правом на этническую государственность.

При этом *политический* национализм (то есть патриотизм всех жителей суверенного государства, независимо от их национальностей, и политическое единство его народа) в евро-атлантическом мире стал главным результатом борьбы Северо-Американских Соединенных Штатов за независимость от Британской империи и Французской революции (в СССР традиционно называвшейся Великой) в конце XVIII века. Его продолжениями и превращениями в XIX веке стали большие общенациональные (но разноплеменные) движения за объединение Германии и Италии, национально-освободительные (уже не общенациональные, а этнические) движения народов внутри Австрийской империи и т. п.

Современная интернациональная наука давно выработала в целом единый взгляд на феномен империй. Его я определил бы кратко как *гетерогенное, сложное, многоуровневое государственное единство*. Именно это *единство из множества* (в традиционной официальной риторике США звучащее в латинском лозунге *Ex pluribus unum*) в националистической современности XIX–XXI веков служит идейной основой, как кажется носителю государственной имперской воли, для создания среди составных элементов империи особых управляемых национальных проектов, одним из примеров которых является Украина. Носителю воли этот проект представляется *обнаружением* (созданием устойчивой) *сложности, укрепляющей* империю, а на деле он превращается именно в *создание сложности*, в определенный момент ослабляющей государственную мощь и волю, становящейся фактором *разрушения* империи через ее *фрагментацию, упрощение и расчленение*.

² Наиболее разрушительными плоды конструирования узкой этничности внутри большого национального тела оказались именно для самих русских. Их вычленение и расчленение начали сами русские писатели [Лескинен, 2016].

Американский историк-русист, исследуя модерную современность, цитирует в качестве общего мнения науки интегральное (критическое) описание империй и (почти апологетическое, но с весьма критическими оговорками) национализма в таком виде:

Империи — это крупные политические образования, нацеленные на экспансию, либо хранящие память о территориальной экспансии, это государственные образования, которые практикуют принципы различия и иерархии в процессе инкорпорации нового населения. В основе национального государства, напротив, лежит идея единого народа, живущего на единой территории и мыслящего себя как особое политическое сообщество <...> национальное государство стремится к гомогенизации населения внутри его границ и к исключению (каким именно образом? — М. К.) всех, кто не вписывается в этот проект, тогда как империя захватывает и включает...

[Шевеленко, 2017, с. 19–20]

В этом историографическом контексте становится особенно ясно, что Российская империя во взаимном противоборстве великих держав — *континентальных* (то есть не колониальных) империй (Османской, Российской, Австро-Венгерской) — вместе с ее конкурентами стала объектом атаки разрушительных этнических национализмов, которыми управляли конкурирующие *колониальные* империи — Британская и Французская. Именно эти последние сделали своим острым оружием лозунг *национальных государств*, которые строились как зависимые от них разрушители противостоящих империй: эти проекты я полагаю возможным именовать как *прокси-национализм*, то есть *этнический национализм, которому отводится роль строительства национальных государств под контролем господствующей (в мире, на континенте, в империи) силы*. Он стал инструментом глобализации в начале XX века, лозунгом разрушения многонациональных империй — Австро-Венгрии, Российской, Османской, главным содержанием национального строительства в соответствии с провозглашенными в январе 1918 года империалистическими «14 пунктами» президента США В. Вильсона и большевистской «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (целью которой была мировая революция, политически управляющая революционными народами и их национальными государствами). Именно *прокси-национализм* коммунизма в России стал на многие десятилетия инструментом мировой революции, послевоенного мироустройства после 1945 года, антиколониальной мировой революции после 1960 года и дальнейшей политики СССР. Этот опыт непосред-

ственно вырос из опыта XIX века, когда идейно расцвел этнический национализм, а царская Россия и Османская империя стали главными объектами готовящегося Западом многонационального расчленения. Именно его стремились реализовать в России русские революционеры, чтобы затем распространить на весь мир, сделав стержнем, принципом «сборки» мировой этнонационалистической мозаики³. Известная доктрина Ленина и Сталина о «социализме в одной стране», как протекционистское отступление от практики немедленной мировой революции Ленина и Троцкого⁴, была лишь тактической задержкой для консолидации революционного ядра в лице Советской России и никогда не становилась актом отказа Сталина от перспективы мировой революции вплоть до его смерти. Напротив, именно Сталин с конца 1918 года (статья «С Востока свет») и особенно в 1920-е годы практически поднимал и поддерживал борьбу за Красный Восток (и его центр в Китае), а в 1940-е — коммунизировал Восточную Европу и Балканы после Великой Отечественной войны.

В первом разделе Конституции СССР 1924 года, повторяющей Декларацию о создании СССР 1922 года, прямо указывалась конституционная перспектива Мировой ССР (снятая в 1936 году). Примечательно, что в самый момент учреждения СССР 31 декабря 1922 года в записках «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» Ленин писал именно в духе подчинения практики государственного строительства СССР мировой национальной мозаике и допускал возможность «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом» [Ленин, 1958–1965, т. 45, с. 361–362]⁵.

Национально-государственная политика Российской империи была сложна, многоуровневая и разнообразна и этим могла практически и доктринально послужить большевикам⁶, ибо содержала в себе яркие примеры и богатейший институциональный опыт создания особых этнических территорий в составе России (Польши, Финляндии, немецкого Остзейского края) и

³ О взрывном разнообразии локальных, этнических национализмов, претендовавших на независимое государственное строительство, см.: [Культуры патриотизма ... , 2020].

⁴ См. об этом подробно: [Колеров, 2017, Социализм в одной стране ... ; Колеров, 2017, Сталин: от Фихте к Берия ...].

⁵ Известный западный советолог А. Авторханов, лично прошедший в СССР до Великой Отечественной войны школу советской номенклатуры, а в ходе и после нее — гитлеровского коллаборационизма и западных спецслужб, даже вынес эту фразу Ленина в эпиграф своей осознанно и практически мотивированной (во имя разрушения) пропагандистской книги о национальной политике в СССР. Однако он всем текстом эпиграф проигнорировал, упорно доказывая противоположное, что советская национальная политика, включая «коренизацию» союзных и других республик, была подчинена не созданию титульных национальностей, а мифической русификаторской колониальной империи СССР [Авторханов, 1990].

⁶ Это заметил внимательный исследователь советского территориального строительства В. Н. Круглов. См.: [Круглов, 2018, с. 116].

управления ими. Но нельзя сказать, что именно эта мозаичность радикально повлияла на национальный проект большевиков. Они лишь, в противоречии со своей пролетарской идеологией признав национальную независимость именно *буржуазных* Финляндии и Польши⁷, неудачно попытались их завоевать в ходе новых революционных войн (повторения французских)⁸, но потерпели поражение.

Националистическое разрушение империи послужило русским революционерам точкой консенсуса с западными (властными и революционными) противниками русского царизма и царской России. Компромиссной, переходной формулой этнонационалистического расчленения служила реальная венгеро-немецкая дуалистическая монархия Австро-Венгерской империи⁹, внутри которой вызревали чешское, словацкое¹⁰, австрийское, венгерское национальные государства, а потенциальное русинское — как часть русского народа — подавлялось и геноцидно истреблялось. Внутри нее создавались и комплектовались польские и украинские национальные кадры. Нет сомнения и давно описано в интернациональной историографии, что украинский проект названного свойства имел своей задачей не только смену идентичности русинского народа, переформатирования Галиции (Галичины), но и подготовку германского аншлюса российской имперской этнографической Малороссии с превращением ее в протекторат «Украина».

Австрийская дуалистическая монархия, политически выращивая в своей Галиции из русинов (по самоназванию «русских») отдельное от еще слабо дифференцированного восточнославянского, «русского» массива — укра-

⁷ Как известно, за это в 1918 году уже правящих в России Ленина и Троцкого критиковала Роза Люксембург, и большевикам, по сути, было буквально нечего на это ответить. Посвятив всем аспектам ее критики специальное издание антикритики ее подруги Клары Цеткин, вышедшая коммунистическая пропаганда СССР по национально-буржуазному вопросу о признании независимости буржуазных Украины и Финляндии не смогла ничего ответить, лишь беспомощно изложив принципиальные претензии Люксембург. См.: [Цеткин, 1924, с. 23–25; Люксембург, 1924].

⁸ О том, что именно французские революционные войны послужили образцом для Ленина, см.: [Колеров, 2017, Сталин: от Фихте к Берия ... , с. 526–527].

⁹ Даже солидный исследователь Дж. Санборн, но в данном случае в своем довольно поверхностном труде, демонстративно игнорируя широкие и многодесятилетние *мощные неинерционные, а именно устойчивые, традиционные* доктринальные предпосылки национальной программы и национальной политики большевиков в момент революций 1917 года, всё же вынужден был признать (со странной оговоркой про только «революционную эпоху»), что «федеральные структуры и риторика национального самоопределения стали крупным наследием революционной политической эпохи, и, вероятно, большевики не смогли бы от него отказаться, даже если бы и хотели» [Санборн, 2021, с. 386].

¹⁰ Словацкий национальный проект в эпоху поражений Австро-Венгрии в ее борьбе против России — в 1915 году — содержал и идею присоединения к побеждавшей тогда Российской империи. См.: [Даниш, 2006].

инство, имела целью создание мощного этнографического тарана против западной части Российской империи. Однако для абсолютного большинства галицийской, украинской, малороссийской части большого русского народа эти усилия местных властей оставались почти незаметными, пока в 1914 году австрийские власти не начали ее принудительную ассимиляцию, сопровождаемую актами геноцида, который имел целью полноценную этническую инженерия — истребление даже намек на русскую идентичность русинов и замену ее украинской¹¹. Эту замену затем в своих интересах, создавая против многонациональной Польши Большую Украину, последовательно проводил в конце 1930-х — 1945 годах сталинский СССР. Это очень ярко проявилось в ходе заключения Брестского мира между Германией и ее союзниками с Украиной под властью Центральной Рады¹² в 1918 году и затем — в течение того же года — в практике германского и австро-венгерского оккупационного управления Украиной¹³. Помимо давно запланированных и понятных усилий Германии и Австро-Венгрии по отчленению, подчинению и колонизации Украины, в том числе путем ее украинской «национализации» ради создания отдельного титульного национального государства, были и иные факторы, заставившие еще Временное правительство России в 1917 году признать верхушечную, никем не избранную, политически и экономически бессильную, но амбициозную украинскую Центральную Раду в Киеве фактической национальной властью Украины в тех ее пределах, на которые эта Рада риторически претендовала. Она точно следовала этнографической традиции, считая язык основой национальности, а именно решению Императорской Академии наук России о признании украинского языка самостоятельным языком в 1905 году, распространяла свои территориальные претензии на все области южнорусских говоров, формально украинизируя их, то есть на Дон и Кубань. И Временное правительство фактически отступало перед этим, и лишь местные казачьи власти на Дону и Кубани стояли на пути этой уже не только картографической экспансии. С началом германо-австрийской оккупации украинской этнографической части России, буквального нашествия германо-австрийских войск на эту территорию вплоть до Дона, картографические мечты во многом стали реальностью. Так формально кабинетный, научный вопрос о национальном лице, национальной идентичности исторически почти мгновенно превратил-

¹¹ См. общий очерк истории вопроса: [Шевченко, 2011]. Несмотря на первоначальные обещания русинской автономии, эта истребительная линия возобладала и в составе Чехословакии [Шевченко, 2006].

¹² См.: [Михутина, 2007; Шубин, 2020; Русские об Украине и украинцах, 2021].

¹³ См., напр.: [Ланник, 2020].

ся в орудие империалистического (и капиталистического!) империализма и геноцида (против русинов).

Фундаментальной исторической травмой для Советской России стал Брестский мир РСФСР с Германией и ее союзниками, который весной 1918 года официально отрезал Украину от России, а в ходе его подготовки отдал в германскую оккупацию Украину, Прибалтику и фактически Финляндию. Советская Россия опасалась утраты имперской столицы — Петрограда — и перенесла ее в Москву¹⁴, и допускала возможность эвакуации ее даже в Казань и Екатеринбург.

Германская оккупация Украины, а затем и Закавказья, признание большевиками независимости Финляндии, а затем и оккупированной Германией Польши прямо поставили вопрос о принципиальном решении проблемы независимого национально-государственного строительства одновременно с надеждами на мировую революцию, по дороге к которой возникали (чаще всего, впервые или после длительного перерыва) многочисленные национальные государственности.

Практически весь XIX век Россию, в конце XVIII века принявшую участие в разделах Польши вместе с Пруссией и Австрией, атаковал антирусский польский этнический национализм, подавляя саму мысль о возможности собственных интересов великороссов, украинцев и белорусов, хотя в результате названных разделов Польши Россия присоединила к себе только этнографически литовские, белорусские, украинские и русские территории. На тот момент этническая идентичность этих народов была в зачаточном состоянии, колебалась между локальным самоопределением как «тутейших», языковой или конфессиональной солидарностью, но точно не была польской¹⁵. Их самоопределение вне польского великодержавия отрицалось, их демографический потенциал на подлинно имперской территории бывшей и будущей польской Речи Посполитой по умолчанию прибавлялся к общей сумме чужого для них ассимиляторского национального (этнически националистического) государства.

История «национального вопроса» (межнациональные отношения, государственная национальная политика, этнические конфликты, практический и теоретический национализм, сепаратизм и ассимиляция) в России была известна давно — и именно в тени австро-германской науки (и страшно сказать — практики) — с самого начала XX века. В меру общественной свободы,

¹⁴ См.: [Переезд советского правительства в Москву ... , 2019].

¹⁵ Об этнических переписях в этом регионе см.: [Колеров, 2017, Этничность как инструмент ...].

социально-политического заказа или личной ангажированности исследователи хорошо изучили основные межнациональные предпосылки той государственной катастрофы, что постигла полиэтничную Россию в 1917-м и полиэтничный СССР в 1991 году.

Выстраивая новый государственный проект, Советская Россия руководствовалась этнографическим знанием XIX века, открывшим для себя сложность внешне монолитных наций и выбравшим главным фактором этничности язык¹⁶, а также задачами мировой революции, которая должна была прийти на место континентальных (Германской, Австро-Венгерской, Османской и Российской) и колониальных (Британской и Французской) империй. Новый мировой коммунистический порядок (по Конституции СССР 1924 года, СССР был шагом на пути к созданию Мировой ССР, МССР), как можно предположить, с точки зрения переходного государственного строительства был вдохновлен опытом многонациональной Австро-Венгрии и на практике применен к территории бывшей Российской империи. В теоретическом плане эта МССР строилась как сеть национальных государств, объединенных Коммунистическим Интернационалом, ядром и донором которого служила Российская (Всесоюзная) коммунистическая партия (большевиков). Первым крупным национально-государственным проектом Мировой ССР была Советская Украина, созданная волей русских большевиков. В нем также ясно видится опыт Австро-Венгрии, в течение более чем полувека просуществовавшей как двойственная (дуалистическая) монархия двух государств: Австрии и Венгрии. В Советской России, построившей вокруг себя СССР и намеренной построить (в союзе с ожидаемой Советской Германией) Мировую ССР, вторым государственно-национальным (и потому — индустриальным) центром должна была стать «русская Венгрия» — Украина.

Поэтому надо прямо сказать: исходя из фундаментальных доктринальных соображений о *мировой коммунистической системе как совокупности национальных государств*, именно Ленин и Сталин¹⁷ на деле создали терри-

¹⁶ См. об этом: [Кадио, 2010]. О дальнейшем собственно советском национальном строительстве, но, к сожалению, в отрыве от описанного в предыдущей книге предварительного интернационального знания, см.: [Советский национальный проект ... , 2021; Хирш, 2022]. Предпосылки идей национального строительства в СССР можно найти, конечно, и в практике Российской империи, но они исследованы пока вне их доктрины, цели, смысла. См.: [Центр и регионы ... , 2021].

¹⁷ Мной был полностью введен в научный оборот на русском языке относительно недавно открытый грузинский источник об отношении Сталина к национальному строительству в СССР, в котором, в частности, звучит сталинский лозунг «социалистической независимой Грузии»: [Новые речи Сталина ... , 2019]. Но этот текст, к сожалению, так и не получил не только адекватной, но и вообще никакой рецепции в науке о Сталине.

ториально огромную Советскую Украину, освободив ее от многочисленных белых армий, защитив от польского и румынского империализмов, вложив в нее огромные силы всего СССР, приняв в 1918–1920 годах под свое управление и обеспечив ей с самого начала приоритетное централизованное финансирование из Москвы и, главное, изначально сформулировав ей национальные, языковые, этнические цели национального государства как части будущей МССР, проведя последовательную многолетнюю украинизацию («коренизацию») территории УССР (наряду с рядом соседних районов РСФСР¹⁸). Кроме главной, общемировой, принципиальной цели создания УССР была и, так сказать, континентальная стратегическая цель для Большой Украины. Этой целью стала межвоенная Польша, почти вернувшая себе границы конца XVIII века и служившая прямой военной угрозой для СССР, в актуальной исторической памяти которого было громкое и кровавое военное поражение в ходе Советско-польской войны 1920 года. Польша тогда остановила прорыв Советской России в сторону Германии, без промышленности которой, только за счет демографических и аграрных ресурсов России, мировая революция была утопией, — и оставила за собой западные части этнографических Белоруссии и Украины. В таких условиях военно- и мобилизационно-демографически мощная межвоенная Польша, при уже явленной в 1920 году поддержке тогда победных (по итогам мировой войны) и непобедимых в Евразии Британской и Французской империй, была главным непосредственным врагом для СССР и угрожала ему аншлюсом советских Белоруссии и Украины¹⁹. Инструментом анти-аншлюса, тараном, вторым устоем СССР и мыслилась в СССР Советская Украина, в 1918 году укрупненная большевиками за счет русского (территории Войска Донского) Донбасса²⁰.

Большая (советская) Украина оставалась и главной в Восточной Европе ресурсной целью для Германии, только-только начавшей накопление сил для реванша в новой, будущей мировой войне. Даже после Великой Отечественной войны, когда Восточная Европа стала протекторатом СССР²¹, в советской пропаганде продолжал звучать мотив особой роли Украины (то есть «Киевской Руси») в переустройстве Восточной и даже Средней (то есть прямо взятой из традиционной, давней немецкой риторики о Срединной Европе — *Mittleeuropa*!) Европы. Советский пропагандист писал об этом прямо, проводя прямую

¹⁸ Об этом: [Дроздов, 2016].

¹⁹ Осознание внешней непосредственной угрозы с Запада для Советской России началось также весной 1918 года, когда в независимой Финляндии вспыхнула гражданская война, поддержанная большевиками.

²⁰ [Колеров, 2016; Колеров, 2017, Анти-Аншлюс ...].

²¹ См. об этом в подробностях: [Москва и Восточная Европа ... , 2020].

диахроническую связь между Киевом вчера и Москвой сегодня и завтра, то есть сохраняя Киев во главе Большой Украины в качестве второго исторического фундамента СССР. Дополнительным аргументом к оживлению славянской темы, реализуемой СССР специально в применении к его протекторатам в Восточной Европе и на Балканах, стали и территориальные претензии СССР к Турции в Закавказье, которые также затронули и османское наследие на Балканах:

Тесное общение между родственными по происхождению, языку и культуре славянским населением Восточной, Юго-Восточной и Средней Европы существовали уже в первые века нашей эры... Во времена Киевской Руси (X–XII вв.) русско-славянские отношения приобретают характер постоянных культурно-политических связей... В XIV веке национальным центром русского народа становится Москва... С первых же лет XV века Москва привлекает к себе пристальное внимание братских народов, и прежде всего южных славян, подвергшихся нападению турок. Москва становится средоточием культурных связей славянства. В XVII веке русский народ сыграл выдающуюся роль в избавлении от иноземного господства украинцев, в XVIII веке — белоруссов. Что касается южных и западных славян, то непосредственную помощь в их борьбе за национальное освобождение Россия смогла оказать в XIX веке. Крупнейшим фактором политической жизни России в XIX веке становится революционная борьба... Одновременно в славянских странах широко разворачивается освободительное движение, ставящее своей целью свергнуть владычество немцев и турок.

[Дацюк, 1947, с. 3–4]²²

Понятно, почему Сталин и контролируемая им советская историческая наука к концу 1930-х приняли для Древней Руси имя «Киевская Русь» — этого требовал советский проект Большой Украины, рожденный из опыта дуалистической Австро-Венгрии (она была образцом для немецких марксистов²³ и, значит, русских социалистов в области национальной политики) и предназначенный для противостояния СССР с Польшей — ближайшим и крупней-

²² Примечательно, что и в этом трактате, дающем очерк новой славянской политики СССР, неизменно фиксируется мощная традиция особой украинской политики большевиков: «16(3) декабря СНК принял составленный Лениным манифест к украинскому народу, в котором говорится, что СНК признаёт “Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России” или вступить с ней в договорные отношения» [Дацюк, 1947, с. 11].

²³ Например, образцовый социал-демократический труд [Бауэр, 2015]. Материалы по этому вопросу в России см.: [Формы национального движения ... , 1910; Национальный вопрос в России ... , 1995; Национализм ... , 2015].

шим врагом СССР на его Западе вплоть до 1939 года. Но зачем они всю диахронию отечественной истории подчинили этой «украинской» ойкумене? Ведь Сталину стоило больших усилий преодолеть стратегическую инерцию этого угрожаемого с Запада двоецентриа, когда он еще в 1925 году начал с большим политическим трудом реализовывать проект урало-сибирского «второго индустриального центра» СССР. Именно он, этот тыловой центр, в 1941–1945 годах, когда Советская Украина была утрачена под гитлеровской оккупацией, стал основой победы СССР в Великой Отечественной войне. Эмигрантское правительство Польши в Лондоне начиная с 1943 года активизировало свои претензии на Западные Белоруссию и Украину в послевоенном устройстве, но они были отвергнуты Сталиным.

Однако конституционное положение Украинской ССР как *национального государства* в составе СССР, формально равное положению других союзных республик, имело своим главным фундаментом *созданное усилиями всего СССР* ее особое, отдельное экономическое развитие (для других союзных республик бывшее всё еще дальней задачей). Это было ясно выражено в сталинской Конституции СССР 1936 года, действовавшей вплоть до 1977 года. В толковании к ней, изданном одновременно с созданием этой конституции, ответственный сталинский политический юрист А. Я. Вышинский, с конца 1920-х и вплоть до смерти Сталина бывший главным лицом государственной правовой риторики, так (без радикальных к тому оснований) объяснил, почему Киргизия и Казахстан, одновременно с принятием новой Конституции СССР 1936 года, были *повышены в статусе* из автономных в составе РСФСР (Советской России) до союзных республик в составе СССР: «Удельный вес Казахстана и Киргизии в народном хозяйстве СССР полностью оправдывает их превращение в новые союзные республики». А ликвидацию соучредившей СССР в 1922 году ЗСФСР и раздел ее на Грузию, Армению, Азербайджан (и внутри их ряд автономий), непосредственно входящих в СССР в качестве союзных республик, аргументировал так: «Ныне республики Закавказья из аграрных стран превратились в индустриально-аграрные страны». Все союзные республики конституционно имели суверенное право на выход из СССР [Вышинский, 1936, с. 17, 19]. В реальности коммунистической диктатуры в СССР это означало, что на пути к полной мировой революции допускалось *за счет отделения их от России и затем от СССР* создание независимых национальных государств, пронизанных единой или централизованной мировой коммунистической организацией.

Принципиально важно иметь в виду пример преобладающе русской по населению буферной Дальневосточной республики (1920–1922), созданной боль-

шевиками и упраздненной сразу после присоединения к Советской России. Опыт этого протектората, временно служившего лишь тому, чтобы избежать прямого столкновения Москвы с Японией²⁴, ясно говорит о том, что Россия как национальное государство большевиками не рассматривалась даже в ее фрагменте. И никаких, даже ради гибкости регионального управления, русских титульных образований внутри СССР, РСФСР и особенно внутри союзных или автономных республик (кроме недолговечных русских национальных районов) создано не было.

Национальное строительство в СССР после Второй мировой войны получило масштабное продолжение и развитие в его протекторатах — странах «народной демократии» Восточной Европы и Балкан — и в совершенно особой сфере бывшего Красного Востока 1920–1930-х годов — в политике СССР в отношении Китая и Индии, огромных континентальных государств, добившихся независимости, а затем и дальнейшей деколонизации в Азии и Африке в 1960-е годы. В их случае метод раздробления территории на национальные государства (или создания национальных государств из многоплеменных сообществ, связанных лишь языком колонизаторов) уже не работал. Приблизительно говоря, континентальные державы, Китай и Индия, столкнувшись с проблемой территориального единства, не могли не учесть интегральный опыт СССР как *континентальной* державы, творя свою субмировую революцию в наднациональном масштабе. Создатель независимой Индии Джавахарлал Неру анализировал эту перспективу накануне обретения независимости так, что это не могло не соотноситься с опытом национального и *наднационального* строительства в СССР, когда его фундаментальный труд был переведен на русский язык вскоре после смерти Сталина и когда СССР вел перенастройку своей риторики мировой революции (актуальной еще в докладе Г. М. Маленкова на последнем сталинском съезде партии в конце 1952 года). Неру посвятил этому специальную главу своего труда, названную «Индия: разделение, сильное национальное государство или центр наднационального государства?», где внятно выстраивал путь огромного континентального единства. Он беспокоился о том, что при отделении от Британской империи новая Индия потеряет мусульманские части Британской Индии (то есть тогдашний Пакистан на восток и на запад от самой Индии). И в итоге предрекал своей континентальной Индии именно мировое значение, косвенно отвечая на опыт СССР, теоретически допускавшего отделение коммунистических национальных государств ради мозаики единой мировой революции и утверж-

²⁴ См.: [Ципкин, Орнацкая, 2008; Лёвкин, 2018; Саблин, 2020].

давшего единство политической нации, к формулированию которой власть СССР пришла только в 1977 году, исторически поздно объявив о появлении союзной политической нации²⁵:

Это единство [в рамках Британской Индии, включающей в себя Пакистан] является географическим, историческим и культурным, но самый мощный фактор, действующий в его пользу, — это развитие мировых событий. Многие из нас придерживаются мнения, что Индия представляет собой, по существу, единую нацию. <...> Часто выдвигают требование о предоставлении любому хорошо организованному району права на отделение от индийской федерации или союза и в качестве примера ссылаются на СССР. Этот довод не убедителен, так как условия там совершенно иные, и это право не имеет большого практического значения. В той эмоциональной атмосфере, которая царит в настоящее время в Индии, возможно, представляется желательным согласиться с этим на будущее, дабы создать столь необходимое чувство свободы от принуждения. <...> Кроме того, возможность разделения и раскола в самом начале чревата серьезной опасностью, ибо такая попытка может убить в самом зародыше свободу и сделать невозможным создание свободного национального государства. <...> Тихий океан, вероятно, займет в будущем место Атлантического в качестве нервного центра всего мира. Индия, не являясь непосредственно тихоокеанским государством, будет, однако, неизбежно оказывать там значительное влияние. Кроме того, Индия превратится в центр экономической и политической деятельности района Индийского океана, Юго-Восточной Азии и территории, простирающейся до Среднего Востока. Ее положение придает ей экономическое и стратегическое значение в той части мира, которую ждет в будущем быстрое развитие. <...> Г. Д. Х. Коул считает, что Индия сама по себе является наднациональным районом, и полагает, что в конечном счете ей суждено стать центром могущественного наднационального государства, охватыва-

²⁵ В тексте Конституции СССР 1977 года говорилось, что СССР — «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». Но при этом уже СССР — «это — общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ». Поступив в Московский университет в 1984 году, куда съехались многочисленные так называемые «национальные кадры» из всех союзных республик СССР, я из всей этой, как представляется, репрезентативной выборки молодых людей 1960-х годов рождения встретил только одного человека (грузина), кто отрицал необходимость существования в официальных личных анкетах граждан СССР пункта номер 5 — с указанием их национальности — и называл себя человеком именно внеэтнической «советской» национальности.

ющего весь Средний Восток и лежащего между китайско-японской советской республикой, новым государством, в которое войдут Египет, Аравия и Турция, и Советским Союзом на севере. Все это — чисто предположительно, и никто не может сказать, произойдет ли это когда-нибудь. Я, со своей стороны, не сторонник разделения мира на несколько огромных наднациональных территорий, если они не связаны какими-то прочными международными узами. Но если люди будут столь безумны, что откажутся от международного единства в какой-то международной организации, тогда, вероятно, надо ждать возникновения этих огромных наднациональных районов, из коих каждый будет функционировать как одно огромное государство, в которых сохранится автономия на местах. Малые национальные государства обречены. Они могут выжить в качестве территорий, пользующихся культурной автономией, но не как независимые политические единицы.

[Неру, 1955, с. 576, 584, 587–588, 590]²⁶

Самоупразднение СССР как транснационального политического единства в пользу национальных государств и России как федерации в 1991 году оставило Украину наедине с национально-государственным проектом *Большой Украины* — в том виде, как его создали большевики, Ленин и Сталин, — включающей Закарпатье, Западную Украину, Буковину, Южную Бессарабию, Крым и Донбасс. Они, используя для создания Большой Украины ресурсы всего СССР, ставили ей другую, мировую задачу. Однако независимая после СССР Большая Украина решила взять своей целью ту судьбу, что нарисовал ей американский стратег польского происхождения — Збигнев Бжезинский: стать самоистребительным орудием Запада в борьбе против России.

Нет сомнений, что этот проект оказался для современной, всё более националистической Украины избыточен, велик и слишком сложен. Поэтому сегодня Украина стоит перед самым главным, принципиальным вопросом в своей истории: стать окончательно этнонациональным государством, отказавшись от империалистических территориальных претензий на Юго-Востоке — или стать спасительной для нее федерацией, опять же — отказавшись от своего националистического империализма. Именно эта судьба Украины решается сегодня, в эти дни. И мы ее — свидетели.

²⁶ Внутреннее рецензирование русского перевода этой книги в высших политических органах СССР должно содержать красноречивые отклики на нарисованные Неру замечания к опыту СССР и новые перспективы. Содержательным обещает стать и сличение оригинального текста книги с его русским переводом. Это дело архивного поиска и специального исследования.

Апологеты ленинской модели создания СССР из «союзных» республик, которой Сталин короткое время — до принятия окончательного решения — пытался противопоставить свою «автономизацию» (прямое включение в Советскую Россию), — умалчивают о том, что такая ленинская модель в ее идеале была конфедерацией ради мировой революции. Компетентный американский исследователь, обладающий ценным личным советским опытом и потому свободный в анализе источников от магии риторики и буквализма, обоснованно отмечает:

Советская национальная политика формулировалась и осуществлялась националистами. Ленинский тезис о реальности наций и «национальных прав» был одним из самых долговечных в его карьере; ленинская теория благотворного национализма (см. его слова о национализме малых наций. — М. К.) легла в основу Союза ССР; а ленинская политика «национального строительства» обернулась необыкновенно успешной государственной кампанией по риторическому слиянию языка, «культуры», территории и «коренизированной» бюрократии. Ленинская гвардия отчаянно равнялась на вождя, но подлинным «отцом народов» стал И. В. Сталин. «Великий перелом» 1928–1929 гг. обернулся самым экстравагантным прославлением этнического плюрализма из всех, что когда-либо финансировались государством. «Великое отступление» середины 1930-х сузило круг «цветущих национальностей», но призвало к более интенсивному культивированию тех из них, которые обильно плодоносили. И наконец, за Великой Отечественной войной последовало официальное разъяснение, что класс вторичен по отношению к национальности...

[Слэзкин, 2001, с. 329]

Однако на деле план Сталина по «автономизации» государственно-национального строительства в 1922 году описывал именно *практику* сложившихся внутрисоветских, межреспубликанских государственных отношений. План Ленина по созданию СССР (как Мировой ССР) продолжал *программу-максимум* мировой революции. Но после учреждения СССР Сталин стал подлинным мотором *антирусской* (против России и за счет России) «коренизации» (титульной национализации союзных республик и внутриреспубликанских автономий) как метода подготовки национальных государств в качестве плацдармов для мировой революции. Именно об этом централизованном выращивании локальных национализмов в СССР в целом, и особенно в его союзных республиках, убедительно говорит Терри Мартин в своей эпохальной и научно сенса-

ционной книге о том, как в СССР реализовывалась «позитивная дискриминация» в пользу создаваемых советских народов²⁷.

Сталинская модель «автономизации» лишь повторяла его собственную доктринальную, также довоенную — 1913 года — схему, опирающуюся на образец Австро-Венгрии. В годы Гражданской войны реальное положение советских республик было близко к автономным (если можно вообще говорить об автономности во время войны). Апологеты «ленинской модели» создания СССР из «союзных» республик, которой Сталин пытался противопоставить свою «автономизацию» (их прямое включение в Россию), лицемерят. Они умалчивают о том, что такая ленинская модель в *идеале* была конфедерацией ради мировой революции (со стержнем в виде Коммунистической партии) и потому даже конституционно называлась Мировой ССР. То есть была доктринально продиктована большевиками. Основой этой доктрины в применении к России были расчленительные политические трактаты Ленина 1914–1915 годов. Но в практике 1918–1921 годов советские республики и близко не имели «союзного» положения внутри СССР. Ибо в перспективе предназначены были для мирового строительства *вне СССР и за счет СССР*, что на практике не означало ничего иного, кроме мирового строительства *вне России и за счет России*.

Наконец, в этом контексте ленинско-сталинскую Советскую Украину следует признать наиболее последовательно реализованным советским проектом в сфере национального строительства, который в лице *Большой Украины* достиг апогея ее гипертрофированного национально-государственного строительства как *малой империи* (впрочем, по масштабу своему вполне сопоставимой с Австро-Венгрией). Такой ее сделали крупные территориальные приращения к изначальной Советской Украине, которые были произведены Лениным (Донбасс, 1918), Сталиным (Западная Украина, 1939; Буковина и Южная Бессарабия, 1940; Закарпатье, 1945) и Хрущевым (Крым, 1954). Примечательно, что незадолго до убийства, находясь в глухой радикальной оппозиции к Сталину, Лев Троцкий по-своему, но в той традиции тоже следовал этому проекту Большой Украины перед лицом приближающейся войны СССР с гитлеровской Германией и прямо во время начала войны Германии против Польши — противопоставляя отдельную, самодостаточную, *национальную* и даже *мононациональную* Советскую Украину ненавистному ему сталинскому СССР. Он писал в своем «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)» в июле и августе 1939 года:

²⁷ Рус. пер.: [Мартин, 2011]. Оригинал: [Martin, 2001]. В русской науке установилось мнение, что наилучшим русским переводом английского исторического понятия 'Affirmative Action' является 'позитивная дискриминация'.

Главной частью украинской нации является нынешняя советская Украина. Развитие промышленности создало здесь могущественный чисто-украинский пролетариат. Ему предстоит быть руководителем украинского народа во всей его дальнейшей борьбе. Украинский пролетариат хочет вырваться из тисков бюрократии. <...> в чем же собственно состоит «центризм» лозунга независимой советской Украины.

[Троцкий, 1939, Независимость Украины ...]

И далее: «Вот почему мы говорим: Да здравствует независимая советская Украина!» [Троцкий, 1939, Демократические крепостники ...]²⁸.

Национализм в России и доктринальный социализм

Историческая Россия была счастливо лишена искушений правящего этнического национализма, строя свою идентичность вокруг конфессионального и языкового стержня. Просвещение дало ей два импульса национализма, которые легко легли в эти русла конфессионального и языкового единства: французский и немецкий.

Собственный *политический* национализм в России восходит к образу (общенационального) Отечества, введенному в доминирующий военно-государственный и идеологический лексикон Петром Великим и потому тесно переплетенному им с монархической лояльностью²⁹. Он стал основой для имперской идеологии, свободной от этнических сужения и эксплуатации.

Новый, общественный, общегражданский, политический, не монархический импульс для формулирования русского имперского (государственного) национализма дала Французская революция и увенчавший ее император Наполеон Бонапарт. В перспективе Французской революции и ее императорской эволюции просуществовала вся история русского антисамодержавного освободительного движения вплоть до большевистской революции 1917 года, послереволюционного «термидора» и установления диктатуры Сталина.

Прямо из-под оккупации французского революционного империализма вырос столь же яркий и мировой образец национализма *культурно-языкового* (поначалу вполне антиимпериалистического) — общенемецкий национа-

²⁸ Ср. с лозунгом Сталина в конце 1945 года: «социалистическая независимая Грузия» (хотя и в составе СССР) [Новые речи Сталина ... , 2019, с. 512].

²⁹ О развитии образа Отечества в русской и советской исторической политике см. подробно: [Колеров, 2017, Историческая семантика «Отечественной войны» ...]. Я для логики текста ссылаюсь здесь лишь на свои исследования, содержащие детализацию, доказательства тезисов и иллюстрации к ним. Эти исследования, конечно, ни в коем случае не дают историографической картины вопроса.

лизм Фихте. Он стал философией и нормой европейского национального освобождения и государственного объединения, практически (почти) не замечая национальных меньшинств, неизбежно попадающих в поле национального объединения (в германском случае это были поляки и евреи, обреченные на ассимиляцию). Вослед ему поднялось национальное восстание и объединение Италии. Возрождающиеся и борющиеся за объединение Германия и Италия стали в центр революционного и либерального пафоса в России. При этом Германия стала также образцом и массового успешного социал-демократического движения, чей германский патриотизм (и даже защищаемая им сама Германская империя как *объединенное национальное государство*) воспринимались в России как *патриотизм прогресса, национализм передовой нормы*.

Благодаря своему социализму объединенная *национальная* Германия точно так же служила альтернативой государственному национализму русского самодержавия, как служила ею либеральная, но *колониальная* Британская империя, зримо отводившая России удел новой Индии (в то время как Россия хотела быть новой Америкой). В глазах социалистического и либерального освободительного движения в России государственный национализм Российской империи был «тюрьмой народов», то есть *многонациональной* империей на пути стремлений народов к независимости, в первую очередь — на пути ассимиляторской националистической Великой Польши дораздельных масштабов, то есть включая этнографические литовские, белорусские, малороссийские (украинские) и др. территории (которые *даже* в межвоенной Польше XX века составляли до 50% населения). Логика националистической борьбы заставляла видеть в русской империи *националистического* врага, каковым она не была. Это тем более было видно по тому, как именно Российская империя остановила ассимиляцию Финляндии ее шведским правящим классом и тем самым невольно дала старт для финского националистического проекта Великой Финляндии.

Нет сомнений в том, что эти французский и германский образцы национализма изначально равно содержали в себе идеалистические, религиозные, социальные и социалистические принципы общенационального и политического строительства. В России этот социал-либеральный проект религиозного национального освобождения и объединения пал жертвой революции 1905 года и главной его фигурой стал поп Гапон [Колеров, 2002].

При этом именно германский объединительный и протекционистский *социал-консервативный* национализм [Колеров, 2017, Фихте, Лист, Витте, Сталин ...] противостоял *либеральной* фритредерской риторике британского империализма. Германский образец воспитывал в России последователей немец-

кого национал-либерализма (а затем и национал-большевизма, не выросшего в национал-социализм) [Колеров, 2018, «Аще не умрет, не даст плода» ...]: они либо вели конкурентную имперскую борьбу против Германии, либо пестовали революционную с ней солидарность. А собственная (вполне маргинальная³⁰) попытка строительства либерального *русского имперского национализма* была не только утверждением верховенства имперской государственности, но и почти отрицанием ее этнографической сложности как несущественной [Национализм ... , 2015; Колеров, 2017, «Проблемы Великой России» ... ; Колеров, 2017, «Национальные проблемы» ...].

Этнонациональная и конфессиональная сложность была хорошо видна именно социалистическому и либеральному освободительному движению в России. Политически ее пестовали польский, финляндский и еврейский вопросы (украинский не был политически громким), а этнографически он исходил из собственного богатого ссыльно-каторжного опыта русских революционеров. Однако подлинная сложность национального вопроса в монопольном владении социалистического и либерального консенсуса развивалась и рассматривалась в пределах западных образцов: расчленяемых в большинстве проектов будущего мирового устройства Австро-Венгерской и Османской империй на национальные (территориальные) единицы, а также доминионы, протектораты и колонии иных великих держав.

Ради этой национальной сложности должна была умереть и Российская империя как младший союзник *любых* победителей в мировой борьбе. И защитников большой Исторической России вне ее уходящих самодержавия и монархии было ничтожно мало: максимум, что обещал ей социал-либеральный консенсус в России, — слабая федерация (вскоре умершего) *австро-венгерского* образца, из вдохновений которого выросла расчленительная часть доктрины главного большевистского специалиста по национальному вопросу — Сталина. Второй половиной ленинско-сталинского решения *мирового* национального вопроса должна была стать стержневая коммунистическая диктатура над сетью *национальных социалистических государств*. Повторю:

Сталинский социализм в одной стране, пришедший на смену марксо-энгельсовской и ленинско-троцкистской мировой революции, лишь развил в пользу России сложившийся западный цивилизационный расизм, отво-

³⁰ Еще более маргинальной следует признать попытку строительства низовой «национал-демократической» альтернативы, блестяще исследованной в недавних трудах: [Чемакин, 2018, Истоки русской национал-демократии ... ; Чемакин, 2018, Русские национал-демократы в эпоху потрясений ...].

дивший ей маргинальную роль, использовал богатое германское наследие строительства великой державы на основе экономического протекционизма изолированного государства, применил в пользу Советской власти индустриально-колониальную технологию «первоначального накопления».

[Колеров, 2017, Социалистический консенсус в России ... , с. 13]

И добавлю: социализм в одной стране был передышкой, но *категорически не исключал перспективы мировой революции до самого конца правления Сталина.*

С другой стороны, *британский* образец воспитывал в России либерал-империалистов, для которых конкуренция с Британской империей была исключена (и даже — конкуренция с покровительствуемой ею Османской империей! [Колеров, 2018, «Великая Россия» и «Ближний Восток» ...]). России в мире Британии и русских англоманов была отведена судьба колониальной Индии. Эта еще довоенная (до Первой мировой войны), затем — военного времени, по сути своей колониальная, русская солидарность с *либеральной* Британской империей с началом в России Гражданской войны 1918–1920 годов послужила идейной основой для согласия белых антибольшевиков с вооруженной интервенцией Британии в Россию.

С революционной же точки зрения германский образец воспитывал в России надэтнический и революционный этатизм, а британский — революционный поиск слабых мест в его колониальной системе, ведущий к солидарности с будущим Красным Востоком, разрушающим Британскую и Османскую империи. Опыт Австро-Венгрии здесь, в колониальном контексте, звучал как почетная для России версия «европейского» национального расчленения. Но опыт Балкан как *Ближнего Востока*³¹, части Османской империи не включался в этот «европейский» горизонт. И традиционное культурное и внешнеполитическое покровительство России над балканскими народами не воспринималось русскими революционерами как освободительный исторический капитал и было целиком отнесено к ее «восточному» империализму, которому во внутренней политике оппозиционная антисамодержавная публицистика издавна нашла нелиберальное клеймо «татарщины».

Иными образцами национализма стали национально-освободительные движения в Польше и Венгрии. Они изначально были проектами регионального империализма, либо отрицающими право иных народов на националь-

³¹ Таково было место Балкан в официальных изданиях НКВД РСФСР даже в начале 1920-х годов.

ное самоопределение, либо использующими их инструментально как младших союзников в деле разрушения больших враждебных империй. Но, в частности, Польша получила горячую поддержку великих держав — Британии и Франции — в их империалистической борьбе против самодержавной России. И потому борющаяся против России Польша и ее собственные империалистические националистические интересы получили у европейских революционеров имя внеклассового «народа-революционера». Впрочем, польский национал-империалистический проект не был этническим, а выдвигал в основу своего национального строительства (против литовского, малороссийского, русинского, белорусского и даже еврейского партикуляризма) конфессиональную и языковую консолидацию как результат ассимиляции.

Итак, к 1872 году в интернациональной европейской научной среде сложился консенсус, что центральным этнографическим принципом идентификации и строительства национальности является языковое самоопределение [Колеров, 2017, Этничность как инструмент ... , с. 573]. Это предопределило политически центральную роль национальной, этнической, языковой школы в строительстве этноса и, соответственно, административный произвол в школьном деле ради ассимиляции меньшинств. Школьное строительство, простейшее народное просвещение на родном языке стало инструментом не только образования, но и национального освобождения, подготовкой политического фундамента для соединения (обще)национальной и социальной борьбы.

Этнографический исследовательский консенсус, утверждая культурно-языковой, конструктивистский, просветительский фундамент под национальным самоопределением, продиктовал практическим политикам целую программу рукотворного национального строительства как акта самозаконной, принудительной биополитики Просвещения и Модерна, исходящей из того, что человека создает его социальная среда. Такое *биополитическое* репрессивное национальное строительство и революционное национальное освобождение получило ясную цель в рациональном достижении рукотворной государственности для *каждой* национальности, начиная с автономии и кончая независимостью.

Апогеем такой рукотворности государствообразующего национализма в России можно признать формулы Ленина. Они проливают достаточно света на неизбежные конфедеративные искушения советской власти в СССР *во всей его истории*, неизменно истреблявшие ресурсы России как его ядра в интересах новосозданных национальных государств внутри самого СССР и заново утвержденных — вокруг него. Приняв за ориентир австро-венгерскую практику,

Ленин использовал ее — в контексте мировой революции — не для целей сохранения единства России, а для ее максимального сокращения до собственно великорусских пределов. С этой точки зрения хорошо известная дискуссия Ленина и Сталина в 1922 году о принципах строительства СССР либо как союза республик (Ленин), либо как системы автономий (Сталин) представляется вымышленно принципиальной: ибо речь шла одинаково об *изобретении национальных государств* разного уровня, практически *одинаково* подчиненных мировой коммунистической программе.

Еще в 1915 году посреди идущей мировой войны на уничтожение империй (прежде всего — Российской) в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин прямо заявил принципы решения национального вопроса в масштабе мировой революции, напоминающей пафос «мирового правительства» отца либертарианства фон Мизеса. Он начал программу с «победы социализма в одной стране», дающей цепную реакцию по всему миру *в виде социалистических независимых государств*, идущих к новому единству:

<...> поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе <...> [лозунг] *Соединенные Штаты мира* (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. <...> лозунг *Соединенные Штаты мира* <...> сливается с социализмом...

[Ленин, 1958–1965, т. 26, с. 352–354]

Контекстом такой формулы для Ленина была его предвоенная статья «О праве наций на самоопределение» (1914), в которой ядром национальности объявлялся, разумеется, язык. Но язык этот догматически превращался в мощнейший фактор социально-экономического, то есть государственного, единства — и именно поэтому становился главным орудием *государственного расчленения во имя всемирного коммунизма*:

Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. <...> необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий дей-

ствительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота <...> Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. <...> под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства. <...> неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование.

[Там же, т. 25, с. 258–259]

Заявляя как *максимально прогрессивный* такой сценарий бесконечного национального дробления перед перспективой финального мирового коммунистического объединения, Ленин приветствовал «точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств (то есть Австро-Венгрия и Россия против Германии, например. — М. К.)) являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым” (отсталым)». И утверждает «безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и “норма” капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение» [там же, с. 260, 263].

Важно подчеркнуть снова и снова: в этой доктрине — *национальная монолитность* (едва ли не тотальность) — *норма, а национальная сложность — отсталость*. Потому и известные претензии Розы Люксембург к Ленину 1918 года о том, что, безоговорочно поддержав национальную независимость Польши и Финляндии против классовой борьбы их пролетариата и фактически в пользу диктатуры национальной буржуазии, Ленин изменил принципам, шли мимо предмета (она, конечно, знала об участии большевиков в гражданской войне в Финляндии, но та была *после* признания ее независимости). Ведь Ленин задолго до 1918 года «изменял классовым принципам», отстаивая внеклассовые национальные государственности против империй, прежде всего Российской.

Здесь же, в статье 1914 года, Ленин делает важную оговорку, позволяющую ему сфокусировать свою формулу беспредельного национального раздробления вплоть до *мозаики* — именно на обреченных на уничтожение «отсталых» империях, то есть прежде всего — на России. Он особо выводит подразумеваемо *национально единый* (после свершившейся ассимиляции) и потому-де го-

раздо более *готовый для коммунизма, социализированный* Запад из-под дробящего молота освободительного национализма, чтобы остановить общее разрушение на его пороге:

В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего «востока». <...> Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе. <...>

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. <...> «иностранцы» (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины <...> что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства — финнов, шведов, поляков, украинцев, румын) <...> Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

[Там же, с. 269–271]

И, наконец, уже вновь в 1915 году в брошюре «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)» Ленин суммирует свои исторические экскурсы в прямой лозунг, в котором соединяет уничтожаемый им имперский феодализм, оправдываемый победный буржуазный *этнографический* национализм, необходимые многочисленные социалистические национальные государства, максимально дробные и *очищенные от инонациональных сложностей*, и ждущий их в будущем объединительный мировой интернационал:

Социалисты <...> безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии *угнетающих* стран (так называемых «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право угнетенных наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. право на политическое отделение. <...> Отстаивание этого права не только не поощряет образование мелких государств, а, напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами. <...> борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение.

[Там же, т. 26, с. 328–329]

Здесь мы видим предельно ясную для Ленина — как наиболее успешного вождя радикальной социалистической партии в России и в мире —

- апологию современной Ленину передовой (социализованной, демократической) капиталистической государственности, построенной на основе этнического как языкового (не политического) национализма;
- требование такого национализма как условия на пути к (национальному) социализму — как первой стадии;
- требование мирового интернационального коммунизма, который, разрастаясь из одного социалистического государства, должен вырасти в Соединенные Штаты мира.

Таким образом, отдавая себе отчет в бесконечности исторической перспективы этих *Соединенных Штатов мира*, мы должны признать, что в обозримой им самим актуальной перспективе Ленин видел только *социалистические государства*, построенные на основе *этнического национализма*.

Стоит ли называть их «национал-социалистическими» или «национал-большевистскими» — дело не столько вкуса, сколько терминологического бесчувствия. Ибо и национал-социализм, и национал-большевизм — явления исторически конкретные и игра их смыслами — только игра: в части национал-социализма — морально преступная, в части национал-большевизма — скорее анекдотическая.

Список источников

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОИ: INPA, 1990. 239 с.

Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / пер. М. С. Панина. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 598 с.

Безсонов С. В. Архитектура Западной Украины. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1946. 95 с.

Вышинский А. Я. Государственное устройство СССР. [М.]: Сов. законодательство, 1936. 47 с.

Даниш Мирослав. Словаки и Россия. Политические концепции и планы в 1900–1917 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2006. Т. III: Словаки и Россия: политические концепции и планы в 1900–1917 гг. С. 38–107.

Дацюк Б. А. Москва — светоч славянства. М.: Московский рабочий, 1947. 68 с.

Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 486 с.

Кадио Жюльет. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 331 с.

Колеров М. А. «Аще не умрет, не даст плода»: власть и жертва Николая Устрялова // Колеров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. С. 169–227.

Колеров М. А. «Великая Россия» и «Ближний Восток» П. Б. Струве: британские вдохновения и разрушение Османской империи и Австро-Венгрии (1908–1916). Приложение: Струве Петр. Международное положение и международная реакция (1908) // Колеров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. С. 47–78.

Колеров М. А. «Национальные проблемы» (1915). Реплика содержания // Колеров М. А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 291–294.

Колеров М. А. «Проблемы Великой России» (Москва, 1916). Реплика содержания // Колеров М. А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 295–300.

Колеров М. А. Анти-Аншлюс: «национальные государства» СССР против Польши (1920–1940-е гг.) // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сб. ст. / науч. ред. А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2017. С. 179–208.

Колеров М. А. Историческая семантика «Отечественной войны»: между общенациональным и этническим/партийным (1812–1914 — 1918–1941) // Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 472–553.

Колеров М. А. Март 1918: Советская Россия учится жить без Донбасса: К истории «угрозы с Запада» и «второго индустриального центра» в сталинской перспективе // Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2016. Кн. 11: Многоликий и беспокойный славянский мир. Научный сб. в честь 50-летия Ю. А. Борисёнка. С. 408–424.

Колеров М. А. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М.: Три квадрата, 2002. 222 с.

Колеров М. А. Социализм в одной стране: изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. 264 с.

Колеров М. А. Социалистический консенсус в России на рубеже 1905 года: тезисы к новой истории // Колеров М. А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 9–16.

Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. 640 с.

Колеров М. А. Фихте, Лист, Витте, Сталин: изолированное государство, протекционизм, первоначальное социалистическое накопление и «социализм в одной стране» // Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 109–311.

Колеров М. А. Этничность как инструмент: Литва в фокусе демографической борьбы XIX–XX вв. // Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 554–602.

Круглов В. Н. Большевики и проблема территориального устройства РСФСР: идеология, дискуссии, практика, результаты (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: [ГЦМСИР], 2018. С. 115–120.

Культуры патриотизма в период Первой мировой войны. Сборник статей / под ред. К. А. Тарасова, сост. и предисл. Б. И. Колоницкого. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2020. 317 с.

Ланник Л. В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. 55 т.

Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 677 с.

Лёвкин Г. Г. Административно-территориальное устройство Дальне-Восточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: б. и., 2018. 442 с.

Люксембург Роза. Кризис социал-демократии. С приложением статьи Н. Ленина. Предисл. Клары Цеткин. М.: Красная новь, 1924. XXII, 130 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 662 с.

Михутина И. Украинский Брестский мир. М.: Издательство «Европа», 2007. 288 с.

Москва и Восточная Европа: Национальные модели социализма в странах региона (1950–1070-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки: сборник статей / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Институт славяноведения РАН; Нестор-История, 2020. 282 с.

Национализм. Полемика 1909–1917. Сборник статей / сост. М. А. Колеров. 2-е изд. М.: Модест Колеров, 2015. 303 с.

Национальный вопрос в России (1900–1917). Аннотированный указатель книг, статей и публикаций в журналах / сост. И. Г. Гальперина и др. М.: РГБ, 1995. 100 с.

Неру Джавахарлал. Открытие Индии / пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 649 с.

Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным // Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год / под ред. М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2019. С. 491–525.

Переезд советского правительства в Москву. К 100-летию возвращения столицы в Первопрестольную: сборник научных статей / отв. ред. И. И. Тучков, Л. С. Белоусов. СПб.: Алетейя, 2019. 239 с.

Русские об Украине и украинцах. Сборник / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. СПб.: Алетейя, 2012. 454 с.

Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 471 с.

Санборн Джошуа. Великая война и деколонизация Российской империи / пер. с англ. Ольги Поборцевой. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2021. 453 с.

Слэзкин Юрий. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 329–374.

Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Аманжолова Д. А., Дроздов К. В., Красовицкая Т. Ю., Тихонов В. В. М.: Новый Хронограф, 2021. 575 с.

Советское Закарпатье. Справочник / отв. ред. В. А. Повх. Ужгород: Закарпат. обл. изд., 1957. 248 с.

Троцкий Л. Демократические крепостники и независимость Украины // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 79–80. New York. 1939, август — сентябрь — октябрь.

Троцкий Л. Независимость Украины и сектантская путаница // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 79–80. New York. 1939, август — сентябрь — октябрь.

Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910. XIV, 824 с.

Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза / авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.

Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 660 с.

Цеткин Клара. Роза Люксембург и русская революция / пер. Г. А. Зуккау. М.; Пг.: Гос. изд., 1924. 234 с.

Ципкин Ю. Н., Орнауцкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: б. и., 2008. 243 с.

Чемакин А. А. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.

Чемакин А. А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.

Шевеленко Ирина. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 333 с.

Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX — 1 пол. XX вв.). М.: REGNUM, 2011. 410 с.

Шевченко К. Русины и межвоенная Чехословакия: к истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006. 267 с.

Шубин А. В. Украина в 1917–1945 гг. // История Украины. СПб., 2020.

Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. XVII, 496 p.

References

- ‘Novye rechi Stalina o Gruzii, istorii i natsional'nostyakh (1945): Niko Berdzenishvili. Vstrecha so Stalinym’ [‘Stalin’s new speeches about Georgia, history and nationalities (1945): Niko Berdzenishvili. Meeting with Stalin’] (2019), in Kolerov, M.A. (ed.) *Issledovaniya po istorii russkoi mysli [15]. Ezhegodnik za 2019 god [Studies in the history of Russian thought [15]. Yearbook 2019]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 491–525.
- Amanzholova, D.A. et al. (2021) *Sovetskii natsional'nyi proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika [Soviet National Project in the 1920s–1940s: Ideology and Practice]*. Moscow: Novyi Khronograf.
- Anikeev, A.S. (ed.) (2020) *Moskva i Vostochnaya Evropa: Natsional'nye modeli sotsializma v stranakh regiona (1950–1970-e gg.). Formirovanie, osobennosti, sovremennye otsenki: sbornik statei [Moscow and Eastern Europe: National models of socialism in the countries of the region (1950–1970s). Formation, features, modern assessments: a collection of articles]*. Moscow; St. Petersburg: Institut slavyanovedeniya RAN; Nestor-Istoriya.
- Avtorkhanov, A. (1990) *Imperiya Kremlya. Sovetskii tip kolonializma [Kremlin Empire. Soviet type of colonialism]*. Vil'nyus: IMO: INPA.
- Bauer, O. (2015) *Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya [National Question and Social Democracy]*. Transl. by M.S. Panin. 2nd edn. Moscow: LENAND.
- Bezsonov, S.V. (1946) *Arkhitektura Zapadnoi Ukrainy [Architecture of the Western Ukraine]*. Moscow: Izd-vo Akademii arkhitektury SSSR.
- Borisenok, E.Yu. (ed.) (2012) *Russkie ob Ukraine i ukrainskakh. Sbornik [Russians about Ukraine and Ukrainians. Collection]*. St. Petersburg: Aleteiya.
- Chemakin, A.A. (2018) *Istoki russkoi natsional-demokratii: 1896–1914 gody [The origins of Russian national democracy: 1896–1914]*. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Chemakin, A.A. (2018) *Russkie natsional-demokraty v epokhu potryaseniya: 1914 — nachalo 1920-kh godov [Russian national democrats in an era of upheavals: 1914 — early 1920s]*. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Danish, Miroslav (2006) ‘Slovaki i Rossiya. Politicheskie kontseptsii i plany v 1900–1917 gg.’ [‘Slovaks and Russia. Political concepts and plans in 1900–1917’], in *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. T. III: Slovaki i Rossiya: politicheskie kontseptsii i plany v 1900–1917 gg. [Russian collection: research on the history of Russia. Vol. III: Slovaks and Russia: Political Concepts and Plans in 1900–1917]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 38–107.
- Datsyuk, B.A. (1947) *Moskva — svetoch slavyanstva [Moscow is the beacon of the Slavs]*. Moscow: Moskovskii rabochii.
- Drozdov, K.S. (2016) *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 gg. [Ukrainization policy in the Central Black Earth region, 1923–1933]*. Moscow; St. Petersburg.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Kadio, Zhyul'et (2010) *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1860–1940* [*Empire Laboratory: Russia/USSR, 1860–1940*]. Transl. from the French by E. Kustova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kastelyanskiy, A.I. (ed.) (1910) *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya* [*Forms of the national movement in modern states: Austria-Hungary. Russia. Germany*]. St. Petersburg: Tip. t-va «Obshchestv. Pol'za».

Khirsh, F. (2022) *Imperiya natsii. Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza* [*Empire of Nations. Ethnographic knowledge and the formation of the Soviet Union*]. Authorised transl. from the Engl. by R. Ibatullina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Khodyakov, M.V. (ed.) (2021) *Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917)* [*Center and regions: the economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*]. 2nd edn. St. Petersburg: St.-Peterb. un-ta Publ.

Kolerov, M.A. (2002) *Sbornik «Problemy idealizma» (1902): istoriya i kontekst* [*Collection Problems of Idealism (1902): history and context*]. Moscow: Tri kvadrata.

Kolerov, M.A. (2016) 'Mart 1918: Sovetskaya Rossiya uchitsya zhit' bez Donbassa: K istorii «ugrozy s Zapada» i «vtorogo industrial'nogo tsentra» v stalinskoj perspektive' ['March 1918: Soviet Russia Learns to Live Without the Donbass: Towards the History of the “Threat from the West” and the “Second Industrial Center” in Stalin’s Perspective'], in *Istoriki-slavisty MGU. Kniga 11: Mnogolikii i bespokoinyi slavyanskii mir. Nauchnyi sbornik v chest' 50-letiya Yu.A. Borisenka* [*Historians-Slavists of Moscow State University. Book 11: The many-faced and restless Slavic world. Scientific collection in honor of the 50th anniversary of Yu.A. Borisonok*]. Moscow: Izdatel' Stepanenko, pp. 408–424.

Kolerov, M.A. (2017) '«Natsional'nye problemy» (1915). Rospis' sodержaniya' [“National Problems” (1915). Content painting'], in Kolerov, M.A. *Ot marksizma k idealizmu i tserkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli* [*From Marxism to Idealism and the Church (1897–1927): Studies, Materials, Indexes*]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», pp. 291–294.

Kolerov, M.A. (2017) '«Problemy Velikoi Rossii» (Moskva, 1916). Rospis' sodержaniya' [“Problems of Great Russia” (Moscow, 1916). Content painting'], in Kolerov, M.A. *Ot marksizma k idealizmu i tserkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli* [*From Marxism to Idealism and the Church (1897–1927): Studies, Materials, Indexes*]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», pp. 295–300.

Kolerov, M.A. (2017) 'Anti-Anshlyus: «natsional'nye gosudarstva» SSSR protiv Pol'shi (1920–1940-e gg.)' ['Anti-Anschluss: “Nation States” of the USSR against Poland

(1920–1940s)’, in Polunov, A.Yu. (ed.) *Rossiya i slavyanskii mir v voynakh i konfliktakh XIX–XXI vekov. Sbornik statei [Russia and the Slavic World in Wars and Conflicts of the 19th–21st Centuries]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 179–208.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Etnichnost’ kak instrument: Litva v fokuse demograficheskoi bor’by XIX–XX vekov’ [‘Ethnicity as a Tool: Lithuania in the Focus of Demographic Struggle in the 19th–20th Centuries’], in Kolerov, M.A. *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 554–602.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Fikhte, List, Vitte, Stalin: izolirovannoe gosudarstvo, protektsionizm, pervonachal’noe sotsialisticheskoe nakoplenie i «sotsializm v odnoi strane»’ [‘Fichte, List, Witte, Stalin: the isolated state, protectionism, primitive socialist accumulation and “socialism in one country”’], in Kolerov, M.A. *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 109–311.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Istoricheskaya semantika «Otechestvennoi voiny»: mezhdubshchenatsional’nym i etnicheskim/partiinym (1812–1914 — 1918–1941)’ [‘Historical semantics of the “Patriotic War”: between the national and the ethnic/party (1812–1914 — 1918–1941)’], in Kolerov, M.A. *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 472–553.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Sotsialisticheskii konsensus v Rossii na rubezhe 1905 goda: tezisy k novoi istorii’ [‘Socialist Consensus in Russia at the Turn of 1905: Theses for a New History’], in Kolerov, M.A. *Ot marksizma k idealizmu i tserkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli [From Marxism to Idealism and the Church (1897–1927): Studies, Materials, Indexes]*. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», pp. 9–16.

Kolerov, M.A. (2017) *Sotsializm v odnoi strane: izolirovannoe gosudarstvo, protektsionizm i pervonachal’noe sotsialisticheskoe nakoplenie [Socialism in one country: the isolated state, protectionism, and primitive socialist accumulation]*. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii».

Kolerov, M.A. (2017) *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov.

Kolerov, M.A. (2018) ‘«Ashche ne umret, ne dast ploda»: vlast’ i zhertva Nikolaya Ustryalova’ [‘“If he doesn’t die, he won’t bear fruit”: the power and sacrifice of Nikolai Ustryalov’], in Kolerov, M.A. *Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904–*

1927. *Ocherki i dokumenty [The Archeology of Russian Political Idealism: 1904–1927. Essays and documents]*. Moscow: Common place, pp. 169–227.

Kolerov, M.A. (2018) '«Velikaya Rossiya» i «Blizhnii Vostok» P.B. Struve: britanskiye vdokhnoveniya i razrusheniye Osmanskoy imperii i Avstro-Vengrii (1908–1916). Prilozhenie: Struve Petr. Mezhdunarodnoye polozheniye i mezhdunarodnaya reaktsiya (1908)' ['P.B. Struve's "Great Russia" and the "Middle East": British Inspirations and the Destruction of the Ottoman Empire and Austria-Hungary (1908–1916). Application: Struve, Petr. International Situation and International Reaction (1908)'], in Kolerov, M.A. *Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904–1927. Ocherki i dokumenty [The Archeology of Russian Political Idealism: 1904–1927. Essays and documents]*. Moscow: Common place, pp. 47–78.

Kruglov, V.N. (2018) 'Bol'sheviki i problema territorial'nogo ustroystva RSFSR: ideologiya, diskussii, praktika, rezul'taty (1917–1922 gg.)' ['Bolsheviks and the problem of the territorial structure of the RSFSR: ideology, discussions, practice, results (1917–1922)'], in Petrov, Yu.A. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: vlast' i obshchestvo po obe storony fronta: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 1–3 oktyabrya 2018 g.) [Russia during the Civil War, 1917–1922: power and society on both sides of the front: materials of the International scientific conference (Moscow, October 1–3, 2018)]*. Moscow: [GTSMISIR], pp. 115–120.

Lannik, L.V. (2020) *Posle Rossiiskoy imperii: germanskaya okkupatsiya 1918 goda [After the Russian Empire: German Occupation 1918]*. St. Petersburg: Evraziya.

Lenin, V.I. (1958–1965) *Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]* (55 vols). 5th edn. Moscow: Gospolitizdat.

Leskinen, M.V. (2016) *Velikoross/velikoros. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX [Velikoross/velikoros. From the history of the construction of ethnicity. 19th Century]*. Moscow: Indrik.

Levkin, G.G. (2018) *Administrativno-territorial'noye ustroystvo Dal'ne-Vostochnoy respubliki (1920–1922 gg.) [Administrative-territorial structure of the Far Eastern Republic (1920–1922)]*. Khabarovsk: No Press.

Lyuksemburg, Roza (1924) *Krizis sotsial-demokratii. S prilozheniem stat'i N. Lenina. Predislovie Klary Tsetkin [The Crisis of Social Democracy. With an article by N. Lenin. Foreword by Clara Zetkin]*. Moscow: Krasnaya nov'.

Martin, T. (2011) *Imperiya «polozhitel'noi deyatelnosti». Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939 [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939]*. Transl. from the Engl. by O.R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina».

Martin, Terry (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press.

Mikhutina, I. (2007) *Ukrainskii Brestskii mir [The Ukrainian Brest Peace]*. Moscow: «Evropa» Publ.

Natsional'nyi vopros v Rossii (1900–1917). Annotirovannyi ukazatel' knig, statei i publikatsii v zhurnalakh [The national question in Russia (1900–1917). Annotated index of books, articles and journal publications] (1995) Comp. by I.G. Gal'perina et al. Moscow: RGB.

Natsionalizm. Polemika 1909–1917. Sbornik statei [Nationalism. Controversy 1909–1917. Collection of articles] (2015) Comp. by M.A. Kolerov. 2nd edn. Moscow: Modest Kolerov.

Neru, Dzhavakharlal (1955) *Otkrytie Indii [The Discovery of India]*. Transl. from the Engl. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

Povkh, V.A. (ed.) (1957) *Sovetskoe Zakarpat'e. Spravochnik [Soviet Transcarpathia. Directory]*. Uzhgorod: Zakarpat. obl. Publ.

Sablin, I. (2020) *Dal'nevostochnaya respublika: ot idei do likvidatsii [Far Eastern Republic: from idea to liquidation]*. Transl. from the Engl. by A. Tereshchenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Sanborn, Dzhoshua (2021) *Velikaya voina i dekolonizatsiya Rossiiskoi imperii [The Great War and the decolonization of the Russian Empire]*. Transl. from the Engl. by Ol'ga Pobortseva. St. Petersburg: Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press.

Shevchenko, K. (2006) *Rusiny i mezhvoennaya Chekhoslovakiya: k istorii etnokul'turnoi inzhenerii [Rusyns and interwar Czechoslovakia: on the history of ethno-cultural engineering]*. Moscow: Modest Kolerov.

Shevchenko, K.V. (2011) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny (XIX — 1 pol. XX vv.) [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusyns (19 — 1st half of the 20 Centuries)]*. Moscow: REGNUM.

Shevelenko, Irina (2017) *Modernizm kak arkhaizm: natsionalizm i poiski modernistskoi estetiki v Rossii [Modernism as archaism: nationalism and the search for modernist aesthetics in Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Shubin, A.V. (2020) 'Ukraina v 1917–1945 gg.' ['Ukraine in 1917–1945'], in *Istoriya Ukrainy [The History of Ukraine]*. St. Petersburg.

Slezkin, Yurii (2001) 'SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili Kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchryalo etnicheskuyu obosoblennost' ['The USSR as a Communal Apartment, or How the Socialist State Encouraged Ethnic Isolation'], in *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya [American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Soviet period: Anthology]*. Comp. by M. Devid-Foks. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», pp. 329–374.

Tarasov, K.A. (ed.) (2020) *Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny. Sbornik statei [Cultures of patriotism during the First World War. A collection of ar-*

ticles]. Comp. and preface by B.I. Kolonitskiy. St. Petersburg: Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge.

Trotskii, L. (1939) 'Demokraticheskie krepostniki i nezavisimost' Ukrainy' ['Democratic serf-owners and the independence of Ukraine'], *Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [*Bulletin of the opposition (Bolshevik-Leninists)*], 79–80, New York, Aug. — Sep. — Oct.

Trotskii, L. (1939) 'Nezavisimost' Ukrainy i sektantskaya putanitsa' ['Ukrainian independence and sectarian confusion'], *Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [*Bulletin of the opposition (Bolshevik-Leninists)*], 79–80, New York, Aug. — Sep. — Oct.

Tsetkin, Klara (1924) *Roza Lyuksemburg i russkaya revolyutsiya* [*Rosa Luxemburg and the Russian Revolution*]. Transl. by G.A. Zukkau. Moscow; Petrograd: Gos. Publ.

Tsipkin, Yu.N., Ornatskaya, T.A. (2008) *Vneshnyaya politika Dal'nevostochnoi respubliki (1920–1922 gg.)* [*Foreign policy of the Far Eastern Republic (1920–1922)*]. Khabarovsk: No Press.

Tuchkov, I.I., Belousov, L.S. (eds) (2019) *Pereezd sovetskogo pravitel'stva v Moskvu. K 100-letiyu vozvrashcheniya stolitsy v Pervoprestol'nyu: sbornik nauchnykh statei* [*The relocation of the Soviet government to Moscow. To the 100th anniversary of the return of the capital to the Mother See: a collection of scientific articles*]. St. Petersburg: Aleteiya.

Vyshinskii, A.Ya. (1936) *Gosudarstvennoe ustroistvo SSSR* [*State structure of the USSR*]. [Moscow]: Sovetskoe zakonodatel'stvo.

Информация об авторе: М. А. Колеров — кандидат исторических наук, начальник отдела изучения и публикации документов Государственного архива РФ, главный редактор информационного агентства REGNUM. Адрес: Российская Федерация, 119072, Москва, Берсеневский пер., д. 2, стр. 1.

Information about the author: M. A. Kolerov — PhD in History, Head of the Department for the Study and Publication of Documents of the State Archive of the Russian Federation, Editor-in-Chief of the REGNUM News Agency. Address: 1 2 Bersenevsky Lane, Moscow, 119072, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 25.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 141–158.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 141–158.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-141-158

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ В РАБОТАХ С. Л. ФРАНКА: ПУТЬ К ЭКЗЕГЕТИКЕ ОТКРОВЕНИЯ

Алексей Алексеевич Гапоненков

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия, garonenkova@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

 Аннотация. Религиозно-философское творчество С. Л. Франка — предмет многочисленных исследований по истории философии, религиоведения, теологии. Тем очевиднее изучать его наследие с точки зрения филологии и библеистики — функцию, значение и смысл цитат, реминисценций, аллюзий, жанров из Священного Писания в текстах философа. Он обращался к Библии в разные периоды своей жизни. В настоящей статье привлекаются для анализа несколько работ Франка до 1939 года: «Дневник» (1902), «Предмет знания», «Крушение кумиров», «Смысл жизни», «Духовные основы общества», «Непостижимое» и др. Начиная со статьи «De profundis» (1918), а особенно с книги «Крушение кумиров» (1923), постепенно формируется франковская библейская концептосфера, происходит окончательный переход к духовному дискурсу. Философ всё больше обращается к библейским переводам — греческому,

славянскому, латинскому, немецкому. Картина мира Франка теперь непредставима без богодухновенных текстов, Слова Божия, а его философия без библейской лексики, экзегетики Откровения.

Ключевые слова: Священное Писание, религиозная философия, С. Л. Франк, библеистика, экзегетика Откровения

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44221 Теология.

Ссылка для цитирования: Гапоненков А. А. Священное Писание в работах С. Л. Франка: путь к экзегетике Откровения // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 141–158.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-141-158>.

Literature. Philosophy. Religion

HOLY SCRIPTURE IN THE WORKS OF S. L. FRANK:
PATH TO THE EXEGESIS OF REVELATION

Alexey A. Gaponenkov

Saratov State University named after N. G. Chernysheskij,
Saratov, Russia, gaponenkovaa@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Abstract. Religious and philosophical works of S. L. Frank are the subject of numerous studies on the history of philosophy, religious and theological studies. It is all the more obvious to consider his heritage from the point of view of philology and biblical studies — function and meaning of quotations, reminiscences, allusions, genres from the Holy Scripture in the philosopher’s texts. He turned to the Bible at different periods of his life. In this paper we analyze several works by Frank written before 1939: “The Diary” (1902), “The Object of Knowledge”, “The Collapse of the Idols”, “The Meaning of Life”, “The Spiritual Foundations of Society”, “The Unknowable”, etc. Starting with the article “De profundis” (1918) and especially with the book “The Collapse of the Idols” (1923) Frank’s biblical concept sphere is gradually formed, the final transition to spiritual discourse takes place. The philosopher is increasing-

ly turning towards the biblical source in various translations — from Greek, Slavic, Latin, German. From now on it is impossible to imagine neither Frank's world view without divinely inspired texts, the Word of God, nor his philosophy without biblical lexicon, the exegesis of Revelation.

Keywords: Holy Scripture, religious philosophy, S. L. Frank, biblical studies, exegesis of Revelation

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21-011-44221 Theology.

For citation: Gaponenkov, A.A. (2022) 'Holy Scripture in the Works of S.L. Frank: Path to the Exegesis of Revelation', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 141–158. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-141-158.

Вопрос об экзегезе Священного Писания в работах С. Л. Франка представляет значительный интерес не только для историка философии и теолога, но прежде всего для филолога-библеиста, изучающего функцию и частотность, значение и смысл библейских цитат, реминисценций, аллюзий, жанров в текстах философа и религиозного мыслителя, который в Библии находит глубочайшую божественную правду, саму природу духовного бытия, высшие проявления любви в Словах Спасителя. Праведный Симеон Богоприимец, именем которого был наречен Франк, взял из рук Марии Младенца в Иерусалимском храме и произнес благословения (Лк. 2:25–35). Если толковать эту сцену из Евангелия от Луки по древнему аллегорическому методу, то Симеон олицетворяет Ветхий Завет (по преданию он один из переводчиков-толковников Септуагинты, переводил Книгу пророка Исаии), единство Библии.

Читая работы Франка, можно обнаружить, что философ обращался к Священному Писанию в разные периоды своей жизни. Однако характер употребления библейского текста в ранние годы «неверующей юности», окончательного философского самоопределения и преподавания в высших учебных заведениях Петербурга, во время событий русской революции 1917 года и Гражданской войны в России, в 1922–1930-е годы — в Германии, в предвоенные и военные годы во Франции и в последние пять лет жизни в Англии явно менялся от критического настроения, помещения Библии в широкий контекст философской культуры до собственно религиозно-философского понимания Слова Божьего,

усвоения и православной святоотеческой традиции толкования Священного Писания, и отчасти гностической.

Необходимо сразу оговориться, что Франк не был представителем церковной науки, и богословом он также себя не считал, оставаясь *свободным мыслителем*, философствующим по поводу библейских истин, вдохновляясь ими и мистически сопереживая. В этой связи значима его общая оценка «разногласий» в составе Библии из «письма к другу» «О невозможности философии» (14 августа 1944 года):

Есть непреодолимые разногласия не только между Ветхим и Новым Заветом, не только между отдельными частями Ветхого Завета, который есть, как известно, целая библиотека книг, написанная многими людьми на протяжении нескольких веков — от эпохи первобытной религиозной дикости до гениальных религиозно-моральных озарений пророков — но и между отдельными частями Нового Завета, как и между разными эпохами и направлениями церковного учения.

[Франк, 1996, с. 94]

Это типичная позиция библейской критики.

Статья наша посвящена в основном трудам Франка до 1939 года. Поздние его религиозные книги «Свет во тьме», «С нами Бог» и «Реальность и человек», а также рабочие записи к ним изобилуют библейским текстом и его экзегезой и будут рассмотрены в отдельной публикации.

В «Предсмертном», говоря о деде М. М. Россиянском, Франк вспоминал о своем первом чтении Библии на древнееврейском языке:

Он заставил меня научиться древнееврейскому языку (который я теперь забыл) и читал на нём Библию. <...> Благоговейное чувство, с которым я целовал покрывало Библии, когда в синагоге обносили «свитки закона», в порядке генетически-психологическом стало фундаментом религиозного чувства, определившего всю мою жизнь (за исключением неверующей юности, примерно от 16 до 30 лет).

[Там же, с. 44]

Это было священное писание евреев — Тора. И Франк с детства слышал увлекательные сказания о ветхозаветном пророке и законодателе Моисее, словах Бога о сотворении мира, об отождествлении израильского народа с живым существом, о Песне Песней, воспевающей взаимную любовь, о пророчествах

Исаии и Иеремии. Дед Франка читал и Талмуд, и средневековый комментарий к Библии “Kaschi” — толкование Торы, изданное в Лейпциге и Варшаве по древнееврейскому источнику¹.

Именно эта «ветхозаветная основа» в конечном счете привела Франка к христианству, принятию искупительной жертвы Христа. Более возвышенное понятие жертвы, чем сожжение оводов, откормленного скота, находил он впоследствии у пророков Осии и Исаии — «требование заменить жертвы покаянием» [Франк, 1992, с. 341].

Ялтинско-бердянский «Дневник» Франка 1902 года, впервые опубликованный нами, запечатлел философские раздумья 25-летнего молодого человека над Евангелием, личностью Иисуса Христа без какого-либо сакрального к Нему отношения. 4 января 1902 года Франк записал:

Я читаю Евангелие. Читаю его так, как, вероятно, никто не читал — в первый раз, сознательным человеком, и интересуюсь им просто, как любопытной книгой. Я ожидал сильного впечатления — ошибся. Правда, нравственное величие Христа чувствуется, но оно как будто застлано дымкой. Люди, писавшие Ев<ангелие>, только *неволью* дали отпечаток его, ибо они или не понимали, или старались приноровиться к толпе. 9/10, не менее, занято описанием чудес и доказательством Божественности, и не более 1/10 — пожалуй, еще менее — осталось на описание учения и нравственной жизни Христа.

[С. Л. Франк. Саратовский текст, 2006, с. 42]

Автор «Дневника» прибегает к кощунственному с точки зрения христианина сопоставительному ряду: «Сократ, Бруно, Спиноза, даже наши новейшие русские герои — стоят не ниже Христа — вообще все мученики за идею. Только религиозному предрассудку эта очевидная истина покажется чудовищной» [там же]. Франк фиксирует на страницах «Дневника» свое «отречение» от критического марксизма как научного знания на пути к еще малоосмысленному идеализму. И он пока далек от какой-либо религии, даже рационально воспринятой, восторгаясь антихристианством Ницше с его «любовью к дальнему», к «вещам и призракам» [там же, с. 46].

¹ В дореволюционных классических гимназиях приходилось готовиться к сложному экзамену по предмету Закон Божий, в содержание вопросов входили даже решения Вселенских Соборов. Иудеи освобождались от этого предмета, но в некоторых гимназиях Закон Божий преподавали раввины. Учебные дни начинались с молитвы, на которой присутствовали и евреи. В Императорских университетах была обязательной кафедра православного богословия, изучалось там и Священное Писание. После принятия православия в 1912 году Франк глубже познакомился со святоотеческой мыслью и литургическим богословием.

«Любопытная книга» тем не менее притягивает его исключительно нравственно-философским содержанием, помогая определиться с мировоззренческими вопросами:

Самое интересное в учении Ев<ангелия> — это доказательство Шопенгауэровской мысли: ничто не ново под луною. Всегда, должно быть, дьявол был и будет князем мира сего, и всегда были и будут люди не от мира сего, люди, несущие спасение, люди, призывающие от лжи к истине, от эгоизма к любви к Богу и к ближним (Бог — это то же, что Ницшевский *Gespenster*). И всегда этих людей будут распинать — если не физически, то морально.

[Там же, с. 42]

Франк тогда верил в прогресс, он воочию видел Л. Толстого в Крыму, и смысл «нравственной жизни всех *спасителей*» [там же] молодой человек осознавал в постепенном и неуклонном подъеме нравственного уровня общества. А основные «моральные двигатели» человечества, «заповеданные Христом», заключены в «любви к Богу» и «любви к ближнему». Они конфликтуют друг с другом. Первую вслед за Ницше Франк понимает слишком рассудочно, без настоящей любви к Ты. Он заменяет «любовь к Богу» ницшеанской «любовью к дальнему». В «Дневнике» находим еще одну запись:

Любопытно, что сам Христос ставит любовь к Богу выше любви к ближнему; за ним это повторяет и Толстой, доказывающий, что любить можно только отдельных людей, а не человечество и что, след<овательно>, универсальным моральным импульсом может быть только стремление жить по воле Бога («любовь к призраку») — Ницше.

[Там же, с. 47]

Так в чтении Евангелия и книги «Так говорил Заратустра» рождается концепция его первой философской работы «Фр. Ницше и этика “любви к дальнему”», включенной в знаменитый сборник 1902 года «Проблемы идеализма».

В «Дневнике» 4 января 1902 года приводится одно высказывание из Евангелия от Луки: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21) [там же, с. 41]. Этот предикативный фразеологизм в переводе со славянского означает «среди вас». Смысл его надолго запомнится Франку и станет частью его философии, присутствия Божества в нас самих, того, что он назовет в книге «С нами Бог» «раскрытием имманентности Бога человеческой душе» [Франк, 1992, с. 229], самому бытию человека. Евангельское выражение это всплывет, например, в

полемике Франка с Д. В. Философовым по поводу адогматизма в статье «Стадность против беспочвенности»: «Не обобщить ли нам картину современного адогматизма и хаоса еще шире, найдя его духовный источник не в Шестове, а в Лютере и Гете, а, пожалуй, и еще дальше — в том Духе, который поведал впервые, что царство Божие не “здесь” и не “там”, а *внутри нас?*» [Франк, 2020, с. 157]. Или в рецензии на книгу Л. Зеринга «Метерлинк, как философ и поэт»: «особое религиозно-нравственное сознание, лучше всего характеризуемое евангельским словом: “Царство Божие внутри вас есть”» [там же, с. 144].

Современное богословское толкование этих слов содержит объективное и субъективное их понимание:

Сказанное об объективном живом присутствии Царства Божьего среди верующих в эту Благою весть не исключает и субъективного понимания слов «*Царствие Божие внутри вас*», то есть оно действует в наших сердцах и творит духовно новых людей. Более того, одно предполагает другое: без покаяния, без внутреннего обращения невозможно и обращение внешнее: ведь непросветленным внутренним зрением не увидишь вокруг себя и Царства Божьего.

[Ивлиев, 2021, Евангелие от Луки ... , с. 394]

Франк склоняется к субъективному — внутреннему просветлению души. Но важна дальнейшая экзегеза этого фразеологизма в книге «Свет во тьме»:

Не праздная мечта о внешнем чуде наступления царства Божия, а внимание к его реальности, как *уже осуществленного нашего достояния*, приводит к торжеству его подлинной, всеобъемлющей реализации. То, что оно уже наступило, уже — среди нас, внутри нас, в нашем обладании, — отнюдь не противоречит тому, что в ином своем аспекте оно еще должно наступить, еще только чаемо, и что мы должны молиться: «да придет царствие Твое».

[Франк, 1949, с. 108–109]

От записи в «Дневнике» 1902 года, подобной «горчичному зерну» для будущей основной философской интуиции Франка, до приведенного толкования из «Света во тьме» прошло более 40 лет.

До событий 1917–1922 годов — революции и Гражданской войны в России — привлечение цитат, реминисценций из Библии в трудах Франка свидетельствует о его религиозно-философском дискурсе, переходе к нему от нарратива светского, социально-политического, общественно-литературного, чисто философского, научного. Обсуждаются им современность, проблемы полити-

ки и философии, возникает полемика, и на их фоне *библейзмы* являются выражением культурной памяти, выполняя не только номинативную функцию, но и символическую. Франк называет собственные имена: Моисей, Исав, Иисус Христос, апостол и евангелист Иоанн, Пилат. Он упоминает заповеди и Нагорную проповедь. В его публицистических работах, опубликованных в периодических изданиях, находим фразеологизмы, перифразы, предикативные словосочетания из Священного Писания: «религиозной верой, про которую сказано, что она “без дел мертва есть” [Иак. 2:26]²» [Франк, 2019, с. 122]; «несть власти, аще не [“несть бо власть, аще не от Бога” (Рим. 13:1)] от воли народной» [там же, с. 284]; «Духа Божия [и духа заблуждения] узнавайте так... [1 Ин. 4:2–3]» [там же, с. 397]; заповедь Моисея «Не сотвори себе кумира! [Исх. 20:4]» [там же, с. 472]; «падут иерихонские стены [Нав. 6:1–19] старого порядка» [там же, с. 422]; «как Исав за чечевичную похлебку [Быт. 25:29–32]» [там же, с. 399], «ныне отпускаеши [Лк. 2:29]» [там же, с. 405], «что есть истина? [Ин. 18:38]» [там же, с. 206]; «иудеям соблазн и эллинам безумие [“для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие” (1 Кор. 1:23)]» [Франк, 2020, с. 507]; «слишком “человеческих” забот о “едином хлебе” [“не одним хлебом живет человек” (Втор. 8:3)]» [там же, с. 213]; «Новое вино нельзя вливать в старые мехи [“Не вливают также вина молодого в мехи ветхие” (Мф. 9:17)]» [там же, с. 175]; «Слово стало плотью [Ин. 1:14]» [там же, с. 445]; «Смерть, где жало твое [“Смерть! где твое жало?” (1 Кор. 15:55)]» [там же, с. 79] и др.

В приложении, озаглавленном «К истории онтологического доказательства», к диссертации «Предмет знания» (1915) Франк не избегнул разговора о приводимой Августином ветхозаветной формуле бытия Бога как абсолютно-сущего: «Я есмь сущий» [Франк, 1995, с. 381]. И то, как он комментирует это «изречение» в сноске, показывает его чисто философское отношение к Библии, еще не как к Откровению: «Подлинный смысл этого изречения, впрочем, спорен. Вл. Соловьев толкует его как “Я есмь Я”, т.е. как утверждение личного характера Божества (“Чтение о Богочеловечестве”, Сочин., III, стр. 65)» [там же]. Православное богословие оперирует понятием «Божественное Откровение», по которому «Бог есмь Сущий». Так назвал Сам Бог Себя Моисею (Исх. 3:14). Его можно познавать, Он открывается нам. Бог есть полнота и единство всех качеств, включая и личностное.

Начиная со статьи «De profundis» (1918), а особенно с книги «Крушение кумиров» (1923), постепенно формируется франковская библейская концептос-

² Здесь и далее во всех цитатах в квадратные скобки заключен поясняющий текст автора статьи. — *Примеч. ред.*

фера, происходит окончательный переход к *духовному* дискурсу. Философ всё больше обращается к библейским переводам — греческому, славянскому, латинскому, немецкому. В рамках берлинского отделения Русского студенческого христианского движения (РСХД) он ведет кружок, на котором изучается Новый Завет³. Картина мира Франка теперь непредставима без богодухновенных текстов, Слова Божия, а его философия — без библейской лексики, *экзегетики Откровения*. Как считает Филипп Буббайер, именно в Саратове Франк под грузом невыносимых внешних обстоятельств своей жизни и семьи всем сердцем отдается молитве⁴. И поэтому не случайно строка 129-го псалма «Из глубины возвах к Тебе, Господи!» (“De profundis clamavi ad te, Domine!”) поставлена эпиграфом к «сборнику статей о русской революции» «Из глубины» (назван П. Б. Струве по заглавию статьи Франка), подводящему итог целому периоду русской истории. Отныне только сквозь призму библейского текста, как говорят современные лингвисты, с учетом Библии как «прецедентного феномена» [Орлова, 2010], он относится к реальности вообще, а тем более говорит об этой реальности.

В письме к М. О. Гершензону от 12 декабря 1917 года Франк признается:

Мысль по привычке работает — многое хотелось бы сказать, но кому и для чего? Кроме того, все слова, на которые мы способны, кажутся ничтожными перед лицом пережитого. Не для того, чтобы помочь и спасти, — это уже поздно, — но чтобы осмыслить и оценить свершившееся, нужно иметь язык пророков. Мне кажется, что наши слабые интеллигентские души просто не приспособлены к восприятию мерзостей и ужасов в таком *библейском* масштабе, и могут только впасть в обморочное оцепенение.

[С. Л. Франк. Из писем М. О. Гершензону ... , 1994, с. 29]

Библейский масштаб произошедших событий осмыслялся им и в Саратове, и в Москве, а после высылки — в Берлине.

Мотив идолопоклонства появился в творчестве Франка с опорой на Священное Писание. Напомним, что один из эпиграфов к книге «Крушение кумиров» (1923) взят из Нового Завета: «Дети! Храните себя от идолов» (1 Ин. 5:21). Франк, оказавшись вне России, под тяжестью «духовной пустоты» искал «жи-

³ Сохранилась личная Библия философа, приобретенная в Германии, с заметками на полях и форзаце [Цыганков, Оболевич, 2019, с. 64].

⁴ В «Предсмертном» Франк относил начало «молитвы к личному Богу» [Франк, 1996, с. 53] к периоду детства, в юности после увлечения «Этикой» Спинозы он проявлял «интеллектуальную любовь к Богу», находился «в созерцательном пантеизме, в мистическом чувстве божественности всеединства», что «отвечало глубочайшему существу» [там же] его личности.

вого Бога». Он пересмотрел свои мировоззренческие иллюзии, отказался поклоняться кумирам революции, культуры, «идеи» и «нравственного идеализма». А главное, он осознал «невозможность прежней, благодушно-наивной веры» [Франк, 1990, с. 114] и стремился обрести веру истинную, прочное основание которой он нашел в Евангелии.

В «Крушении кумиров» новозаветный текст стал для него выражением истинной Живой Истины:

Людям было открыто именно то самое, чего мы теперь так мучительно и как будто безнадежно ищем. Мы устали от всех рассуждений и идей, изверились в них и духовно обнищали. А Христос сказал: «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» [Мф. 5:3]. Мы ищем не морального суда, а просто спасения от духовной гибели. А Он сказал: «Я пришел не судить, а спасти мир» [Ин. 12:47].

[Там же, с. 168]

Франк на насущные духовные вопросы времени продолжает отвечать словами Спасителя. О любви к Отцу Небесному, пути в жизни, ее силе и пустоте, о служении, которое приносит радость и покой:

А Он сказал: «Я есмь *путь, истина и жизнь*» [Ин. 14:6] — и в этих трех словах выразил, дал нам то невыразимое, подлинное, последнее, к чему мы стремимся. Мы устали, утомились и тяжестью, и пустотою жизни, и Он отвечает нам: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» [Мф. 11:28]. Мы ищем служения, которое не убивало бы нам душу, а давало бы нам радость и покой, и Он дает нам «иго благое и легкое бремя» [Мф. 11:30].

[Там же]

Эти слова Господа Иисуса Христа были хорошо знакомы русским беженцам с детства, другое дело — сохранили ли они их в своей душе?

С особым чувством, сравнивая с «голосом друга», Франк говорит о проповеди Спасителя и принимает ее всем сердцем, не допуская «духовно слепые философские рассуждения о религии, или исторические догадки об “истинной” личности Христа, или о происхождении веры в Него» [там же, с. 169], что свойственно библейской критике.

Напоминанием о Божественных заповедях на двух скрижалях — любви к Богу и любви к людям — Франк возвращается к пережитым мыслям из своего

ялтинско-бердянского «Дневника» 1902 года и первой философской работы о Ницше, но дух немецкого мыслителя уже не волнует его. Автор «Крушения кумиров» совмещает две заповеди в одну — «стремление к совершенству, уподобление, в меру возможности, нашему Отцу Небесному как Совершенному источнику любви и жизни» [там же, с. 174]. Именно Отец Небесный наставляет нас на путь спасения.

Рассуждая о «человечной морали любви и спасения», Франк приходит к евангельскому выводу, что «нельзя спасти своей души, не потеряв ее, и что нельзя обрести царство небесное иначе, чем несением своего креста. Ибо *широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* [Мф. 7:13–14]» [там же, с. 176]. Франк приводит суть изречения Христа о вратах и пути к жизни. Пути к праведности, к вратам в Царство Небесное. «Врата» — это заповедь любви или «золотое правило». То, что «тесны врата», напоминает об опасности преследований, угнетения.

Следующая книга Франка, «Смысл жизни» (1926), также концептуально восходит к Библии. Автор писал о *жизни истинной*: «Та, на Синайских высотах поставленная Богом, через древний Израиль, всем людям и навеки задача: “Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие: избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое”, — эта задача научиться отличить истинную жизнь от жизни, которая есть смерть...» [Франк, 1992, с. 154].

Вопрос о смысле жизни русская интеллигенция долгое время сводила к вопросу «Что делать?», понимая его утилитарно, позитивно, в рамках общественно-культурных задач. Франк, последовательно приводя несколько выдержек из Нового Завета, доказывает «суетность человеческих дел», что этот вопрос сводится к религиозному «делу» внутреннего перерождения человека через самоотречение, покаяние и веру» [там же, с. 162–163]. Это вытекает из слов Петра в «Деяниях апостолов»: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дары Святого Духа» (Деян. 2:37–38). И опять возникают в творчестве Франка «великие заповеди» — любви к Богу и любви к ближнему — «единственное “дело”, спасающее жизнь» [там же, с. 162].

В главе «Бессмысленность жизни» автор в качестве живой мудрости древних много цитирует Екклесиаста — «Суета сует...» и т. д. Обретение смысла жизни, по Франку, происходит тогда, когда человек устремляет свой взор на *духовное бытие*. «В Евангелии сказано: “Ищите, и обрящете; толцйте, и отверзется вам” [Мф. 7:7] <...> смысл и правда этих слов — в том, что в духовном бытии всякое искание уже есть частичное обладание, всякий толчок в закрытую дверь есть тем самым ее раскрытие» [там же, с. 184]. Вечное начало человек

находит в истинно-Сущем, в «сверхмирном и объемлющем мир Свете» [там же, с. 189], о котором сказано в прологе Евангелия от Иоанна.

Следующий важнейший библейский концепт в книге «Смысл жизни» — *любовь*. Франк называет ее символом «последней тайны бытия» [там же, с. 191]. Он видит существо религиозной веры в словах апостола Иоанна: «Любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога <и знает Бога>. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:7–8); «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16); «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви» (1 Ин. 4:18). Любовь преодолевает и преображает страх, становясь благоговением.

Служение Богу не обесценивает жизнь, сберегает душу. Человек обретает ее: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить...» (Лк. 9:24–25). Франк к этой цитате прибавляет «единственную всеобъемлющую заповедь нашей жизни» [там же, с. 193]: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

В борьбе света и тьмы, смысла жизни и ее бессмыслия, смерти в Новом Завете утверждается *победа Бога* над злом: «Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:22–23). Франк соотносит разные уровни возможного удостоверения торжества Бога: эмпирический, чувственный, логический. Но только вера превосходит их, приводит человека к *духовному видению*: «Иисус говорит ему [Фоме]: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29).

Книга «Смысл жизни» завершается главой «О духовном и мирском делании» и в целом христосоцентричным финалом о *Богочеловеке Христе*. Ключевыми для Франка становятся Слова Спасителя, произнесенные в Капернауме: «Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6:28–29).

Труд Франка по социальной философии «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1930) включает тему отношения между иудейским Законом и верой в Господа Иисуса Христа. Сама по себе духовная основа любого общества зиждется на требовании соблюдения этических принципов древнего Закона. Человек, по Франку, чтобы укрепить свою жизнь, должен подчиняться требованиям истины, закона, высшей правды, религиозному убеждению человечества: «с грандиозной силой оно было выражено уже в

Ветхом Завете, в мотивировке закона, данного Богом Израилю через Моисея... [Втор. 30:11–19]» [там же, с. 34]. Современная же наука об обществе, как считает философ, не принимает во внимание вечную онтологическую необходимость, следование ей.

Вместе с тем Франк ссылается на слова Спасителя: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон... не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все [Мф. 5:17–18]» [там же]. Это один из самых трудных для толкования отрывков Евангелия, и философ сразу специально не комментирует эти строки, приводя их как дополнительный пример следования древнему Закону в обществе. Но апостол Павел говорил, что «конец Закона — Христос» (Рим. 10:4). Христианство возвестило миру отказ от Ветхого Завета и заключение Нового Завета между Богом и народом, признание христианского Откровения, свободу и любовь ко всему человечеству, состоящему из многих народностей. Христос говорит в Нагорной проповеди, что Его послал Бог, то есть Он сам, Его появление, и есть «исполнение спасительной Божьей воли» [Ивлиев, 2021, Евангелие от Матфея ... , с. 179], осуществление пророчеств, и не по букве Закона. «Иота» и «черта» обозначают незначительные заповеди Моисея. Христос некоторые из них не соблюдал, озлобляя против Себя книжников и фарисеев. В славянском переводе последние слова, в отличие от Синодального текста, имеют другой смысл: «дондеже вся будут» («пока всё не произойдет»). В контексте отрывка следует, что Закон Моисея относится к этому миру, грешному, и он «прейdet», прекратится.

Таким образом, экзегетический смысл приведенной цитаты из Нагорной проповеди в книге «Духовные основы общества» не противоречит следованию этическим принципам Закона в земной жизни христианина и общества: «Но как учил сам Христос, это открытая и возвещенная Им, явленная Им в Его собственном существе сущностная нравственная жизнь, превосходя и преодолевающая закон, не отменяет его, а только его восполняет» [Франк, 1992, с. 84].

В фундаментальном философском труде Франка «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» (рус.: Париж, 1939) функция библейских цитат типологическая, они разобраны по ключевым категориям, концептам его религиозной философии: непостижимое, всеединство, реальность, трансцендирование, истина, Откровение Бога, общее и конкретное Открове-

ние, любовь, бытие-с-Богом, Троичность, страдание, Логос, свет и тьма⁵. Это не случайное «публицистическое», иллюстративное цитирование, оно глубоко продумано в связи с общим замыслом книги в целом и отдельных ее разделов. Священное Писание на страницах «Непостижимого» упоминается более 23 раз.

Восприятие *непостижимости реальности* соотносится со словами ветхозаветного пророка о Боге: «Безусловно непостижимое существо реальности как истинного всеединства открывается — как Бог, по слову Исаии, — тем, кто ее не ищут и о ней вопрошают...» [Франк, 1990, с. 287]. Пророк Исаия говорит: «И сказал Он: пойд и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо грубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6:9–10). Излюбленная мысль поздних размышлений Франка о той реальности, которая *сама себя открывает* и есть *сам Бог*, — это и есть подлинное Откровение⁶.

Говоря о понимании *бытия как всеединства*, Франк напоминает о мистическом учении апостола Павла о Церкви как живом теле, «внутренне принадлежащие члены которого — отдельные люди — образуют нераздельное единство, объемлющее и пронизывающее всю духовную жизнь» [там же, с. 380].

Сам процесс *трансцендирования* связывается Франком с началом жизни: «Здесь в самом общем смысле имеет силу слово, что лишь тот сохранит свою “душу”, кто отдаст или потеряет ее ради чего-то иного [см.: (Мф. 10:39)]» [там же, с. 343]. Имеется в виду «душа» в ее библейском смысле: земная, временная жизнь и жизнь вечная. Выходя за пределы земной реальности, мы обретаем жизнь с Богом.

Центральная библейская тема в «Непостижимом» — *непостижимость Бога*, восходящая к традиции «отрицательного богословия». Сразу несколько цитаций из Священного Писания находим в тексте Франка о тех, кто способен и кому не дано видеть Бога: «Бога никто никогда не видел» (Ин. 1:18); «Ре-

⁵ В недавно опубликованных рабочих записях Франка «[Размышления. Первая философия]» (1928–1933) к книге «Непостижимое» предварительно рассмотрены многие религиозно-философские категории, имеющие в том числе и библейский смысл: Троица, Бог и мир, Творец и творение, грехопадение, свобода и др. Например: «Библейская вера называет Бога — Творцом, а мир — Творением. Логический смысл этого утверждения — в том, что хотя Бог есть причина или источник мира, мир по своей сущности *toto genere* отличен от Бога, имеет иную сущность» [С. Л. Франк [Размышления. Первая философия], 2017, с. 60].

⁶ Ср.: «Откровение — одно из тех понятий или слов, живой смысл которых стирается от долгого употребления в богословском языке — есть такое познание, в котором реальность *открывается* нам в той форме, что *сама себя открывает*, обращаясь к нам, духовно внедряясь в нас и действуя на нас» [Франк, 1949, с. 128].

альность Божества скрыта от “разумных и мудрых” и открыта “младенцам” [Мф. 11:25]»; «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» (Мф. 5:8); «мы видим Бога “зерцалом в гадании” [1 Кор. 13:12]» [там же, с. 454, 459, 465]⁷.

Но всё же важнее у Франка то, что связано с *Откровением Бога*:

Если оно и состоит в том, что Бог «говорит» с нами, дает нам «понять» себя и свою волю, то это «слово Божие» не должно быть просто отождествляемо с обычным человеческим словом — даже и с тем словом, в котором боговдохновенный человек фиксирует и выражает — напр., в священном Писании — слово Божие. Если ветхозаветный пророк передает народу то, что ему говорит сам Бог, то он же слышит голос Божий, говорящий ему: «Мои мысли суть не ваши мысли, но как небо отличается от земли, так Мои мысли отличаются от ваших» [Ис. 55:8–9].

[Там же, с. 477]

Перед нами вольный перевод на русский язык поэтических строк, которые говорит Господь в Книге пророка Исаии, предостерегая человеческий разум от излишней гордыни. Вместе с тем человек произносит свои слова как несовершенные отражения Слова Божия.

Франк знаком с богословским учением об *общем* и *конкретном* (особом) Откровении: «И конкретное откровение Бога, Его “слово” выражается — с точки зрения человека — в “неизреченных словах” (ἄρρητα ῥήματα), “которых человеку нельзя *пересказать*” [2 Кор. 12:4]» [там же, с. 478]. Здесь имеется в виду непосредственное самораскрытие Бога, не зависящее от познавательной деятельности человека. Самораскрытие через Закон, пророков и через воплотившегося Сына Божьего, Его Слова, и Духа Святого.

Тайна слова, по Франку, и есть тайна самого *непостижимого*. Ветхозаветный смысл этой тайны — в Божьем Слове, записанном Моисеем и пророками. Они были движимы Духом Святым. Величайшее Евангельское Откровение — вочеловечение Слова, Господа нашего Иисуса Христа. Франк, строго придерживаясь философской концепции непостижимого, говорит о Святом Духе как о понятии, связывающем конкретное и общее Откровение: «Напротив, в самом конкретном откровении Христа эта неисчерпанность и неисчерпаемость откровения недвусмысленно выражена в понятии Святого Духа, в указании на “дух истины”, которого “не мерою дает Бог”, который “веет, где хочет” и “на-

⁷ Франк меняет порядок слов в первых трех цитатах, пользуясь собственным переводом отдельных мест из славянской Библии. В Синодальном переводе слова апостола Павла «зерцалом в гадании» заменены на «тусклое стекло».

ставит на всякую истину» [Ин. 16:13]» [там же, с. 479–480]. Более того, единство общего и конкретного Откровения философ видит в *гнозисе*, в котором «философия и религия спаиваются между собою» [там же, с. 480], давая возможность естественным путем мистически постигать тайну Бога и познавать ее в Священном Писании и Священном Предании, наслаждаться этим познанием. Прельщенность гнозисом уводит философа от ортодоксального христианства.

Однако Франк понимает бытие-с-Богом двояко. Вслед за апостолом Павлом он видит его существо «в чистой “вере”, а не в “делах” или “законе»» (Рим. 3:28; Гал. 2:16), но в то же время склоняется и к апостолу Иакову, который предупредил, что «вера без дел мертва» (Иак. 2:20): «потаенное внутреннее состояние всё же “узнается” по его “плодам” [Мф. 7:16]» [там же, с. 505]. Истинная религиозная жизнь не может ограничиться одним лишь постижением тайны Слова.

В конце книги «Непостижимое» возникает тема *страдания*, очень близкая Франку как религиозному мыслителю: «вне страдания нет совершенства, нет полного, завершенного, незыблемо-прочно утвержденного блаженства. “Блаженны плачущие, ибо они утешатся” [Мф. 5:4], “тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь” [Мф. 7:14] и “многими скорбями надлежит нам войти в царство Божие” [Деян. 14:22]» [там же, с. 551]. Философ именно такое евангельское отношение к страданию считал органически присущим русскому духовному типу, мировосприятию.

Замысел новой книги «Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии» (1941–1945) был оглашен еще в «Непостижимом»: «Свет остается окруженным тьмой, упорствующей в своем темном бытии и не приемлющей в себя его лучей, не исчезающей перед ним» [там же, с. 555]. Пролог Евангелия от Иоанна станет для Франка предметом дальнейших «религиозных размышлений» в рамках экзегетики Откровения Христа.

Список источников

Ивлиев Ианнуарий. Евангелие от Луки. Богословско-экзегетический комментарий. М.: Изд-во ББИ, 2021. XVIII, 568 с.

Ивлиев Ианнуарий. Евангелие от Матфея. Богословско-экзегетический комментарий. М.: Изд-во ББИ, 2021. Т. 1: Мф 1:1 — 12:50. XII, 465 с.

Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 50 с.

С. Л. Франк. [Размышления. Первая философия] / публ. и коммент. Г. Аляева и Т. Резвых. Пер. с нем. Т. Резвых // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы / под ред. М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 39–134.

С. Л. Франк. Из писем М. О. Гершензону (1912–1919) / публ. М. А. Колерова // *De visu*. 1994. № 3/4. С. 23–33.

С. Л. Франк. Саратовский текст / сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. 288 с.

Франк С. Л. Духовные основы общества / сост. и автор вступ. ст. П. В. Алексеев. М.: Республика, 1992. 511 с.

Франк С. Л. Полн. собр. соч. / под ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. Т. 2: 1903–1907. 768 с.

Франк С. Л. Полн. собр. соч. / под ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. Т. 3: 1908–1910. 848 с.

Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека / отв. ред. И. И. Евлампиев. СПб.: Наука, 1995. 656 с.

Франк С. Л. Русское мировоззрение / сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. СПб.: Наука, 1996. 744 с.

Франк С. Л. Сочинения / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова. М.: Правда, 1990. 608 с.

Франк С. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMCA-PRESS, 1949. 404 с.

Цыганков А., Оболевич Т. Немецкий период философской биографии С. Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019. 272 с.

References

‘S.L. Frank. [Razmyshleniya. Pervaya filosofiya]’ [‘S.L. Frank [Reflections. First philosophy]’] (2017) Publ. and comments by G. Alyaev and T. Rezvykh. Transl. from the German by T. Rezvykh. In *Issledovaniya po istorii russkoi mysli [13]: Ezhegodnik za 2016–2017 gody [Studies in the history of Russian thought [13]: Yearbook for 2016–2017]*. Ed. by M.A. Kolerov. Moscow: Modest Kolerov, pp. 39–134.

‘S.L. Frank. Iz pisem M.O. Gershenzonu (1912–1919)’ [‘S.L. Frank. From the letters to M.O. Gershenzon (1912–1919)’] (1994) Publ. by M.A. Kolerov, *De visu*, 3/4, pp. 23–33.

Frank, S. (1949) *Svet vo t'me. Opyt khristianskoy etiki i sotsial'noy filosofii [Light in the darkness. Experience of Christian ethics and social philosophy]*. Paris: YMCA-PRESS.

Frank, S.L. (1990) *Sochineniya [Compositions]*. Introd. article, comp., preparation text and notes by Yu.P. Senokosov. Moscow: Pravda.

Frank, S.L. (1992) *Dukhovnyye osnovy obshchestva [Spiritual Foundations of Society]*. Comp. and the author of the introd. article P.V. Alekseev. Moscow: Respublika.

Frank, S.L. (1995) *Predmet znaniya. Dusha cheloveka [The Subject of Knowledge. The Soul of Man]*. Ed. by I.I. Evlampiev. St. Petersburg: Nauka.

Frank, S.L. (1996) *Russkoe mirovozzrenie [Russian Worldview]*. Compiled and edited by A.A. Yermichev. St. Petersburg: Nauka.

Frank, S.L. (2019) *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 2: 1903–1907 [Complete Works. Vol. 2: 1903–1907]*. Alyaev, G.E., Antonov, K.M., Rezvykh, T.N. (eds). Moscow: Publ. House of PSTGU.

Frank, S.L. (2020) *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 3: 1908–1910 [Complete Works. Vol. 3: 1908–1910]*. Alyaev, G.E., Antonov, K.M., Rezvykh, T.N. (eds). Moscow: Publ. House of PSTGU.

Gaponenkov, A.A. and Nikitina, E.P. (eds) (2006) *S.L. Frank. Saratovskii tekst [S.L. Frank. Saratov text]*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.

Ivliev, Iannuary (2021) *Yevangeliye ot Luki. Bogoslovsko-ekzegeticheskiy kommentariy [Gospel of Luke. Theological and exegetical commentary]*. Moscow: BBI Publ.

Ivliev, Iannuary (2021) *Yevangeliye ot Matfeya. Bogoslovsko-ekzegeticheskiy kommentariy. Tom 1: Mt 1:1 — 12:50 [Gospel of Matthew. Theological and exegetical commentary. Vol. 1: Mt 1:1 — 12:50]*. Moscow: BBI Publ.

Orlova, N.M. (2010) *Bibleyskiy tekst kak pretsedentnyy fenomen [Biblical text as a precedent phenomenon]*. Author. diss. ... Dr. Philol. Sciences. Saratov.

Tsygankov, A., Obolevich, T. (2019) *Nemetskiy period filosofskoy biografii S.L. Franka (novyye materialy) [The German Period of Philosophical Biography of S.L. Frank (New Materials)]*. Moscow: IPh RAN.

Информация об авторе: А. А. Гапоненков — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Адрес: Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Information about the author: A. A. Gaponenkov — DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Saratov State University named after N. G. Chernysheskij. Address: 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022;
одобрена после рецензирования 05.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 18.08.2022;
approved after reviewing 05.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 159–184.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 159–184.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-159-184

СИГИЗМУНД КРЖИЖАНОВСКИЙ: ЭТИКА И ПОЭТИКА

Ольга Геннадьевна Самойлова

Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия, olgasamoylov@mail.ru

 Аннотация. Глубокие культурные перемены всегда связаны с поиском нового языка. Такой поиск может быть направлен не только в будущее, но и в прошлое. И пустая, неплодотворная ретроспекция не менее опасна, как и пустая интуиция. Упуская вчерашнего гения, мы рискуем оказаться глухими к языку гения, быть может, рождающегося сегодня. Сигизмунд Доминикович Кржижановский — советский по времени и глубоко не советский по духу и стилю философ, писатель, теоретик искусства и поэт — такой гений, язык которого еще ждет своего легиона филологов, литературоведов и историков философии. Статья посвящена рассмотрению творчества Кржижановского как творчества в первую очередь поэтического. Или философско-поэтического. Авторское слово — поэтический и этический акт, возможно, единственная форма бытия мыслителя — рассматривается в качестве варианта своего рода

© Самойлова О. Г., 2022

мифотворчества, актуального как для, увы, немногих современников писателя, так и для растущего числа современников начала XXI века.

Ключевые слова: поэтика, метафизика, пространство, время

Ссылка для цитирования: Самойлова О. Г. Сигизмунд Кржижановский: этика и поэтика // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 159–184. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-159-184>.

Literature. Philosophy. Religion

SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY: ETHICS AND POETICS

Olga G. Samoylova

Moscow Institute of Physics and Technology
(National Research University),
Moscow, Russia, olgasamoylov@mail.ru

Abstract. A new language is what deep changes in culture are looking for both in the future and in the past, where fruitless, barren retrospect is not less dangerous than barren intuition. Missing a yesterday's genius we risk to turn a deaf ear to the genius being born today. Sigizmund Dominikovitch Krzgzidanovsky was a soviet time philosopher, writer, poet and art theorist but not soviet in spirit or style. His language still waits in the wings for thousands of philologists, literary critics and historians of philosophy to come and study his heritage. The article sees Krzgzizganovsky's creativity as poetic, primary, or philosophic-poetic. The author's word as a poetic and ethic act, as the only possible viable form of existence of the thinker, is considered as a kind of myth-making, relevant both for a small number of the writer's contemporaries and a growing number of modern readers of the beginning of the 21st century.

Keywords: poetics, metaphysics, space, time

For citation: Samoylova, O.G. (2022) 'Sigizmund Krzhizhanovsky: Ethics and Poetics', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 159–184. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-159-184.

Поэтика это этика, в которой деяние подменено словом.
Философема о театре

Выбор Иммануила Канта между физикой и метафизикой, будучи делом великого мастера, оказался не только делом личным. В большей части он предрешил выбор философов на столетие вперед. Правда, европейские философы перерешили его в пользу соблазна физикой. Важно при этом, что выбор Канта между звездным небом как вещью и звездным небом как вещью в себе совершался в области чистого разума и в этом смысле был не столько выбором личным, сколько важной дистинкцией общих рациональных способностей и перспектив. Выбор Сигизмунда Доминиковича Кржижановского (1887–1950) между литературой и философией, во-первых, оказался более внутренней проблемой, а во-вторых, не оказал такого влияния на культуру. Тем более что самые разные опыты успешной художественной и умозрительной практики сочетания философского и литературного подходов к тому времени уже состоялись. И западноевропейское, и российское культурное сообщество создавались в Новое время и литераторствующими философами, от Вольтера до Ницше, и философствующими литераторами, от Достоевского до Экзюпери.

Выбор между философским и литературным творчеством — это, по сути, выбор между разумом и чувством как способами постижения мира и выражения в нем себя — действие гораздо более трудное и интимное, чем выбор между философским и научным концептом. Немецкая классическая философия, очарованная искусством и завершавшая философией искусства свои трансцендентальные системы (Шеллинг), часто смотрела на само художественное творчество как на недостижимое прекрасное, а на художников — как на своего рода небожителей. В свою очередь, писатель всегда выразит через художественный образ неизмеримо больше, чем с помощью умозрительных построений (Толстой). Кроме того, художественный метод, предложенный философом (шпенглеровский метод вчувствования в историю), при всех обоснованиях может оказаться почти невостребованным, а эстетическая ценность художественного произведения, написанного философом («Милый друг, иль ты не чувствуешь...» Вл. Соловьева), хоть и признанная современниками, может оказаться сомнительной.

Немецким классикам философии (и Шеллингу, в частности) была близка формула Леонардо: в искусстве не только мысль рождается чувством, но и чувство мыслью. В свою очередь, Кржижановский откликается на нее не только исследованиями в области философии искусства — записные книжки, высту-

пления в Государственной академии художественных наук, — но и собственным художественно-философским стилем.

Тем не менее европейская культура, если рассматривать ее как целостное явление, в поиске нового языка, который мог бы выразить и объяснить разрушающийся привычный мир, стала опытом смещения философии и художественного творчества. И в этом отношении фигура Сигизмунда Кржижановского почти уникальна. Выбор между философским и художественным словом был решен, как мне представляется, в пользу создания особой поэтики, в которой авторский философский, эмоциональный интерес к жизни выражен и реализован так, что художественное слово перестает быть только средством этого выражения. Слово у Кржижановского становится сложным, порой строптивым собеседником, своего рода партнером в игре, выговаривающим свои и чужие смыслы, а читатель — приглашенным свидетелем этой эстетической партии, эмоционально реагирующим не столько на событие, происходящее с литературным героем, сколько на со-бытие как собственное соприсутствие фантастическому акту, в котором живая, одушевленная мысль радуется и плачет, выговаривая себя.

Не случайно философы и по сей день считают Кржижановского больше художником, а литературоведы — больше философом. Видимо, это связано с тем, что в своем творческом опыте Кржижановский, как и его герой Штерер, утонченный путешественник в будущее («Воспоминание о будущем», 1929), забежал слишком далеко. Изумленный человек будущего из рассказа Штерера немного напоминает читателя, вглядывающегося в текст Кржижановского, — опыт, который не с чем соотнести.

Улица. Двое, идя вслед друг другу, шагают по булыжникам. Первый — видит себя меж двух рядов фонарных огней. Второй — находит себя мыслью идущим меж звезд. Оба правы. Мне неинтересно, куда идет первый, но знаю: второй, куда бы он ни шел, *идет в философию*.

В старых немецких университетских городах, как Кенигсберг или Иена, всегда может быть отыскана улица с традиционным названием: «Philosophen Weg». Ученые городки благоговейно хранят это название еще с тех времен, когда в них водился вымерший теперь метафизик: именно по этим улочкам совершали свои обычные прогулки мыслители.

[Кржижановский, 2001–2013, т. 4, с. 43]

Так начинается знаменитая работа Кржижановского «Философема о театре» (1923). Философский переулочек, беря начало на городской площади, выводил мыслителя прочь из города — в пейзаж.

Беря и наблюдая метафизика не с макушки, а с подошвы, мы даже и здесь видим, что философия, чтобы видеть вещи, поворачивается к ним не глазом, а спиной; постигая *нечто*, не близится к нему, а уходит от него, с тем, чтобы найти его затерянным в *всё*.

[Там же]

Здесь автор употребляет слова «философ» и «метафизик» как синонимы. Однако имеется интересная деталь. Важно, как поставить запятую. «Находит себя, мыслью идущим меж звезд» — метафизик. «Находит себя мыслью, идущим меж звезд» — поэт. Этот маленький «расщеп», говоря языком Кржижановского, со временем будет расширяться. Пока очевидно, что мыслитель — тот, кто движется от вещи, являясь, однако, фигурой умозрительной, потому что как культурно-историческая реалья он не существует больше меж нас, живых. Перефразируя Ницше, можно сказать: мыслитель умер, и дорожка, мост между ним и *человеком, затерянным среди вещей, всё* больше не хожена.

Вопрос, однако, заключается в том, куда движется мыслитель, отталкиваясь от вещей. Метафора измерения пространства (как физического, так и умозрительного, от математических конструкций до художественных образов) с помощью подошв — одна из важнейших в творчестве Кржижановского. Причем метафор, наполненных, что называется, жизненным содержанием. Кржижановский — своего рода перипатетик, забежавший за границы философской рощи и уже не способный вернуться. Жить, мыслить и мерить физическое пространство шагами — для Кржижановского были процессами нераздельными. Об этом речь впереди, но скажем, что время как онтологическая категория было терпимо для писателя, наверно, в виде метронома шагов, выводящих его как мыслителя и живого, чувствующего человека из пространственной ограниченности (города, городского тупика, «квадратуры» комнаты, ящичка с запертой в нем рукописью, которой не суждено увидеть свет) в пространство бесконечное. Так загадка Москвы, ее «зацепистость», ее «Глядея» («Штемпель: Москва (13 писем в провинцию)», 1925) завораживала «провинциала» (как Кржижановский иронично себя называет) не только пространственной силой, побуждающей любопытствующего мыслителя к его мыслевышагиванию, или шагомыслию (если играть в игры Кржижановского), но и в большей степени ростом своих «леторослей», ритм которых создает иные, вовсе не пространственные эффекты. Это тени, которые не совпадают с отбрасываемыми их предметами и сущностями, включая и образ тени самого автора, раздвоенность, которую оказывается непросто преодолеть. Это и «юность» в глазах новой московской толпы, со своим особым, непонятным автору взглядом в бу-

дущее, который делает бывшее Москвы отжившим и тотально утратившим смысл и значение. Москва оказывается загадкой именно в ее темпоральном измерении. Кржижановский разгадывает загадку города, но не решает саму задачу.

Философ продолжает свой путь к звездам. В этом смысле любая вещь для него недостижима. Живя и вышагивая в пространстве вещей, он постоянно натывается не столько на герметичность вещи, сколько на пространственные зазоры между вещами — расщепы, щели, швы и пустоты. Персонаж Кржижановского — всегда узнаваемый под разными именами любопытствующий субъект, которому уже не нужно имя «философ» для того, чтобы им быть. Вектор, которым он захвачен, путь от вещи, делает героя уязвимым для потусторонности бытия. Так происходит с героями рассказов и повестей «Собиратель щелей» (1922), «Странствующее странно» (1924), «Швы» (1927–1928), «Воспоминание о будущем» (1929) и слишком многих других, чтобы составлять полный перечень. Однако этот собирательный персонаж — всегда человек в большей или меньшей степени героический. Выбирая в итоге жизнь или смерть, он даже в смерти остается на удивление живым и загадочным. Любая обратная сторона вещи в частности или пространства в целом не превращает эту вещь, или это пространство, или героя-путешественника в небытие. Так, всевозможные щели — от горных ущелий до щелей в черепной коробке в «Собирателе щелей» — послушно сползаются на проповедь и под благословение пожалевшего их старца затем так же смиренно распределяются на свои места, «вщеляясь» в них, чтобы «зиять» и дальше, кому где положено. И не так важно, что мир становится более щеляст, праведник ссорится с Богом, а рассказчик явно добровольно расстаётся с жизнью. Сам сюжет предстает великой загадкой бытия, а не его бесплотного оборота. Всё дело в том, что есть полноценный противовес ослабленной, покинутой вещи. Это — живое слово.

Слово в произведениях Кржижановского — всегда в некоторой степени самостоятельный собеседник. Видоизменяясь, раскладываясь на бесконечно возможные звучания и значения, слово привлекает и захватывает. Слово втягивает в свою звуковую и семиотическую игру гораздо крепче всяких возможных экзистенциальных дыр и онтологических прорех, среди которых балансирует персонаж. И если сам Кржижановский оказывается как бы обезличенным исследователем возможностей слова (за исключением, может быть, одной характерной черты, которую он готов показать, — любопытства), то и ему как мыслителю и творцу художественного текста не удается удерживать необходимую для душевного покоя дистанцию. Особенно неожиданно заметно это становится в поздних, неопубликованных и недописанных произведениях

Кржижановского. Автор, лишившийся аудитории, словно теряет доверие не к социальной реальности, фактически запретившей говорить, но и к слову и его способности быть услышанным. Философ, вовлеченный в творческую игру со словом, художественно манифестирующим себя, — это уже не совсем философ, это — поэт. В полной мере это касается в первую очередь самого Кржижановского.

Занятно, что в более раннем произведении, чем «Философема о театре», — рассказе «Катастрофа» (1919–1922) — Кржижановский словно обозначает наперед такой значимый для него разрыв между фигурами философа и метафизика. Путь метафизика выглядит так: «<...> мысль Мудреца только и делала, что переходила из вещи в вещь, выискивая и вынимая из них их с м ы с л ы. Все смыслы, друг другу ненужные и несродные, она стаскивала в одно место: мозг мудреца» [там же, т. 1, с. 123]. Если философ-поэт идет от вещи к слову, то метафизик — от вещи к связям между словами. Философ-метафизик, не имеющий как литературный персонаж даже имени — оно ему не нужно, — довольствуется одними лишь связями между вещами, а точнее, поскольку сами феномены ему не интересны, то между ничем и ничем, придающими видимость жизни разуму, запертому, однако, в черепной коробке.

Мысль с вещами, большими ли малыми ли, поступала так: разжав их плотно-примкнутые друг к другу поверхности и грани, мысль старалась проникнуть вглубь, до того *interieur*'а вещи, в котором и хранится в единственном экземпляре, с м ы с л в е щ и, ее суть. После этого грани и поверхности ставились, обыкновенно, на место: будто ничего и не случилось.

[Там же, с. 124]

Мысль Мудреца, вышагивая от звезд к вещам, не знает сострадания.

Тогда-то и разразилась к а т а с т р о ф а. Запуганные еще Платоном и Беркли, феномены, которые и так хорошо не знали, с у т ь л и о н и, и л и н е с у т ь, не стали, разумеется, дожидаться Разума, со всеми его орудиями пытливости: двойными крюкообразными §§-ми, зажимами точных дефиниций и самовязью парных антиномий.

[Там же, с. 125]

Вещи сбежали со своих мест так скоропостижно, словно метафизическая Федора («Федорино горе» было опубликовано в 1926 году) вознамерилась не запечатать их окончательно, а, наоборот, приложить трансцендентальную спо-

способность и полностью очистить. Добравшись до вопроса о бытии собственного «я», «я» философа перестало быть собственным и погибло. Отметим, что в неопубликованном рассказе «Тринадцатая категория рассудка» (1927), сюжетно не связанном вроде бы с темой «Катастрофы», однако отсылающем к кантовской философии, советская обезжизненная среда, в которой не только живому человеку дышать тяжело, но даже и умершему места нет, названа «запараграфленной».

Если метафизик и философ умерли, то метафизика и философия продолжают жить. Метафизика в своем первоначальном, очищенном от культурного обаяния виде, как то́, что идет после физики, как эзотерика и выхолощенная схема, для которой не существует больше ни индивидуальной вещи, ни человека — носителя живой души, превращается в смерть бытия в его индивидуальных, личностно-конкретных, художественно-образных проявлениях и в смерть слова как человеческого собеседника и со-бытия. Причем метафизика в качестве отвержения и ничтожения физики может принимать самые разные формы. Это и врач, относящийся к пациентам как к обезличенным случаям, который, следуя схеме, чуть не залечивает до смерти пациентку («Случай», 1934). Это и персонаж другой новеллы того же рассказа — Годяй, находчивый мужик, который зарабатывает на собственной крайней худобе, демонстрируя себя всем, кто не пожалеет денег на зрелище, и периодически теряющий заработок, разъедаясь на эти самые деньги, и которому так и не удастся обрести баланс в диалектической гармошке блуждания «меж мясом и костью» [там же, т. 3, с. 278], что и доканывает его плотски-бесплотную жизнь.

Философия продолжает жить, приобретая поэтическую форму. Вспомним, что опять-таки в своем первоначальном виде философия — любомудрие — это устремленность к Софии, премудрости божией, образ которой связан и в языческой, и в библейской традициях в первую очередь с полнотой бытия. В христианском прочтении (особенно это видно у Оригена) София приобретала индивидуальные черты как живая, одушевленная устроительница и художница мира. Интерес к Оригену Кржижановский проявлял, в частности, когда преподавал в Экстемасе у Таирова. Направленность мысли и чувства самого Кржижановского всегда была ориентирована на полноту бытия. Этот вектор четко просматривается в пространственном образе-символе окна и его микроплощени — образе глаза — своего рода портала, выводящего из ограниченности физического пространства стен и физиологического пространства черепной коробки в это самое средневековое *всё*.

Поэтика прозы Кржижановского — философская поэтика. Это поэтика не вещи, а слова. Писателю всегда свойственна некоторая собственная внутрен-

няя надломленность и, говоря его языком, расщепленность. Он как бы всегда существует в двух, не сводимых друг к другу, измерениях. Это пространство как онтологически и психологически комфортная среда, создающая, казалось бы, беспредельные возможности для физического и поэтического перемещения в поиске живой вещи и слова, ее воплощающего. Но это и крайне неудобная для Кржижановского темпоральная среда, которая сама по себе кажется надфизической и, будучи таковой, словно бы вытягивает из поэта метафизика. Для Кржижановского пространство и время — слишком очевидно (даже в прямом смысле слова) самостоятельные онтологически начала, чтобы их можно было опрометчиво свести лишь к формам чувственности, пусть и априорным. И кажется неслучайным сходство мысли Кржижановского с жесткой критикой Освальдом Шпенглером кантовской философии как именно ничего не смыслящей в проблеме времени. В этом отношении, если продолжить мысль Шпенглера, Кржижановский — типичный персонаж западноевропейской, фаустовской культуры, устремленной в бесконечность пространства и боящейся времени. Интересно, что Кржижановский в этом отношении, с одной стороны, близок творчеству Джонатана Свифта и Герберта Уэллса, герои которых худо-бедно справляются с временными потоками, оказываются в кантовском смысле возвышеннее их. С другой стороны, Кржижановский создает такой поэтико-философский язык, на котором, возможно, еще в некотором отдаленном будущем смогут заговорить наши молодые современники, пересматривая собственное отношение к пространству и времени, взятым в их гармоничном единстве.

Можно ставить на обложках рядом со словом «философия» в родительном падеже любое *ничто*: «права» — «любви» — «театра» и т. д. Но у философии есть лишь один ее объект: *всё как таковое*. И подлинная *философия театра* возможна лишь в том случае, когда *театр* и *всё* совпадают, то есть когда нет ничего в мире, что не было бы театром в той или иной его модификации.

[Там же, т. 4, с. 43–44]

То же можно сказать и о философской поэтике Кржижановского. По сути, это философия слова, поэтически выраженная. Иначе говоря, философия всего, взятая в его трагическом измерении.

Кант вынимает весь мир, от звезды до пылинки, из глаза: есть ли что вне субъекта, он не знает (герой Кржижановского знает, что есть, но сомневается в этом, предполагая, что есть еще и ничто, то есть как бы ничего нет. — О. С.).

Шекспир делает мир — пером, молотком и кистью — для глаза, для зрителя: отсмотрели — и всё. Скучная причинность Канта, числимая им в качестве восьмой категории рассудка, превращается под пером Шекспира в судьбу. Причинность возится с пылинками. Судьба берет себе звезды.

[Там же, с. 45]

Здесь нельзя не вспомнить знаменитый шпенглеровский метод вчувствования в историю, который единственный открывает исследователю индивидуальные культурные символы и прасимволы культуры в целом как воплощения человечности, поскольку культура выговаривает себя именно на языке судьбы, а не каузальности. Герой Кржижановского трагичен, так как, будучи скорее собирательным образом, такой воплощенной захваченностью загадкой бытия, он как бы должен в силу поэтического закона судьбы проживать индивидуальную историю. Однако лишенный таких индивидуальных черт, которые могли бы рождать в других героях и в читателе эмоциональный отклик, он как бы понимает, что его судьба является не столько игрой прекрасной случайности, сколько перформансом трагической необходимости. Кажется, что и сам автор не слишком рассчитывает на эмпатию со стороны как коллег по цеху, так и читателей.

Творчество Кржижановского практически лишено автобиографичности, либо автобиография так глубоко вплетена в сюжет, схематизирована и художественно переоформлена, что читателю становится просто неважно, имеет ли рассказанная история хоть какое-то личное отношение к автору. Заметим, что если Кржижановский почти совсем не использовал события собственной жизни как компоненты сюжетных линий, и даже если использовал, то не признавался в этом («Воспоминания о будущем»), то персонажи — *alter ego* — часто предоставляют возможность автору жить и проживать интересные истории на собственных страницах. Если в 1925 году *тень* вполне биографически узнаваемого писателя норовит выскочить и опередить свое «я», словно вытянутая крючком заманившего их обоих города («Штемпель: Москва»), то уже в «Возвращении Мюнхгаузена» (1927–1928) выскочивший (частое слово) из страниц книги барон играет в гораздо более сложную и рискованную игру между «я» и «не-я», совершая ходы с «с а м и м с о б о й» [там же, т. 2, с. 261]. Хочется привести большую цитату из «Возвращения Мюнхгаузена» — слова самого барона, произнесенные незадолго до его последнего хода.

Я жил в безграничном царстве фантазий, и споры философов, вырывающих друг у друга из рук истину, казались мне похожими на драку нищих из-

за брошенного им медного гроша. Несчастные и не могли иначе: если каждая вещь равна себе самой, если прошлое не может быть сделано другим, если каждый объект имеет один объективный смысл и мышление впряжено в познание, то нет никакого выхода, кроме как в истину <...>. Они закрывали двери, притискивая их к порогам сознаний, — я распахивал их створами в ничто, которое и есть всё; я вышел из борьбы за существование, которая имеет смысл лишь в темном и скудном мире, где не хватает бытия на всех, чтобы войти в борьбу за несуществование: я создал недосозданные миры, зажигал и тушил солнца, разрывал старые орбиты и вчерчивал в вселенную новые пути; я не открывал новых стран, о нет, я и з о б р е т а л их; в сложной игре фантазмами против фактов, которая ведется на шахматнице, расквადратенной линиями меридианов и долгот, я особенно любил тот означенный у шахматистов двоеточием миг, когда, дождавшись своего хода, снимаешь фантазмом факт, становясь не-существующим на место существующего. И всегда и неизменно фантазмы выигрывали — всегда и неизменно, пока я не наткнулся на страну, о которой н е л ь з я с о л г а т ь. Да-да, на равнинный квадрат меж черных и белых вод, заселенный такой неисчислимостью смыслов, примиривший в себе столько непримиримостей, разомкнувшийся в такие дали, которых не передлиннить никаким д а л е е, выдвинувший такие факты, что фантазмам остается лишь — вспять. Да, Страна, о которой нельзя солгать!

[Там же, с. 252–253]

Кржижановский, как и многие поэты, любил наговаривать и читать вслух свои тексты. И совершенно естественным представляется то, что приведенный выше фрагмент именно не написан, а сказан. Мюнхгаузен забегает во времени слишком далеко. Кржижановский, решая вопрос о времени, опережает его словом.

Творчество Кржижановского интересно тем, что автор крайне редко объясняет свою позицию и методологию. Он, как истинный поэт, — «уже всё сказал». Тем ценнее редкие дефиниции — прямые свидетельства авторской позиции. Неудивительно, что Кржижановский высказывает свое видение поэтики опять-таки в «Философеме о театре»: театр — та же поэзия, точнее, смотря театр философским глазом, мы обязательно просозерцаем, проживем не только вещь и слово, показанные на театре, но и их поэтическое естество. «По определению Потевни, варьированному его школой, поэзия — это *сгущенная мысль*; точнее — сгущенная речь. Формальный метод поэтики (Шкловский, Жирмунский и др.) меняют в старом определении лишь слова: “Поэзия — затрудненная форма”» [там же, т. 4, с. 77].

Поэт, говорящий как бы квалифицированной речью, берет слова из просторечия, с его аметризмом, безритмием, смысловыми и звуковыми пустотами, — в зажимы метра и звукоотбора: здесь речь безщельна, слово вплотную к слову, смыслы сомкнуты, ритмический разброд вогнан в метр и точную ритмику. Поэтика, лаконизируя ритм и звук, сcejивая с них речевую муть, отбрасывает слова-шпации. Обычноречие больно элефантизмом: его наросты — не здоровый рост; лишь сняв их, обнажишь подлинный малословный и четкий сказ. Слова быта бесцентры. Поэтика стягивает их в речевые концентры. Закон стягивания в концентры и в словах, и за словами — всюду, где искусство.

[Там же]

Поэт — компетентное лицо, мастер и режиссер, способный показать читателю такое сгущение. Поэт-философ создает избыточное сгущение языка, чтобы оно заговорило не только образами, но и отгадками и ключами к загадкам бытия.

Поэтика направлена на *говорящего* человека; этика на *действующего*; но и та и другая делают единое дело: концентрируют свой материал, будь он из слов, или из поступков, из склада речи, или из уклада жизней, — всё равно. Этика густит действие в деяние, поступки — в подвиг.

[Там же, с. 78]

Поэтика это этика, в которой деяние подменено словом; этика же — поэтика, обменявшая слово на поступок и требующее от поступков того же, что она привыкла требовать от слов: наибольшей стянутости их в концентры.

[Там же]

Но если бы оказалось возможным повернуть одну из параллелей для скрещения ее с другой, направив, например, поэтику на этику, то концентр этики, сгущенный поступок, попав как сырой матерьял в зажимы поэтики, подвергся бы вторичной концентрации, придавшей ему плотность высшей степени. Самое действенное действие в жизни — это этическое деяние: в нем максимум собранности и напряженности, на какую способна жизнь. И все же этого мало для сцены: на сцене действуют не только поступки, но и слова, которые, благодаря сценической технике, превращаются в поступки: сцена не говорит слова, а действует ими, бьет.

[Там же]

То же можно сказать и об искусстве в целом, однако со своими принципиальными особенностями. Живопись, например, не бьет, а втягивает в пространственно-временную игру, принуждая зрителя как бы проскальзывать сквозь паузы в бесконечность. Поэзия вовлекает читателя в речь, заставляет выговаривать слова в том регистре сгущения, в котором она звучит. Философская поэтика прозы Кржижановского переполняет избыточностью, цепляя читателя почти так же, как сам автор в свою очередь зацеплен загадкой бытия, которая, однако, не молчит, но вербально выговаривает себя.

Сгущение речи в поэтике Кржижановского — это сгущение избыточное. Автор создает текст, как бы переформатированный, на первый взгляд кажущийся неестественным, потому что на таком языке почти невозможно говорить. Однако художественно-философские задачи, которые он решает, требуют от слова скорее гиперестественности, параметрам которой оно успешно соответствует. Особую, проявляющую естество текста речевую консистенцию создают своеобразно расставляемые знаки препинания — авторские тире, точки с запятой и двоеточия, по несколько раз расставленные в одном предложении точки с запятой, то появляющиеся, то исчезающие там, где их ждет грамматически воспитанный глаз. Знаки препинания как художественные персонажи у Кржижановского частенько сбегают со своих мест, не всегда возвращаясь обратно в порядке, предусмотренном правилами. Кажется, что автор, как своего рода режиссер, собирает их и расставляет в соответствии с художественным замыслом так, что строптивые единомышленники и созидатели авторского текста слегка теснят слова, образуя неожиданные плотности и пустоты там, где слово призвано открыть больше значений и смыслов, чем предполагает поверхностный типизированный взгляд. Все эти тире и двоеточия, действуя словно артиллерия, орудующая картечью, вытряхивают из слов ключи к загадкам феноменов. Художественный текст неожиданно превращается в философское размышление. Сходную роль играют часто пропускаемые сказуемые, выраженные глаголом. В одном из рассказов о любовном треугольнике («Случай», 1934) умирает муж: «Муж с постели на стол»; «Она одна в комнате с покойником»; «Эти последние минуты ему»; «Итак, молчание втроем: труп — вдова — смерть. И вдруг металлический толчок звонка» и т. д. [там же, т. 3, с. 273]. Эти лакуны, с одной стороны, сталкивают слова, заставляя их ярче звучать, с другой — образуют пустоты (пунктиры — укороченные связи), характерные для хорошей поэзии, как об этом пишет Кржижановский в работе «Идея и Слово» (1912), которые могут быть заполнены разнообразными связками и мостами, создавая этой потенциальной вариативностью речевого фрагмента чувство потенциальной же полноты слова в его совпадении с бытием.

Кржижановский сгущает речь в прямом смысле слова. Эта речь связывается плотными цепочками синонимов, однокоренных слов, как принятых в традиционной речевой практике, так и выдуманных, выговоренных автором, созвучий, переходов частей речи друг в друга, повторов, создающих густую среду, своего рода брожение которой превращает количество в качество. Это такая среда, такое заговаривание языка, которое не может не высказываться о том, что привлекает наше волнение и любопытство в попытке постичь тайну миропорядка. Эта среда подобна платоновскому мифу. Она рационализирована и даже избыточно рационализирована, заменяет и подменяет зачастую художественную составляющую. Кржижановский не описывает, а выписывает. Художественные изображения у Кржижановского встречаются нечасто, не всегда рассчитаны на именно эмоциональный отклик, часто «художественность» оказывается формой иронии. То же и персонажи Кржижановского, особенно те, которых можно заподозрить в роли alter ego автора. Они удивительно похожи друг на друга. Их язык, как правило, неиндивидуален. По сути, они говорят языком Кржижановского, не раздражая при этом наших чувств. По поводу самого тонкого и ранимого героя произведений Кржижановского трудно заплакать, еще труднее испытать катарсис. Однако густота мысли, замешанная на художественном образе, высвобождает эмпатию в мысли и эстетическое наслаждение ее красотой. При этом слова как говорящие с нами сущности — не ангелы. Они зачастую кривляются и юродствуют, играя с нами. Слова не лгут, но создают соблазны, способные увести героя не только от тайн бытия, но и от самого бытия.

Занятно наблюдать, как сам Кржижановский периодически словно не выдерживает и переходит на созданный им художественный язык в написании критических статей.

Рыбы в аквариуме живут в мелком водяном кубе, как бы вынужденном из океана и вставленном в чужой океану воздух. Когда в аквариуме меняют воду, у рыб отнят даже их крохотный клочок океана, и если не поспешить наполнить прозрачные стенки снова, рыбы отдышат жизнь — напрочь. Сквозь прозрачную четвертую стенку театра быт глазеет в бы <...>. Если часто не менять *миллиардокапелье* за стеклянной стенкой, она портится вследствие проникновения чужой воздушной стихии; если не менять долго пьесы, показываемой сквозь прозрачную стенку сцены, то она начинает «изнашиваться»: быт проникает пузырьками в бы: повторность и привычность — признаки быта.

[Там же, т. 4, с. 74]

Хочется думать, что поэтизация разжигает философский интерес, а философская загадка манит не только мысль, но и глаз.

Поэтический язык Кржижановского можно сравнить с языком абстрактной живописи. Исследуя живопись как не только психологическое, но и онтологическое явление, художники создавали сложные ритмы цветовых, афигуративных пятен, вместе с выброшенным фигуративом избавлявших и от темпоральности. Такая живопись выглядела как своего рода заклинание, вытаскивавшее на холст само естество цвета, пятна, линии, фона, живописи в целом. Будучи мыслителем и художником физически, психологически, поэтически и философски пространственно ориентированным, Кржижановский умеет как разъять слово, вытаскивая на поверхность сами структуры поэтичности, так и сохранить его живым, даже подхлестывая слово к выговариванию смыслов с помощью этих добытых из его сердца структур. Звуки у Кржижановского могут «выпунктироваться», кисть руки превращаться в «распял», а будущее становится «нилым» («Воспоминание о будущем»).

В поэтической сказке «Когда рак свистнет» (1927) Кржижановский так задает предапокалиптический пейзаж:

Между двух стран озеро без имени, над зыбями ивы, под зыбями рыбы без голосу, на зыбях звезды без времени, вокруг озера нивы колос-к-колосу; дале, от озера без имени зеленый пар, на пару коровы без вымени, волос-к-волосу, сто-ста-сот пар. Направо идти — придешь к авосям; налево — к небосям.

[Там же, т. 3, с. 289]

Кржижановский крайне редко пользовался рифмой в привычном понимании этого поэтического средства, и уж его поэтика никак не была основана на классической звуковой ритмизации. Наоборот. В утопии об авосях, небосях и какнибудях чего точно нет, так это поэтической меры.

Авоси живут — беды не ждут: стоят авосевы города не горожены, авоськины дети не рожены. Придут — и пустят все с дымами, угонят коров без вымени, возьмут в полон, кто не рожен; долго потом озеро без имени кроваво стоит, ниже никнут ивы, косами не кошены, а уж копытами вымолочены нивы, и плачут малые авосята нероженные <...>.

[Там же]

Эта поэтическая ритмизация не имеет ни меры, ни толку, создавая своей беспредельностью очень точный художественный апокалиптический образ.

Хаос — как физический, так и нравственный — тем более проявляется, оттененный классическими образами ломоносовского «Звездам числа нет, бездне — дна» и кантовского «звездного неба надо мной и нравственного закона во мне».

В сказке Кржижановский создает такое нефизическое пространство, в котором возможно всё, кроме этого самого нравственного закона, ни в ком и ни в чем. Жители страны воюют, топят друг друга в озерах крови, совершенно не способные остановиться. Однако, казалось бы, странным образом эта стилизованная речь, выговариваемая каким-то полубезумным, впавшим в детство сказителем, чудом или в силу своего чудесного свободного течения и способности к резонансу не только дефекта, но и полноты, всё же выворачивает сюжет к миру и созиданию:

Понесли ветры рачий свист из страны в страну. Просыпались авоси, какнибуди и небоси и говорили: ну-ну, или: что за дивный свист? А от свиста на деревьях стал зеленее лист, воздух благоуханен и чист, золотистее золота заря, и мечи вдруг стали мягки, как актиниевы стрекала (не рубят — щекочут), и вражды на земле как не бывало, всякому вольно жить всяко, кто как хочет. Вкруг озера без имени стада без вымени, волос-к-волосу, в полях колос-к-колосу, никто — ни авось, ни небось, ни какнибудь — не толкает рыбака под бока и грудь; сидит рыбак, ноги свеся, глядит в зоревую полосу и слышит: рыбы без голоса, подняв из зыбей прозрачные рты, выводят тонко, как на клиросе: «Блажен, еже милует и скоты». На росе, рядом с рыбаком, неразмотанные удочки. На дудочке играет пастух. И с той поры никто не скажет: небоси, или авоси, или какнибуди, — а говорит просто: люди.

[Там же, с. 296]

Трудно, однако, отнести эту неожиданно (сказочно) сложившуюся реальность к какому-либо состоянию — физическому или метафизическому. Скорее так может выглядеть философско-поэтический миф.

Кржижановский исследовал пространство самыми разными способами в самых разных измерениях. Пространство его «цепляло», было «зацепистым» (словечки Кржижановского) как физическая и метафизическая среда, которая непонятно как вмещает человека, дает развернуться ему не только в нравственном здоровье, но и на ущербе духа. Пространство было для Кржижановского удобным домом, средой, крайне вариативной и будоражаще непонятным образом выдерживающей в себе человека с его поползновениями и порывами. Поэтика была для Кржижановского важнейшим инструментом,

отмычкой этой загадки. С помощью слова, трансформированного для решения такой важной задачи, Кржижановский пытается вскрыть пространство, вытащить структуры бытия, наделить их речью. «Выгибы крыш», «спрессованные меж стен и потолка выдыхи, храпы, вдохи», «над переступью сапога», «ременная дорожка к плечу», «над перегибью ремня», «подоткнутая двумя выпущками длиннолицая голова», «выставленные наугольниками вверх колени», «налипи волос», «было похоже, будто на поезд погрузили поле битвы и везут его, затрупленное, поганое поле, сквозь черную ночь напоказ столицам: осмотр от — до, дамы по пятницам» [там же, т. 3, с. 297–298]. В рассказе вывернутое пространство выбрасывает героя, офицера артиллерии, во временную воронку, принуждая тащить пушки в битву на Калке, героически побеждать, расстреливать сами века, само время. Однако его кошмарный поезд трогается дальше, пространственность удерживает и выдерживает любое сознание, живое или мертвое, нравственное или безнравственное, даже то, что, казалось бы, выдержать нельзя. Остается вопрос: какую степень ничтожения само пространство может выдержать, чтобы не самоуничтожиться?

Поэтика Кржижановского многообразна и многогранна. Наряду с поэтикой философско-критического исследования, во многом построенного на поэтизации мысли, поэтикой сказки, живущей за счет мыслящего поэтического образа, есть еще поэтика дороги, поэтика путешествия, в котором мысль и образ едут, что называется, бок о бок в походных условиях.

Путешествия, путевые записки могли стать для Кржижановского возможностью не просто быть услышанным (автора печатали всё реже), но и просто возможностью жить. В начале 1930-х Кржижановский путешествует в Узбекистан, во время войны едет в Сибирь с лекциями о театре, пишет «Москва в первый год войны. Физиологические очерки» (первая, она же и последняя тетрадь завершена к 1949 году), которые так и не были напечатаны. Перемещение в физическом пространстве и перемещение в пространстве мысли — это два необходимых условия сохранения личного бытия для Кржижановского. При условии доступности как одного, так и другого иногда не имело значения, что через что прогонять — тело через пространство, или «пространство через мозг» [там же, с. 367].

Мышление — это передвижение образов в голове. Путешествие — передвижение головы мимо сменяющихся образов. Переставив термины, можно сказать: странствовать, значит мыслить объектами; думать — странствовать в себе самом.

[Там же]

Путевые заметки — свободный жанр. Находясь на перекладных, мысль не обязана отвечать требованиям логики, а поэтическое слово — отказываться от соблазнов потешить себя метафизикой. «Поезд еще спит. Я, вероятно, первый открыл свое окно... В Азию» [там же, с. 369].

Путешествие в Среднюю Азию, в принципиально иную для европейской мироориентации среду, напоминает Кржижановскому фихтеанское полагание «не-я» в «я». Азиат иначе, чем европеец, ориентируется во времени и пространстве. А именно — он живет вне времени. Потому что время, в отличие от европейца и самого Кржижановского, не является для него проблемой. Ему даже не нужны часы. Время определяется конкретно-пространственно, подомашнему, например, длиной тени от ближайшего забора, от дерева, выращенного отцом, от стены медресе, знакомой с детства.

Для самого Кржижановского оппозицией пространственности как форме бытия оказывается вовсе не небытие, или минус-пространство¹ с его вариациями неполноты, тьмы, смерти, щели и т. п., а именно время. Время находится (хотя найти-то его как раз почти и нельзя) где-то между бытием и небытием. Мы никогда не знаем наверняка, есть оно или его нет. И кажется, что оно лжет, подставляя ищущему сознанию всякие ощутимые образы, знаки своего присутствия (человека пугает равно как то, что время есть, а значит человек не вечен, его в известной степени нет, так и то, что времени, возможно, нет, что представляется страхом пострашнее). Наверно, самым раздражающим человека знаком присутствия времени являются часы. Если они идут, то время есть, но если они сломались, значит ли это, что времени нет?.. Макс Штерер, главный герой повести «Воспоминание о будущем» и alter ego самого Кржижановского, начинает свой путь во времени еще ребенком, исследуя большие часы в столовой:

Он тянул учителя за гири, ощупывал ему его круглое белое лицо, пробирался пытливыми пальчиками внутрь его жесткого и колючего мозга. И однажды случилось так, что механический учитель, — очевидно, озадаченный каким-то трудным вопросом — вдруг свесил ногу и перестал отчеканивать урок. <...>

— Папа, часы умерли. Но я не виноват. <...>

— А если испортится время, мы его тоже починим?

[Там же, т. 2, с. 341]

¹ См.: Топоров В. Н. «Миф. Ритуал. Символ. Образ»; Его же. «“Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского».

Штерер заморожен временем. Приходится признавать, что эта замороженность не связана даже с опытом сострадания больному ребенку, жизнь которому можно было бы вернуть, если уметь взаимодействовать со временем. «Люди передвигаются в пространстве. От любых точек к любым. Надо, чтобы и сквозь время: от любой точки к любой» [там же, с. 346]. Понимает ли Штерер, кто кому задает задачу, — не совсем ясно даже ему.

Один из немногих писателей и мыслителей в России, рассматривавших время как экзистенциальную проблему, А. П. Чехов, решал ее в духе христианского, почти августиновского прочтения. Чеховские герои проигрывают времени. Знаки времени — будь то зонтик или седеющая голова дяди Вани, который мог бы стать Шопенгауэром, несут важную психологическую, художественную и онтологическую нагрузку. Этот условный зонтик и меняется (как индикатор темпорального потока), и остается неизменным (как знак, проявляющий человеческую ценность человека, достойного христианской любви, сострадания со стороны такого же свободного, но и греховного, живого и христиански значимого существа). Циферблат Кржижановского, со всеми его сбегаящими, меняющимися местами стрелками, цифрами, поселяющимися в нем бациллами, маятниками и шестеренками, свидетельствует о непреодолимой дистанции между человеком и темпоральностью, о том, что проблема времени не решена. Герой Кржижановского борется со временем, но проигрывает себя.

Время как проблема вытесняет из жизни Макса Штерера людей, человека. Он смотрит на них, как сквозь стекло своей чудо-машины, но это стекло искажает взгляд, перенаправляет мимо человека в его живой, конкретно-индивидуальной плоти. Время «трется о пространство», разбалансируя мир и делая невозможным счастье, если его понимать по-штереровски как «совпадение реального времени и идеального». Время не уловимо ни сознанием, ни телом, так как любое динамическое присутствие в этом потоке делает невозможным ни прошлое, ни будущее: «Нельзя вживаться в жизнь, если позади нежизнь» [там же, с. 417].

Однако в своем путешествии Штерер сталкивается с тем, что пострашнее времени, — с вечностью, или, правильнее сказать, с тем, что мы привыкли называть вечностью.

<...> каверна подворотни, прячущая под своей навесью черную, бездвижным контуром в тротуар выставившуюся тень; над каверной — из железного зажима красный флаг; застывший в воздухе ветер задрал ему кумачевый подол, и материя, будто вырисованная в воздух гальванопластическим сред-

ством, застыла над улицей; у тумбы задняя нога пса, приподнятая кверху — спазм вечности остановил ее.

[Там же, с. 413–414]

Вечность навязчиво и неприкрыто демонстрирует Штереру пространство, до которого ему не было никакого дела, но только обесмысленное и лишенное своего ценностного статуса. То, что пронаблюдал Штерер (или продолжает наблюдать), не имеет адекватного словесного обозначения. Штерер высказывается об этом состоянии многоточием. Так метафизика небытия проявляет невозможность речи, тождественную невозможности жизни. Подобное внемирие, в отличие от межмирья Клайва Стэйплза Льюиса, не обещает человеку ничего.

«Салыр-Гюль» — намек на возможное примирение со временем. Мир чужой культуры раскрывает себя Кржижановскому в форме не только символа, но и конкретной вещи. Так, пиала (у Шпенглера — пещера) — это и встроенная в сознание и тело азиата вещь, прямо регулирующая его коллективную социальность и эстетику, и своего рода символ (купол мечети) и прасимвол (купол неба), хранящие мусульманина от внешнего и внутреннего зла. Путешествующий философ-поэт повернут и к *вещи*, и к *все*. Поэтому он чувствует себя комфортно в культурной иносреде. Саморазвертывание «я» Фихте — одинокая этическая воля — превращается в саморазвертывание чувствующей и сочувствующей мысли — в успокоение. Можно чувствовать себя спокойно и комфортно рядом с азиатом, не боящимся времени. Европейец и азиат как, в общем-то, исчезающие культурные фигуры, съедаемые постепенно временем, однако, всё еще живы и достаточно красочны. Они не сливаются, но сосуществуют в целостном, пространственно-временном образе орнамента азиатского ковра.

Тема времени получает также развитие в азиатской сказке. Истории Шах-разады всегда должны быть длиннее, чем время, назначенное ей, они должны опережать время смерти. Побеждая смерть, такая сказка побеждает и время. Каждая сказка должна быть уникальной, иначе — смерть, но и слова каждой сказки должны быть универсальными, они должны быть обо всем, поскольку сказка может стать последней. История, которая разворачивает сюжет между предельно-конкретной метафоричностью и предельной символичностью, — это уже не совсем сказка, это — миф. Маленькая сестра Шах-разады, Дунья-зада («Дунья» на фарси означает «мир, материальный мир»), транслирует эту очень личную историю взаимодействия жизни и смерти людям как универсальный сюжет. Восток умеет улавливать и растворять время, когда это нужно, «замедлять пульс времени», замедляя даже физическое движение, живя неспешно,

и длить эмоцию в настоящем — с помощью лирики. Кржижановский тоже пробует с помощью собственной сказки растворить время в пиале с двойной заваркой. Но, не достигнув эффекта мифа универсального, создав лишь свой собственный миф, словно мудрая и печальная сова — персонаж его сказки, — бросает и героев, и сюжет, поскольку время снова ускользает от него, словно так и нерешенная загадка.

С конца 1920-х годов Кржижановский чувствует, и это чувство нарастает, что наступит момент, когда он больше не будет напечатан — слово ляжет в ящик. Всероссийское празднование десятилетия Октября окончательно перевело словесную культуру в разряд жестко регулируемых государством сфер человеческого бытия. Интересно, что Кржижановский как-то умел обойти в своих писаниях ужесточившееся советское давление не только на слово, но и на его носителя. Он смотрит как бы поверх, словно признавая за большевизмом право на своеобразный, неприятный, но всё же онтологический статус. Однако неуклонно оказывалось так, что советская форма бытия не оставляет места ни слову, ни его индивидуальному субъекту.

В рассказе «Тринадцатая категория» бытие физическое оказывается настолько невыносимым, что даже мертвецы на кладбище не хотят, чтобы их хоронили, «толкают» речи, всё еще изображая жизнь (жизнь — в слове); живые не замечают, что «пустоту хоронят»; полубезумный гробовщик, главный герой рассказа, пытается хоть как-то по-человечески пристроить сбежавшего от могилы мертвеца. Ласково именуя своего протеже — «мой незакопа несчастный», — мыкаясь с ним по адресам и присутствиям, замучившись от тотальной слепоты и равнодушия обывателей, которым в прямом смысле слова равно, живой или мертвый, как-то в зимнем, вымерзшем трамвае он слышит впервые обращенную именно к нему реакцию: «Ты трупьяна́ своего брось, потому что это дело незапараграфленное» [там же, т. 3, с. 286]. Так метафизические схемы силлогизмов и крючки параграфов Мудреца из 1922 года превращаются в новую метафизику — как отрицание физики.

Запараграфленность — это такая среда, в которой тринадцатая категория рассудка оказывается единственно «нормальным» прибежищем мыслящего и чувствующего существа. «<...> старик явно выжил из ума и живет внутри какой-то апперцептивной путаницы, узлы которой не развязать бы и самому Канту» [там же, с. 281]. Между тем безумный старик становится своего рода новым Дон Кихотом, рыцарем добра и справедливости в холодном, скользком, соскальзывающем в никуда мире. Этот новый мир с его параграфами, инструкциями, документами, который, по сути, — кладбище, но тоже распараграфленное на «актерский ряд», «писательский тупик» и «ораторский угол» — это та-

кое пространство, которое теряет свои сущность и смысл, в которых возможно лишь мытарство трупа, да и то недолгое из-за единственно возможного здесь естественного процесса окоченения, остекленения тела, чувства, сознания. В таком мире, где возможны «речи» мертвецов и закапывание пустоты, всё перепутано уже окончательно, так что не распутать.

В запараграфленности невозможен человек-собеседник. Если раньше в рассказах и повестях Кржижановский крайне избегал автобиографичности, а голосом, мыслящим, чувствующим, переживающим, был узнаваемый в самых разных произведениях персонаж, и сводимый, и несводимый к автору (такой Сократ, окончательно побежденный и убежденный даймоном), то в поздних рассказах этот персонаж почти растворяется, даже уступая место вполне историческому Кржижановскому, который пишет уже собственные переживания («Сквозь кальку»). Это похоже на отчаянную попытку сохранить слово, быть услышанным.

В рассказе «Случай» (1934) также присутствует расчеловечивание как индикатор распадающегося бытия. Этот рассказ не только восходит к «Запискам врача» (1901) В. Вересаева и откликается на булгаковские «Записки юного врача» (1926), как это указано в комментариях к публикации Вадима Гершевича Перельмутера, но также перекликается и с чеховским «Случаем из практики» (1898). Однако, в отличие от молодого врача в рассказе Чехова, получившего, что называется, на практике суровую экзистенциальную прививку отзывчивости к миру (герою в красных заводских окнах мерещится сам дьявол, прародитель зла от начала мира, вызванный ритмическим, почти потусторонним звуком, вызвавшим в нем такую, чеховскую же, мечтательность и веру в прекрасное), персонаж Кржижановского, старый врач, сужает круг реципиентов до узкого врачебного круга, оставаясь при этом закрытым и самодостаточным. Такое — могу говорить, но могу и помолчать, всё равно говорить не с кем. Чеховский «случай» — человек, открытый миру. «Случай» Кржижановского — обезличенные, сведенные почти мифологически к одному болевому нерву люди. Даже имея имена, они их не имеют. Они интересны не собой, а своими «интересными» по-врачебному способами проявить и показать, возможно, сложные и болезненные отношения между телом и разумом в их перекрещенной динамике распада.

Запараграфленность создана кем-то. Но этот кто-то не имеет ни лица, ни авторства. Здесь происходит такое умножение смыслов, при котором они становятся настолько маленькими, что вызывают клаустрофобию сознания, как ящик может вызвать боязнь узкого, замкнутого пространства. Бытие начинает напоминать запараграфленный текст, в котором не осталось самого текста, а

только абзацы и обособления. Насколько естественной средой для Кржижановского было тождество бытия и живого, художественного слова, настолько становится понятным, что оппозицией бытию в этот поздний период его творчества становится не дефект бытия, а его тотальное расползание, деформация, соскальзывание в небытие. Такое состояние не имеет и не может иметь оживляющего его слова, названия, которое могло бы хоть что-то выразить. Это состояние даже нельзя назвать злом, хотя оно является злом по преимуществу, а молчание в нем становится невозможностью слова. Если гробовщика запараграфленность еще тревожит, то его собеседник чувствует лишь остывающее любопытство.

Я направился к выходу. Одни ворота, потом другие. Здесь, под каменной навесью, я посторонился, пропуская процессию. И, шагая из ворот, думал: Леонардо был прав, говоря, что у пятен плесени можно иной раз научиться большему, чем у созданий мастера.

[Там же, с. 288]

Занятно, что он ничему не научается, потому что учиться тут оказывается и некому, и нечему.

Запараграфленность — искусственная рубрикация бытия, а по сути — выведение его за скобки. Социальное здесь выступает как метафизическое, в смысле — антифизическое. Такая социальность хуже, чем война. Война уничтожает физическое пространство, но оставляет место слову, запараграфленность же социальность уничтожает само бытие как вместилище слова. Причем это — состояние затяжное и въедливое. Неудивительно, что в Советской России для того, чтобы творить, нужно было стать диссидентом, не только как инакомыслящим, но и как субъектом, творящим иную пространственность, даже в физическом смысле — кухня, дача, коленка, ящик. Такая внутренняя пространственно-духовная эмиграция обязательно предполагала и творчество своего слушателя, читателя. Поэтому диссидентство в России было столь идеологизировано и тенденциозно. Но если запараграфленность прогрессирует, то она может поглотить и реципиента, как это происходит уже в наши дни.

Запараграфленность делает бытие уязвимым, время окончательно проедает пространство, которое костенеет и погибает. В 1941 году Кржижановский пишет «Москва в первый год войны. Физиологические очерки». Неудивительно, что начинаются они образом заклеенных окон, «смотрящих» в сторону войны, но закрытых для жизни (окно — одна из важнейших для Кржижановского метафор — глаз в пространство, а через него в бытие). Заканчиваются же очерки образом баррикады как формы молчания. Простояв долгий молчаливый срок,

с ноября по апрель, «конгломерат довольно разнообразных предметов, очутившихся волею войны, вместе» [там же, т. 3, с. 600], глухим поперечником пространства, дает трещину. «22 марта. Сегодня произошло нечто странное. Трехглазый домик — так показалось мне в первые секунды — отклеился от баррикады. Образовалась узкая, вершка в три, щель» [там же].

7 апреля. <...>

Теперь уже через проход в баррикаде свободно идут люди с узлами на плечах. Поверх размякшей глины прохода брошена кладка.

Для меня это не просто доска, упершаяся в землю и кирпичные подставки. Нет, это мостик, помогающий моим мыслям перейти из первой тетради этих очерков во вторую.

[Там же, с. 601]

Philosophen Weg войны. Однако половиной страницы раньше: «Свой сборник я напишу... А может быть, и не напишу. Тем много, а жизни мало. Мимо» [там же, с. 600].

Время настигает пространство, и наступает что-то, сходное с Штереровой вечностью, — невозможность слова. В этом ускользающем бытии смысл Слова искажен и переиначен. В такой вселенной Слово перестает быть животворным, а любое «хорошо» окрашивается горечью и цинизмом. Из цикла «Мал мала меньше», истории которого и так коротки, и всё уменьшаются ближе к концу, как мышинный хвостик, хочется полностью процитировать последнюю, самую маленькую. «Баскская сказка» (1937):

Первой была создана Смерть. Смерть точила косу и ждала. Но ничего, кроме нее, еще не было.

И Смерть стала скучать. Она пошла к Богу и попросила работы. Бог молчал. Смерть еще лучше отточила косу и еще раз поклонилась Богу:

— Работы.

— Ну, хорошо, — сказал Бог.

И создал мир.

[Там же, с. 262]

Поэтика Кржижановского — это поэтика мифа. Бывают времена таких изменений, которые нельзя до времени ни философски осмыслить, ни художественно описать. Первое требует слишком большой, обобщающей дистанцированности от вещи, второе — глубокого погружения в индивидуальную вещь.

Когда времена рушатся, как мыслитель, так и поэт, могут оказаться слишком захваченными этим обрушением. Миф, однако, способен соединить обе направленности. Миф сочетает в себе как в целостности и чистый праобраз, и метафорически-конкретное его воплощение. То же касается и времен рождения культуры. Миф, древний ли, современный ли, всегда является единством и целостностью эмоции и мысли. Он — средство самовыражения человека, сознание которого нерасчлененно (древность) или смутно (современность). Важно также, что содержание мифа может мыслиться более реальным, чем сама реальность. Даже если реальность перестает быть собой, реальность мифопоэтического слова сохраняется. Особенно это важно для времен, в которых нарушается единство между естественным и сверхъестественным. То есть в периоды либо конца культур, либо их рождения. Если следовать Лосеву, миф не несет в себе цели познать мир. Будучи непосредственным вещественным совпадением общей идеи и чувственного образа, миф создает стихию чудесного, которая совпадает со стихией мира как чуда.

В ранней работе «Идея и Слово» (1912) Кржижановский пишет: «Индусы нашли символ, примиряющий идею и слово: это “Sphota” — эфирное слово. Родина Sphota — эфир, в котором оно вечно — неделимо — просто. Лишь снизившись до земли, облекшись в воздух, теряет Sphota бессмертие, неделимость и простоту» [там же, т. 5, с. 503]. Люди не слышат эфирное слово, как греки Пифагора не слышат голос небесных сфер. «Идеал метафизика и поэта — создать “словарь об одном Слове”, притом таком, до которого не смел бы коснуться воздух» [там же].

Чтобы спустить эфирное слово к не слышащим людям, нужно слышать его самому. Кржижановский обозначает проблему как «старую, глухую боль, которую всегда испытываешь в том месте души, где соприкоснулись — мысль и слово» [там же, с. 494]. Писателю в это время — 25 лет! «Для поэта человеческий язык слишком абстрактен, для метафизика — слишком чувственен» [там же, с. 496]. Всё творчество Кржижановского — творчество преодоления этой щели. Мне представляется верным рассматривать его именно как своего рода мифотворчество, поскольку предельная задача автора — деятельное, плодотворное преодоление разрыва между индивидуальностью мысли и социальностью языка, с одной стороны, с другой — между идеальным содержанием сознания и необходимостью выразить идею на индивидуальном языке. «Любой образ, тесно примкнувший друг к другу свои грани, распаивается, как сомкнувшее створки слюдяное оконце, в Бесконечность» [там же, с. 499]. У Кржижановского получается так, что образ художественный и образ философский могут дотянуться до бесконечности, только если образуют целое.

Поэтому язык Кржижановского современен. Неудивительно, что пролежав в замкнутых пространствах ящиков и застекленных полок, он оказывается востребованным сейчас. Почему не раньше?.. Миф не может держаться артикуляцией одного человека, или, словами Кржижановского, в расщепе одного пера. Даже вмещающая не щель и хаос, а бытие и логос, такое перо окажется рано или поздно слишком тяжелым для автора. Сказать иначе — один человек не может быть мифотворцем, находясь в одиночестве. Кржижановский, доверяя пространству в целом, слишком мало доверял вещи в частности, веря в мысль и поэзис, не всегда видел перед собой живого читателя и собеседника. Миф как полноценный способ высказывания ждет воплощения в таком культурном сотрудничестве, где понимающие друг друга и сочувствующие друг другу люди говорят разными языками, но на одном языке. Всему свое пространство, всему свое время.

Список источников

Кржижановский Сигизмунд. Собр. соч. в 5 т. СПб.: Symposium, 2001–2013. 6 т.

References

Krzhizhanovskii, Sigizmund (2001–2013) *Sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Collected Works in 5 vols] (6 vols). St. Petersburg: Symposium.

Информация об авторе: О. Г. Самойлова — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента философии Московского физико-технического института (национального исследовательского университета). Адрес: Российская Федерация, 141701, Московская обл., г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9.

Information about the author: O. G. Samoylova — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow of Philosophy Department at the Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University). Address: 9 Institutsky Lane, Moscow Region, 141701, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 29.05.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 185–200.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 185–200.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1.0

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-185-200

МИФОЛОГЕМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Елена Анатольевна Андрущенко

Институт мировой литературы

им. А. М. Горького РАН,

Москва, Россия, andrushenko2013@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

Аннотация. В статье речь идет о публицистике Д. С. Мережковского, в которой мифологема Петра Великого погружена в текущую литературно-общественную злобу дня. Решая полемические задачи, сформулированные после поражения первой русской революции, Мережковский обосновывал «новое религиозное сознание», в котором подчинение православия самодержавию оправдывалось будущим участием в историческом процессе Богочеловечества, а действенной силой осознавалась русская интеллигенция. После выхода в свет сборника «Вехи» стало очевидно, что его мысль об избранности интеллигенции и ее бессознательной религиозности дискредитирована и не получила поддержки. Мережковский называл себя наследником Петра («Я — сын Петра...»), что давало ему возможность опереться на авторитет его имени и оправдать обоснованность пролитой крови. Идеи Мережковского о народе и интеллигенции, о политике и общественной жизни, о православии и церкви

© Андрущенко Е. А., 2022

свидетельствовали об отвлеченности его представлений. Но через несколько лет, когда отголоски первой революции остались позади и социокультурная ситуация начала меняться, он выпустил в свет статью «Поэт вечной женственности» (1917). В ней мифологема Петра Великого помещена в «мужскую», «явную» линию русской культуры, противопоставленную линии Вечной Женственности. Деятельное начало, присущее Петру, Мережковский обнаруживал в Пушкине, Достоевском и Л. Толстом. В статьях периода эмиграции он обозначил сходство между «петровским поворотом» и большевизмом и противопоставил Петра русскому народу, который пассивно принял революцию и отказался бороться за европейский путь России.

Ключевые слова: Петр I Великий, Мережковский, публицистика, мифологема, «петровский поворот», «мужская» линия русской культуры

Ссылка для цитирования: Андрущенко Е. А. Мифологема Петра Великого в публицистике Д. С. Мережковского // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 185–200.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-185-200>.

Memory of Culture

THE MYTHOLOGEM OF PETER THE GREAT IN D. S. MEREZHKOVSKY'S PERIODICAL PUBLICATIONS

Elena A. Andrushchenko

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, andrushenko2013@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

Abstract. The article considers D. S. Merezhkovsky's periodical publications, where the mythologem of Peter the Great is immersed in contemporary socioliterary agenda. While addressing rhetorical challenges formulated after the defeat of the First Russian Revolution, Merezhkovsky argued for a “new religious consciousness”. It justified the subjugation of Orthodoxy to monarchy by its future participation in the historical process of God-manhood, while the Russian intelligentsia was recognized as a driving force. The appearance of the *Vekhi* collection made it clear that his

idea of the intelligentsia's chosen nature and its unconsciously religious character had been debunked and found no support. Merezhkovsky called himself an heir of Peter ("I am Peter's son..."), which enabled him to rely on the great authority and to justify the necessity of bloodshed. Merezhkovsky's ideas of the people and intelligentsia, politics and social life, Orthodoxy and church revealed the abstract nature of his views. However, in several years as the echoes of the first revolution subsided and the sociocultural situation began to change, he published an article entitled *The poet of eternal femininity* (1917). It placed the mythologem of Peter the Great in the "masculine", "explicit" current of the Russian culture opposed to the current of Eternal Femininity. The active spirit inherent in Peter was also identified by Merezhkovsky in Pushkin, Dostoevsky and L. Tolstoy. In his émigré articles he outlined a similarity between "Peter's turnaround" and Bolshevism, contrasting Peter with the Russian people that passively acknowledged the revolution and refused to struggle for Russia's European path.

Keywords: Peter the Great, Merezhkovsky, periodical publications, mythologem, "Peter's turnaround", "masculine" current of the Russian culture

For citation: Andrushchenko, E.A. (2022) 'The Mythologem of Peter the Great in D.S. Merezhkovsky's periodical Publications', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 185–200. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-185-200.

Литературный петровский миф Д. С. Мережковского, образ и мифологема Петра Великого в научной литературе изучены довольно основательно. Можно назвать десятки выдающихся работ, в которых роман «Антихрист. Петр и Алексей» (1905) получил замечательные прочтения. Наиболее известными из них стали труды З. Г. Минц [Минц, 1989], С. П. Ильева [Ильев, 1991], А. В. Лаврова [Лавров, 1999], Л. А. Колобаевой [Колобаева, 2019] и др. Но функционирование мифологема Петра как минимальной единицы петровского мифа в публицистике Мережковского не находится в центре внимания исследователей, и это понятно. Романы писателя чрезвычайно интересны, многомерны, а его статьи всё же неравноценны по своему уровню и не всегда писались в связи с какими-либо общественными событиями. «Статейки эти в газетах я пишу для заработка, — писал он В. Я. Брюсову 8 декабря 1908 года. — И главное для меня — "Александр I" и "Декабристы", а также некоторые другие драмы из мистической жизни начала XIX века, которые мне хотелось бы написать» [Записные книжки ... , 1993, с. 36]. Но всё же проекты, запланированные

и реализованные в 1906–1908 годах, — они описаны в известной статье А. Л. Соболева «Мережковские в Париже» [Соболев, 1992], — имели фундаментальный религиозно-философский характер, а возможность писать о них для широкого круга русских читателей была крайне ограниченной.

В конце первой эмиграции Мережковских, зимой 1908 года, начинается сотрудничество с газетой «Речь». Как свидетельствуют письма к И. В. Гессену, характер планируемых публикаций определялся не только интересами Мережковского, но и текущей повесткой. Мережковский обращался с просьбой присылать им эту газету и новые книги: «Очень просим высылать “Речь”», — писал он 7 июня 1908 года и завершал письмо еще одной просьбой: «Если бы каких-либо *новых книг* прислали, — мы очень Вам были благодарны и статьи я бы скорей написал»¹. 3 августа 1909 года он снова пишет: «“Речи” мы не получаем, хотя я Вам писал, просил высылать, и в контору мы писали. Очень просим: велите высылать»². Интенсивность публикаций Мережковского в эти годы была чрезвычайно высокой, а импульсом к их созданию были книжные новинки или газетные статьи, дававшие возможность высказаться на актуальные темы: «Сошествие в ад» (по «Рассказу о семи повешенных» (1908) Л. Н. Андреева), «Асфodelи и ромашка» (по «Письмам из Сибири» (1907) А. П. Чехова), «Христианские анархисты» (по сборнику «Духоборцы» (1908), составленному П. Бирюковым), «Реформация или революция?» (по Запискам СПб. религиозно-философского общества (1908) и первому выпуску журнала «Живая жизнь», 1908), «Бес или Бог?» (по изданию «Памяти Фрумкиной и Бердягина», 1908), «Немой пророк» (по «Воспоминаниям о брате Владимире Соловьеве» М. С. Безобразовой, 1908) и др. На обзоре статей Л. Галича, К. Чуковского и Д. Философова построена статья «Мистические хулиганы» (1908). В этом литературно-общественном контексте и возникает мифологема Петра. Она погружена в освещение актуальных событий и вместе с тем несет с собой смыслы, сформированные в книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902) и в романе «Антихрист. Петр и Алексей», который публиковался в «Новом пути» в течение 1904 года.

В предисловии к «Религии» книги «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский поднял вопрос о подчинении православия самодержавию, проведенном Петром Великим. Он пришел к выводу, что Петр спас восточное христианство, не дав патриарху сделаться папой.

¹ Письма Д. С. Мережковского в редакцию газеты «Речь». 1 мая 1908 — 3 сентября 1915 г. // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 561. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 5.

Страшен удар, нанесенный церкви Петром, и то состояние, в которое он поверг ее, действительно, похоже на состояние «паралича». Но в том-то и обнаружилась уже не историческая, а сверх-историческая, мистическая крепость церкви, что и этот удар был для нее спасителен, что и Петр, думая сделать церковь орудием своим, сам оказался лишь орудием Высшей Воли.

[Мережковский, 2021, с. 245]

Этот вопрос, казалось бы, далекий от событий общественной жизни той поры, был актуализирован осенью 1905 года, когда в «Церковном вестнике» была опубликована статья «О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников» [О необходимости перемен ... , 1905]. Мережковский воспринял эту публикацию с воодушевлением. Статью о ней «Теперь или никогда» (1905) он не только опубликовал трижды за два года, но и включил в оба Полных собрания своих сочинений. Планируя печатать ее в газете «Русское слово», он столкнулся, видимо, с нежеланием редакции включаться в полемику. В письме от 5 мая 1905 года Мережковский спрашивал у Ф. И. Благова: «Что произошло с моей статьей “Теперь или никогда”, <...> Почему она не была напечатана? Признаюсь, этот прецедент меня несколько обескуражил»³. Статья впервые была опубликована в «Вопросах жизни» с подзаголовком «О церковном соборе».

Поддерживая слова священников, писавших о необходимости «восстановить каноническую свободу церковного самоуправления», Мережковский поставил вопрос о реформе русской церкви, которая привела бы к ее освобождению. Ему представлялось, что в этой связи следует снять с Петра обвинение в порабощении церкви, которое выросло из неверного понимания его действительной роли.

Тут является соблазн, которому, кажется, подпал Достоевский, и не он один; а именно, из посылки: русская церковь в параличе с Петра Великого — сделать вывод: русская церковь в параличе *от* Петра Великого; <...> Приобщение России к западноевропейской и ко всемирной культуре в тот исторический миг, в который выступил Петр со своею реформою, имело неисчислимое значение не только историческое, государственное, общественное, культурное, но и *религиозное*. Ежели последняя цель христианства — не дело одного личного спасения, но и спасения всеобщего, всечеловеческого, которое достигается в процессе всемирной истории, то нельзя не признать, что последний христианский идеал *Богочеловечества* достижим только через идеал *всечеловечества*, то есть идеал

³ Мережковский Д. С. Письма Благову Ф. И. 1905, 1911 // НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 2 об.

вселенского, все народы объединяющего просвещения, вселенской культуры. Оставаясь же в замкнутом круге своей национальной культуры, ни один народ не может исполнить своего высшего христианского предназначения, не может войти в этот синтетический, всеобъединяющий, вселенский процесс Богочеловечества. Разрывая круг московской национальной замкнутости, который грозил сделаться для своей же национальной культуры мертвой петлей, и вовлекая Россию в Европу, в культуру вселенскую, Петр тем самым приближал возможность участия России во всемирно-историческом процессе Богочеловечества. И в этом смысле дело Петра не только дело религиозное, но и святое подлинною *христианскою святостью*.

[Мережковский, 1914, т. XIV, с. 122, 124]

Мережковский полагал, что Петр совершил «величайший религиозный подвиг», когда «согласился принять на себя страшную тень Зверя, тень Антихриста, донныне еще окончательно не снятую с лучезарного образа Петрова» [там же, с. 125]. Обозревая историю церкви, Мережковский писал, что она уклонилась от пути, намеченного Петром, и отказалась от дела европейского просвещения, стала средоточием реакции. Единственной силой, продолжившей дело Петра, он называет русскую интеллигенцию.

Соединение мифологемы Петра с образом русской интеллигенции представляется весьма симптоматичным. Это своего рода замена, произведенная Мережковским в связи с новой идеологической целью, поставленной им в год первой русской революции. В книге «Л. Толстой и Достоевский» петровские реформы связывались им все же с судьбой русской литературы. Завершая размышление об истинном смысле этих реформ, он писал:

Не совершится ли на Востоке второе и окончательное, не языческое, а христианское Возрождение, которое найдет Святую Плоть, потому что будет сознательно искать ее уже в самом христианстве? Кажется, второе Возрождение это и начинается, действительно, ежели не в самой русской церкви, то около нее и близко к ней, именно в русской литературе, до такой степени проникнутой веяниями нового таинственного «христианства Иоаннова», как еще ни одна из всемирных литератур.

[Мережковский, 2021, с. 248]

В революционные дни русская литература уже не осознавалась такой действенной силой, чтобы обеспечить перерастание социально-политического переворота в религиозный, так что в качестве ведущей силы Мережковский

выбрал русскую интеллигенцию. Подтверждение этого наблюдения находим в статье «Грядущий Хам», складывавшейся из газетных публикаций 1905 года и давшей название известному сборнику 1906 года.

Что же это за небывалое, единственное в мире общество, или сословие, или каста, или вера, или заговор? Это не каста, не вера, не заговор, — это все вместе в одном, это — русская интеллигенция. Откуда она явилась? Кто ее создал? Тот же, кто создал или, вернее, родил всю новую Россию, — Петр. Я уже раз говорил и вновь повторяю и настаиваю: *первый русский интеллигент — Петр*. Он отпечатлел, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции. Единственные законные наследники, дети петровы — все мы, русские интеллигенты. Он — в нас, мы — в нем. Кто любит Петра, тот и нас любит; кто его ненавидит, тот ненавидит и нас. Что такое Петр? Чудо или чудовище? Я опять-таки решать не берусь. Он слишком родной мне, слишком часть меня самого, чтобы я мог судить о нем беспристрастно. Я только знаю — другого Петра не будет, он у России один; и русская интеллигенция у нее одна, другой не будет. И пока в России жив Петр Великий, жива и великая русская интеллигенция. Мы каждый день погибаем. У нас много врагов, мало друзей. Велика опасность, грозящая нам, но велика и надежда наша: с нами Петр.

[Мережковский, 1914, т. XIV, с. 28–29]

Интеллигенции, как и Петру Великому, полагал Мережковский, присущи беспочвенность, интеллект и «оторванность от знаменитых “трех основ”, трех китов народной жизни». Это, по его мнению, образовало бездну, отделяющую интеллигенцию от народа:

...тут *бездна*, та самая «бездна», над которою Медный всадник Россию «вздернул на дыбы», — всю Россию, а не одну лишь русскую интеллигенцию. Пусть же ее обвинители скажут прямо: Петр — не русский человек. Но в таком случае мы, «беспочвенные» интеллигенты, предпочтем остаться с Петром и Пушкиным, который любил Петра как самого родного из родных, нежели с теми, для кого Петр и Пушкин чужие. «Страшно свободен духом русский человек», — говорит Достоевский, указывая на Петра. В этой-то страшной свободе духа, в этой способности внезапно отрываться от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего, — в этой произвольной *беспочвенности* и заключается одна из глубочайших особенностей русского духа.

[Там же, с. 29–30]

Здесь Мережковский нанизывает образы — бездны, Медного всадника, Пушкина, Достоевского, которые сливает в метафору русской культуры, ведущую начало от Петра Великого. Еще одна особенность интеллигенции, по Мережковскому, — ее безбожие. С одной стороны, он объясняет причины атеизма союзом церкви с самодержавием, оттолкнувшим русский образованный класс от православия, а с другой — предлагает формулу, позволяющую представить интеллигенцию ведущей силой будущей религиозной революции. Интеллигенции, писал он, присуща бессознательная религиозность и сознательная революционность, которые предстоит объединить в «религиозной общности».

В статье «Страшный суд над русской интеллигенцией» (1906), написанной под впечатлением от речи епископа волынского Антония о страшном суде и о современных событиях, произнесенной в Исаакиевском соборе 20 февраля 1905 года, Мережковский выступил за реформу русской церкви. Он писал, что епископ, в сущности, произнес осуждающее интеллигенцию слово, и сделал из этого такой вывод:

Петр — первый образованный русский человек, первый русский интеллигент. И приговор нам есть в то же время приговор ему. Ежели мы все, образованные русские люди, — «антихристы», то и Петр — «антихрист». Так ведь и решают люди «древлего благочестия», для которых тоже всякое участие в культуре «еретического Запада» есть отречение от Христа, удалившегося, будто бы, от всего мира и «живущего только в России», «Третьем Риме», «Новом Израиле». И ежели делать то, что мы, образованные русские люди, плоть от плоти, кость от кости, дети Петровы, по его завету делаем, значит «ненавидеть Россию», — то и Петр ее ненавидел. Мало того: суд над ним и над нами есть в то же время суд над всем петербургским периодом русской истории, который продолжал дело Петра, <...> государственная власть не имела достаточно мужества, чтобы соединиться с нами, русской интеллигенцией, единственной в России носительницей живого духа тех же заветов петровых, в нашем стремлении к свободе личности, последнему и драгоценнейшему дару западноевропейской культуры.

[Там же, с. 150–151]

Отношение церкви к русскому образованному классу здесь опрокинуто в историю: если православная церковь обрушивается на интеллигенцию, тем самым она выступает и против Петра, и против того исторического периода в России, который освещен светом его реформ.

В статье «Революция и религия» (1907) «петровский поворот» осмыслен через уничтожение патриаршества:

...на Востоке патриаршество, русское папство, побеждено русской империей. Петр Великий вовсе не нарушил, как обвиняли его староверы и славянофилы, а исполнил завет Москвы и Византии, когда, уничтожив патриаршество, если не назвал, то сделал себя самодержцем и первосвященником вместе, главою государства и церкви вместе... <...> Петр Великий исполнил древний завет о соединении церкви с государством; но другой завет московского и византийского государственно-церковного строительства — окаменелую недвижность, верность преданию, уставу, преобладание начала статического над динамическим, — Петр должен был нарушить, подчиняясь необходимости вдвинуть Россию в Европу, для того, чтобы сделать русский Третий Рим всемирным...

[Мережковский, 1914, т. XIII, с. 40–41]

Мережковский полагал, что уничтожением патриаршества и подчинением церкви Петр решал проблему европеизации России. Он нанес такой удар по всему социальному и культурному устройству старой России, что произошел церковный, культурный и общественный раскол «на старую и новую, нижнюю и верхнюю, простонародную и так называемую “интеллигентскую”» Россию. По мысли Мережковского, результатом раскола стал рост сектантства, в котором исторические процессы получили мистическое измерение и питали мысль о религиозной революции. Именно она «рано или поздно должна соединиться с ныне совершающейся в России революцией социально-политической» [там же, с. 43]. Это следует учитывать при изучении жгучего интереса Мережковского к сектантству, которое он рассматривал союзником интеллигенции в революции.

Итак, в публицистике Мережковского имя Петра Великого включено в сложные метафорические образования, позволяющие освещать широкий круг культурных и общественных явлений. Мережковский подверг пересмотру мнение о вине Петра в деле порабощения церкви, полемизируя здесь с Достоевским, и осмыслил его как первый шаг на пути приобщения России к общеевропейскому движению, цель которого — будущая единая церковь. Но гораздо последовательнее Мережковский проводит мысль о связи с Петром русской интеллигенции. Это давало возможность ответить на упреки в ее беспочвенности, атеизме, отсутствии связи с народом, высказываемые в полемике как с правыми, так и с левыми. И здесь обнаруживается эволюция Мережковского в отношении к Петру, ведь в третьем романе трилогии «Христос и Антихрист»

он демонстрирует, что петровское государство лишь имитировало западное, а создаваемое Петром общество не выдерживало его требований, и произошел не синтез, а смешение. Так что «хамство» в «Грядущем Хаме» является не крайним выражением, а символом середины, мещанства. Выходом из него и становится «религиозная общественность» как крайнее, радикальное выражение деятельности интеллигенции.

Эта кабинетная идея отчетливо выделяла точку зрения Мережковского в интеллектуальных спорах тех лет. Между тем оказалось, что не только представление о религиозной общественности, но даже само понимание сущности интеллигенции не было единым. Об этом свидетельствует его полемика с П. Б. Струве о статье «Великая Россия», которую, пользуясь метафорой В. К. Кантора [Кантор, 2010, с. 161–178], можно назвать столкновением двух утопий, а также редкая в наследии Мережковского работа «Интеллигенция и народ» (1908). Редкая потому, что его представления о народе вообще-то всегда были абстрактными, народ не становился предметом его размышлений с тех пор, как он потерял интерес к народничеству. И в этой статье он рассматривает народ как эстетическую оппозицию русской интеллигенции, противопоставляя В. Г. Белинского мужику Мареею, «спасшему ребенка-Достоевского от волка».

Мережковский писал о своем удивлении тем, что противниками интеллигенции оказались интеллигентные люди: «Поднимается один интеллигент, другой, третий... В различных одеждах, различного положения, даже с различными мыслями... тут и “кающийся дворянин”, и бывший марксист, сбитый с толку, и молодой позитивист “с вопросами”, и студент, который завтра застрелится» [Мережковский, 1908, с. 2]. Объявляя, что интеллигенции не существует,

...захудалый интеллигент, выйдя из подъезда Географического общества, побежит в своей шубенке «на рыбьем меху» в дальний конец города совершенно таким же интеллигентом, со своими интеллигентскими чувствами и психологиями, в квартиру придет непременно интеллигентскую и жене о собрании будет рассказывать интеллигентскими словами. Интеллигентство сидит у него не в шубе, на каком бы она меху ни была, сидит даже не в умствованиях его, а в душе, в крови. Там же сидит у него и народ...

[Там же]

Соглашаясь с Блоком в том, что интеллигенция и народ — это «не только два понятия, но две реальности», Мережковский призывал похоронить в общественном сознании «интеллигентщину», а не интеллигенцию. Он протестовал против попыток возложить часть ответственности на Петра Великого,

которого назвал предшественником Пушкина и всей русской интеллигенции. «Я — сын Петра, все мы, как мы есть, дети Петра, и от него не откажемся. Но я тоже и сын России, и от нее не откажусь. Во мне самом Петр борется с Россией, и борьба еще не кончена» [там же]. Интересно, что позднее в письме Вл. И. Немировичу-Данченко от 3 марта 1916 года он писал: «Решен ли Ваш приезд в Петербург? Для меня это очень важно. Ведь Петербург (а не “Петроград”) мой родной город (Петр — Пушкин — Достоевский)»⁴.

Литературная мифологема Петра включалась в освещение текущей злобы дня, которое проводилось Мережковским не всегда удачно и уместно. Особенно тяжелое разочарование его ожидало после выхода в свет сборника «Вехи» (1909), где мысль об избранности русской интеллигенции и ее бессознательной религиозности была подвергнута критике (см. [Андрющенко, 2007]). О разочаровании Мережковского свидетельствует статья «Семь смиренных» (1909), написанная слабо и невнятно. Но через несколько лет, когда отголоски первой революции стихли и социокультурная ситуация начала меняться, он выпустил в свет одну из своих последних статей о русской литературе «Поэт вечной женственности». В ней окончательно оформилась культурная парадигма, в которой занял свое место и Петр Великий.

Специалисты уже обращали внимание на тему Вечной Женственности у Мережковского. Но в его статьях о литературе обозначилась и мысль о «мужском» начале русской культуры. «Мужская», «явная» линия идет, по Мережковскому, от Петра и Пушкина до Толстого и Достоевского. В статье о Тургеневе они противопоставлены «женской», «тайной», «ночной» линии Вечной Женственности:

От Петра и Пушкина (потому что Пушкин — певец Петра по преимуществу) к Толстому и Достоевскому — титанам русской воли и русского разума — идет линия нашего мужества, явная, дневная; а ночная, тайная линия женственности — от Лермонтова к Тургеневу <...> уже не только русскому, но и всемирному поэту Вечной Женственности. И, может быть, далее — от прошлого к будущему — от Тургенева поэта к Вл. Соловьеву пророку, а от него и к нам.

[Мережковский, 1917, с. 76]

Петр стоит здесь у основания русской литературы и символизирует ее «мужское» начало. Обратим внимание, что в проведенной Мережковским ли-

⁴ Мережковский Д. С. Письма к Немировичу-Данченко Вл. Ив. [1902], 1914, 1915, 1916, 1919 и б. д. // Музей МХАТ. Ф. 4. Архив В. И. Немировича-Данченко, Н.-Д.-4930/3.

нии не только Пушкин и Достоевский, но и Л. Толстой, об отпадении которого от русской культуры он писал так горячо, осознается последователем Петра. Разумеется, дело не только в изменившейся социокультурной ситуации и новом звучании для Мережковского важнейших тем русской литературы. На первый план выступало осмысление кардинальных изменений, произошедших в России в 1917 году, и актуализировалась мысль о необходимости деятельного начала, заключенного в «мужской» линии культуры. Об этом свидетельствуют и статьи, написанные в эмиграции, где мифологема Петра включается, как и в годы первой революции, в общественно-политическую проблематику.

В статье «Савинков» (1920) Мережковский провел параллель между делом Петра и большевизмом.

Кто в России люди с сильной волею? Пугачевы, Разины, Ленины, Троцкие. И в величайшем явлении русской воли — в Петре — нет равновесия воли с умом и совестью. Не потому ли сейчас и проваливается вся Россия петровская, что ее основание, существо Петра, именно тут, в расхождении ума и совести с волею, дало трещину. Я не оскорбляю великую память, не скажу, что Петр — «большевик». Но надо все-таки правду сказать: между Петром и большевиками есть кровная связь, и, чтобы порвать эту связь, вся Россия сейчас истекает кровью. Да, проклятие наше в том, что русская воля — во зле, во грехе, в безумии, а русская святость и мудрость — в безволии; проклятие наше в том, что лучшие русские люди созерцают, а действуют — худшие.

[Мережковский, 2001, с. 138]

Размышляя о столетии восстания декабристов, он опять соединил имя Петра с именем Пушкина и поместил между ними первых революционеров, которые, начав восстание под Медным всадником, «как будто уничтожают, а, на самом деле, продолжают» его дело:

Лик Наполеона — на современной Европе, лик Петра — на России. Но самодержавие после Петра только и делает, что стирает этот лик, заколачивает «окно в Европу», чтобы оттепельный ветер оттуда не растопил русского «вечного полюса». Они, дети Петровы, снова прорубают это окно.

[Там же, с. 218]

В статье с говорящим названием «Пушкин с нами» (1926), писавшейся для торжественного заседания в Сорбонне в день русской культуры, Мережковский обвинил русский народ в измене великому делу Петра и в том, что

он ушел в «азиатскую тьму», забыв «назначение России соединить Европу и Азию, Восток и Запад в грядущей всемирности» [там же, с. 230]. Этой мыслью он, в сущности, завершил свой путь осмысления «петровского поворота» в истории России, когда в 1928 году в статье «Захолустье» написал:

В лучшие свои минуты, обращается она лицом к Юго-Западу, к Средиземному солнцу и морю; в худшие — к Востоку — к песчаным пустыням Центральной Азии, к ледяным — Северной, и вдруг начинает пахнуть страшным «запахом смерти» — не русской, а финно-монгольской, «евразийской» овчиной. Так запахла Московская Русь, когда воля к захолустью, с изуверским утверждением своего племенного, этнического, как абсолютной истины, и с отрицанием чужого, всемирного, как абсолютной лжи, привела ее на край гибели. Спас Петр. От Петра до Пушкина — восходящая линия русской всемирности; далее — срыв и падение от славянофилов-восточников, бунтовщиков против Петра, через нигилистов-западников, бунтовщиков против Пушкина, до коммунистов, — последней глубины падения.

[Там же, с. 325]

Петр Великий был одной из любимых исторических фигур Мережковского. Как писал А. В. Лавров, «Мережковский стремился не только к реконструкции переломной петровской эпохи, но и к созданию историософской, символически-провиденциальной картины, проливающей свет сквозь образы прошлого на грядущие судьбы России и мира» [Лавров, 1999, с. 21]. В его публицистике мысль о религиозном смысле «петровского поворота», трансформируясь, обретала конкретные соотнесения с современностью и служила утверждению «нового религиозного сознания». Мифологема Петра Великого всякий раз помещалась в иной контекст: помогала выявить эстетические достоинства творчества Пушкина, служила инструментом борьбы за новую церковь, давала возможность обосновать избранность русских интеллигентов. В их число попадали не только Герцен, Белинский, но герои Достоевского и он сам. Переключаясь из религиозной сферы в эстетическую, из эстетики в злободневную политику, Мережковский то оказывался на высоте постижения, то проваливался в наивные умозаключения.

Но в его отношении к Петру Великому есть и более тонкое обстоятельство. Осознание себя самого наследником Петра («Я — сын Петра...») давало ему своего рода опору на авторитет великого преобразователя и оправдание в провозглашении крайностей, в признании правомерности пролитой крови. Многие идеи, высказанные Мережковским, свидетельствовали об абстрактности и отвлечен-

ности его представлений о народе и интеллигенции, о политике и общественной жизни, о православии и церкви. З. Г. Минц полагала, что «Мережковский был слеп. Способность к художественным прозрениям не отменяла его политической наивности, подогреваемой человеческой бестактностью, склонностью к “комнатному” доктринерству, безмерным самолюбием. Эти качества завели его в последние годы жизни в наиболее темные коридоры европейской жизни» [Минц, 1989, с. 26]. Но его строки о петербургском периоде русской истории, об образе Петра, воспетом Пушкиным, и его наследниках — русских интеллигентах несомненно относятся к лучшим, написанным в эпоху Серебряного века.

Список источников

Андрущенко Е. А. Д. С. Мережковский против «Вех» // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. М.: Наука, 2007. С. 163–168.

Записные книжки и письма Д. С. Мережковского. Письма / публ. Е. Андрущенко, Л. Фризмана // Русская речь. 1993. № 5. С. 25–40.

Ильев С. П. Русский символистский роман: Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 168 с.

Кантор В. К. Петр Струве: Великая Россия, или Утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 4. С. 161–178.

Колобаева Л. А. Русский символизм. 2 изд., доп. М.: МГУ, 2019. 352 с.

Лавров А. В. Мережковский // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 17–27.

Мережковский Д. Интеллигенция и народ // Речь. 1908. № 279. 16 (29) ноября. С. 2.

Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: И. Д. Сытин, 1914.

Мережковский Д. Невоенный дневник. 1914–1916. Петроград: К-во «Огни», 1917. 224 с.

Мережковский Д. С. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции / сост., коммент. О. А. Коростелева и А. Н. Николюкина; послесл. О. А. Коростелева. СПб.: РХГИ, 2001. 656 с.

Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 20 т. М.: Дмитрий Сечин, 2021. Т. 10: Л. Толстой и Достоевский: Исследование / подгот. текста, послесл. Е. А. Андрущенко; примеч. Е. А. Андрущенко при участии Н. Г. Андрущенко. 816 с.

Минц З. Г. О трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» // *Мережковский Д. С.* Трилогия. М.: Книга, 1989. Т. 1. С. 5–26.

О необходимости перемен в русском церковном управлении. Мнение группы столичных священников // Церковный вестник. 1905. № 11. С. 321–325.

Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. Биографический альманах. 1. СПб.–М.: Феникс: Atheneum, 1992. С. 319–373.

Архивы

Музей МХАТ — Музей Московского художественного академического театра;

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки;

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

References

Andrushchenko, E.A. (2007) ‘D.S. Merezhkovskii protiv “Vekh”’ [‘D.S. Merezhkovsky against “Vekhi”’], in *Sbornik «Vekhi» v kontekste russkoi kul'tury* [Collection “Vekhi” in the Context of Russian Culture]. Moscow: Nauka Publ., pp. 163–168.

Andrushchenko, E., Frizman, L. (eds) (1993) ‘Zapisnye knizhki i pis'ma D.S. Merezhkovskogo. Pis'ma’ [‘Notebooks and Letters of D.S. Merezhkovsky. Letters’], *Russkaya rech'*, 5, pp. 25–40.

Il'ev, S.P. (1991) *Russkii simvolistskii roman: Aspekty poetiki* [The Russian Symbolist Novel: Aspects of Poetics]. Kiev: Lybid' Publ.

Kantor, V.K. (2010) ‘Petr Struve: Velikaya Rossiya, ili Utopiya, tak i ne stavshaya real'nost'yu’ [‘Petr Struve: Great Russia, or the Utopia that Never Became Reality’], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 11(4), pp. 161–178.

Kolobaeva, L.A. (2019) *Russkii simvolizm* [Russian Symbolism]. Moscow: MSU.

Lavrov, A.V. (1999) ‘Merezhkovskii’ [‘The Merezhkovskys’], in *Russkie pisateli 1800—1917. Biograficheskii slovar'. Tom 4* [Russian Writers 1800–1917. Biographical Dictionary. Vol. 4]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., pp. 17–27.

Merezhkovskii, D. (1908) ‘Intelligentsiya i narod’ [‘Intelligentsia and the people’], *Rech'*, 279, November 16 (29), p. 2.

Merezhkovskii, D.S. (1914) *Polnoe sobranie sochinenii: v 24 tomakh*. [Complete Works (24 vols)]. Moscow: I.D. Sytin Publ.

Merezhkovskii, D. (1917) *Nevoennyi dnevnik. 1914–1916* [Non-military Diary. 1914–1916]. Petrograd: K-vo “Ogni” Publ.

Merezhkovskii, D.S. (2001) *Tsarstvo Antikhrista. Stat'i perioda emigratsii* [Kingdom of the Antichrist. Émigré Articles]. Compiled with notes by O.A. Korostelev, A.N. Nikoliukin, afterword by O.A. Korostelev. St. Petersburg: RKhGI Publ.

Merezhkovskii, D.S. (2021) *Sobranie sochinenii: v 20 tomakh. Tom. 10. L. Tolstoi i Dostoevskii: Issledovanie* [Collected Works: 20 vols. Vol. 10. L. Tolstoy and Dostoevsky: A study]. Editing and afterword by E.A. Andrushchenko; notes by E.A. An-

drushchenko with assistance from N.G. Andrushchenko. Moscow: Dmitrii Sechin Publ.

Mints, Z.G. (1989) ‘O trilogii D.S. Merezhkovskogo “Khristos i Antikhrist”’ [‘On D.S. Merezhkovsky’s Trilogy “Christ and Antichrist”’], in Merezhkovskii, D.S. *Trilogiia. Tom 1 [Trilogy. Vol. 1]*. Moscow: Kniga, pp. 5–26.

‘O neobkhodimosti peremen v russkom tserkovnom upravlenii. Mnenie gruppy stolichnykh sviashchennikov’ [‘On the Necessity of Changes in Russian Church Administration. Opinion of a Group of Metropolitan Priests’] (1905). *Tserkovnyi vestnik*, 11, pp. 321–325.

Sobolev, A.L. (1992). ‘Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908)’ [‘The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)’], in *Litsa. Biograficheskii al'manakh. 1 [Faces. Biographical Almanac. 1]*. St. Petersburg–Moscow: Feniks: Atheneum, pp. 319–373.

Информация об авторе: Е. А. Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.

Information about the author: E. A. Andrushchenko — DSc in Philology, professor, leading research fellow at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS). Address: 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 01.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 201–218.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 201–218.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-201-218

НАПОЛЕОН, ФАУСТ, ГАМЛЕТ, ХРИСТОС: ПРОБЛЕМАТИКА СВОБОДЫ И «ЛИЧНОСТИ» В РОССИИ В 1838 ГОДУ

Федор Александрович Гайда

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, Москва, Россия,
fyodorgayda@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении свободы и личностного развития в представлении ряда выдающихся мыслителей России XIX века. Автор показывает, что огромное влияние на формирование соответствующих идей оказывала немецкая философия (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель). Однако вместе с этим имела место рецепция православной аскетической традиции, связанной со сборником «Добротолюбие». В результате формировались различные концепции «личности» (сам этот термин в его современном понимании возник именно в 1830-е годы у рассматриваемых в статье авторов), отразившиеся в публицистике, литературной критике и философских трудах. Автор приходит к выводу, что формирование представлений о «личности» происходило в России именно в контексте вопроса о личной свободе.

© Гайда Ф. А., 2022

Ее развитие рассматривалось В. Г. Белинским и М. А. Бакуниным как результат всемирно-исторического прогресса. «Личность» в рамках такого взгляда связывалась с самосознанием и его возвышением. М. М. Сперанский и А. С. Хомяков средоточием человеческого прогресса видели личное совершенствование. В таком случае «личность» воспринималась как «цельное бытие», как человек в целом, а его центром — духовная сфера. Общество рассматривалось как возможность духовного совершенствования личности. Два разных взгляда на «личность» определяли и различные представления о человеческой свободе: она в первую очередь виделась либо условием развития личности, либо условием общественного прогресса.

Ключевые слова: личность, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Г. В. Ф. Гегель, Н. М. Карамзин, М. М. Сперанский, А. С. Хомяков

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ссылка для цитирования: Гайда Ф. А. Наполеон, Фауст, Гамлет, Христос: проблематика свободы и «личности» в России в 1838 году // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 201–218.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-201-218>.

Memory of Culture

NAPOLEON, FAUST, HAMLET, CHRIST:
THE PROBLEMS OF FREEDOM AND “PERSONALITY” IN RUSSIA IN 1838

Fyodor A. Gayda

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia,

fyodorgayda@gmail.com

Abstract. The article deals with the issue of the relationship between freedom and personal development in the view of a number of prominent Russian thinkers of the 19th century. The author shows that German philosophy (I. Kant, G. W. F. Hegel) had a great influence on the formation of these ideas. However, along with it, the re-

ception of the Orthodox ascetic tradition associated with the collection “Philokalia” took place. As a result, various concepts of “personality” were formed (this term itself in its modern sense arose precisely in the 1830s among the authors considered in the article), they were reflected in journalism, literary criticism and philosophical works. The author comes to the conclusion that the formation of ideas about “personality” took place in Russia exactly in the context of the issue of personal freedom. Its development was considered by V. G. Belinsky and M. A. Bakunin as a result of world-historical progress. “Personality” within the framework of such a view was associated with self-consciousness and its exaltation. M. M. Speransky and A. S. Khomyakov saw personal improvement as the focus of human progress. In this case, the “personality” was perceived as a “whole being”, as a person as a whole, and its center was the spiritual sphere. Society was seen as an opportunity for the spiritual improvement of the individual. Two different views of “personality” also determined different ideas about human freedom. First of all, it was seen as either a condition for the development of the individual, or a condition for social progress.

Keywords: personality, M. A. Bakunin, V. G. Belinsky, G. W. F. Hegel, N. M. Karamzin, M. M. Speransky, A. S. Khomyakov

Acknowledgments: The study was supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Gayda, F.A. (2022) ‘Napoleon, Faust, Hamlet, Christ: The Problems of Freedom and “Personality” in Russia in 1838’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 201–218. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-201-218.

Посетивший Россию в 1839 году маркиз де Кюстин нашел ее весьма скучной. Между тем именно в это время в ней формировалась оригинальная философско-политическая традиция. Понятия свободы и личности стали для этой традиции одними из центральных. Причем отношения между этими понятиями были принципиально важны в контексте духовного самоопределения.

Свобода и «личность»: экспозиция

До 1830-х годов в России была распространена просветительская концепция свободы. Еще Екатерина II в своем «Наказе» писала о «разуме вольности»

(ответственном понимании свободы), который в самодержавных государствах «может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность» [Томсинов, 2008, с. 32]. Личная свобода ограничивалась свободой других: «Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют; и, если бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше вольности не было; ибо и другие имели бы равным образом сию власть» [там же, с. 35]. Государство становилось препятствием для личного произвола: «Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа происходящее от мнения, что всяк из них собственную наслаждается безопасностью; и, чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» [там же].

Н. М. Карамзин следовал именно этому представлению:

Сей дух вольности господствовал в России до нашествия Батыева, и в самых ее бедствиях не мог вдруг исчезнуть, но ослабел приметно. Таким образом, история наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое не совместно с гражданской вольностью. Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым ярлыком ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей государственной независимости.

[Карамзин, 1991, с. 21–22]

Иными словами, гарантом свободы (высшей ценности) выступало «твердое самодержавие» (независимая государственная власть), которое было возможно лишь при «государственном могуществе». При внешней зависимости («политическом рабстве») свободы гарантировать никто бы не мог.

Так или иначе, вопрос о личной свободе связывался с пределами власти государства. Исключением, пожалуй, были лишь масонские штудии, но они оставались уделом немногих избранных. Дальнейшее развитие проблематики личной свободы в России оказалось связано с влиянием немецкой классической философии. Фокус внимания переносился с «лица» как юридического понятия на «личность». Для И. Канта «личностью» (*die Persönlichkeit*) было не разумное существо как таковое («лицо», *die Person*), а его самосознание, включавшее «идею морального закона с неотделимым от него уважением к нему». Таким образом, свобода должна была сочетаться с ответственностью [Кант, 1980, с. 96, 98]. Ф. В. Й. Шеллинг возвышал самосознание до божественного уровня: «Поднятое из основы природы начало, которое отделяет человека от

Бога, есть в нем самость; однако в соединении с идеальным началом она становится духом. Самость как таковая есть дух, т. е. человек есть дух в качестве обладающего самостью, особенного (отделенного от Бога) существа — это объединение и составляет сущность личности» [Шеллинг, 1989, с. 112–113]. Вопрос о политической свободе в данном случае отодвигался на второй план.

Г. В. Ф. Гегель вновь актуализировал политическое, увязав его с историческим. Философский подход Гегеля формировался под влиянием наполеоновских войн и в особенности возраставшего культа Наполеона. Принципиально важная в данном случае работа “Феноменология духа” была подготовлена в 1805–1806 годах и закончена во время битвы при Йене и Ауэрштедте. В октябре 1806 года профессор Йенского университета Гегель встречал триумфатора (воплощение мирового духа) на улицах города [Гулыга, 2008, с. 51]. Философ делал упор на динамику процесса формирования личности, в котором проявлялись в первую очередь интеллектуальное и волевое начала. Для развитой личности оказывалось необходимым полное, объективное осознание себя:

Субъект имеет самосознание не только вообще о себе как конкретном, каким-либо образом определенном, но самосознание о себе как о совершенно абстрактном Я, в котором всякая конкретная ограниченность и значимость отрицаются и признаются незначимыми. В личности есть поэтому знание себя как *предмета*, возведенного мышлением в простую бесконечность и благодаря этому пребывающего в чистом тождестве с собой.

[Гегель, 1990, с. 97]

Это в равной степени касалось как отдельного человека, так и целого народа:

Индивиды и народы еще не обладают личностью, пока они еще не достигли этого чистого мышления и знания о себе. В себе и для себя сущий дух отличается от являющегося духа тем, что в том же определении, в котором последний есть лишь *самосознание*, сознание о себе, но лишь со стороны природной воли и ее еще внешних противоположностей, дух имеет предметом и целью себя как абстрактное и свободное Я и, таким образом, есть *лицо*.

[Там же]

Подобное объективное осознание себя было волевым актом: «Индивид, который не рисковал жизнью, может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания он

не достиг». Подобный жалкий субъект являет «некую ограниченную собой и своим мелким действованием, себя самое высиживающую, столь же несчастную, сколь скудную личность» [Гегель, 2000, с. 100, 118].

Тем самым Гегель пошел дальше Канта в разделении понятий «индивид» и «личность», акцентируя необходимость становления последней через объективное самоосознание и вытекающие из него поступки. Человек должен был достичь своей «субстанции» (*der Substanz*) или «духа» (*der Geist*):

Это действование и становление, благодаря которым субстанция становится действительной, есть отчуждение личности, ибо самость, имеющая *непосредственно*, т.е. *без отчуждения*, значение в себе и для себя, лишена субстанции и есть игра указанных бушующих стихий; ее субстанция, следовательно, есть само ее отрешение, а отрешение есть субстанция или духовные силы, упорядочивающиеся в некоторый мир и благодаря этому сохраняющиеся.

[Там же, с. 248]

Гегель полностью пересматривал отношение к личной свободе, сводя ее к вопросу о свободном выборе. Личность формировалась в ходе реализации свободы как познанной необходимости: тогда «субъект» и «субстанция» соединялись [там же, с. 407].

В. Г. Белинский и М. А. Бакунин: «Полное и отчетливое сознание себя»

Понятие «индивидуальность» в начале XIX века прочно входило в русский философский и публицистический язык. Нередко его синонимом выступала и «личность» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 83, 137, 156, 183, 343; т. 2, с. 24]. Иными словами, «личностью» именовался не сам человек как таковой, а особенность его устройства (*die Persönlichkeit*). Однако в начале 1838 года произошло неприметное, но имевшее большие последствия событие: дружеский тандем В. Г. Белинского и М. А. Бакунина ввел новое понимание «личности» и ее связи с «индивидуальностью». С начала 1837 года Бакунин штудировал гегелевскую «Феноменологию духа» [Бакунин, 1934–1935, т. 1, с. 408, 428; т. 2, с. 73]. 22-летний Мишель был упоен и ликовал, его выводы обретали ярко выраженный религиозный оттенок:

Дух есть абсолютное знание, абсолютная свобода, абсолютная любовь, а следовательно абсолютное блаженство. Естественный человек, как всё естественное, есть конечный и ограниченный момент этой абсолютной жизни.

Он еще не свободен, но в нем лежит возможность безграничной свободы, безграничного блаженства. Возможность эта лежит в сознании. <...> Сторона его свободы, его сознания есть благо, блаженство. Ограниченная, бессознательная его сторона — зло, несчастье. Только для ограниченного сознания существуют зло и несчастья. Но в этом же сознании лежит возможность и необходимость освобождения. Итак нет зла, всё благо; жизнь есть блаженство.

[Там же, т. 2, с. 70]

Достижение «абсолютной свободы» и «абсолютного знания» было связано с гениальностью: «Гений есть живое сознание современной действительности» [там же, с. 72]. Гений (наиболее развитая личность) яснее всего понимал путь к знанию и свободе.

Зимой 1837–1838 года друзья уже совместно изучали “Егора Федорыча” [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 218]. Одновременно Белинский был занят своей программной статьей о Гамлете. В этом тексте еще встречалась «личность» в старом понимании (индивидуальность): «Французы некогда думали (да и теперь еще думают то же, хотя и уверяют в противном), что *идеал* есть собрание воедино рассеянных по всей природе черт одной идеи. По этому прекрасному положению, злодей долженствовал быть соединением всех злодейств, а добродетельный всех добродетелей и, следовательно, не иметь никакой личности». Или же так: «Драма заключается не в главном действующем лице, а в игре взаимных отношений и интересов всех лиц драмы, отношений и интересов, вытекающих из их личности» [там же, т. 2, с. 290, 296]. В первоначальной публикации статьи в «Северной пчеле» был и такой вполне обыденный по тем временам оборот: «Выйдет ли он с честью из этой опасной борьбы между долгом, который есть его убеждение, и своею человеческою личностью, нужды нет» [там же, с. 726].

Однако в начале 1838 года Белинский внес в рукопись рассуждения, почерпнутые из «Феноменологии духа»:

Есть два рода людей: одни прозябают, другие живут. Для первых жизнь есть сон, и если этот сон видится им на мягкой и теплой постеле, они удовлетворены вполне. Для других же, людей собственно, жизнь есть подвиг, выполнение которого, без противоречия с благоприятностью внешних обстоятельств, есть блаженство; а при условии добровольных лишений и страданий, должно быть блаженством и точно есть блаженство, но только тогда, когда человек, уничтожив свое я во внутреннем созерцании или сознании абсолютной жизни, снова обретает его в ней. Но для этого внутреннего про-

светления нужно много борьбы, много страдания, и для него много званых, но мало избранных.

[Там же, с. 256]

Внутренний закон развития соответствовал общемировому, что вполне соответствовало гегелевской мысли:

Для всякого человека есть эпоха младенчества, или этой бессознательной гармонии его духа с природою, вследствие которой для него жизнь есть блаженство, хотя он и не сознает этого блаженства. За младенчеством следует юношество, как переход в возмужалость: этот переход всегда бывает эпохою распада, дисгармонии, следовательно, греха. Человек уже не удовлетворяется естественным сознанием и простым чувством: он хочет знать; а так как до удовлетворительного знания ему должно перейти через тысячи заблуждений, нужно бороться с самим собою, то он и падает. Это непреложный закон как для человека, так и для человечества.

[Там же, с. 256–257]

Белинский обозначал для человека два пути обретения зрелости, хотя результат всегда оставался один и тот же:

Для человека эта эпоха настает двояким образом: для одного она начинается сама собою, вследствие избытка и глубины внутренней жизни, требующей знания во что бы то ни стало — вот *Фауст*; для другого она ускоряется какими-нибудь внешними обстоятельствами, хотя ее причина и заключается не во внешних обстоятельствах, а в духе самого этого человека — вот *Гамлет*. Для жизни законы одни, но проявления их бесконечно различны: распадение Гамлета выразилось слабостию воли при сознании долга.

[Там же, с. 257]

Характеры Гамлета и Офелии в статье [там же, с. 289–296] уже были описаны под влиянием Гегеля.

Первые два абзаца второй части работы стали целым гегельянским манифестом Белинского. Действующий в человеке и сознающий себя дух — свободен, сам человек — подчиняется:

Всякое проявление духа, как известная степень его сознания, есть прекрасно и велико; но видимая вселенная, будучи бесконечною, живет динамически

и механически, сама не зная этого, и только в человеке — этом отблеске божества — дух проявляется свободно и сознательно, и только в нем обретает он свою субъективную личность. Прошедши чрез всю цепь органического обособления и дошедши до человека, дух начинает развиваться в человечестве, и каждый момент истории есть известная степень его развития, и каждый такой момент имеет своего представителя. Шекспир был одним из этих представителей.

[Там же, с. 288]

Проникаясь духом Шекспира, читатель должен в конечном счете познать не только Шекспира, он должен познать себя и свое собственное предназначение:

...Мир, созданный Шекспиром, не есть ни случайный, ни особенный, но тот же, который мы видим и в природе, и в истории, и в самих себе, но только как бы вновь воспроизведенный свободною самодеятельностию сознающего себя духа. Но и здесь еще не конец удовлетворительному изучению Шекспира: <...> надо уловить в этой игре жизней дыхание одной общей жизни — жизни духа; а этого невозможно сделать иначе, как опять-таки, совлекшись всего призрачного и случайного, возвыситься до созерцания мирового и в своем духе ощутить трепетание мировой жизни. Но и это будет только полное и совершенное самоощущение себя в мире Шекспировой поэзии; но не полное и отчетливое сознание себя в ней.

[Там же, с. 288–289]

В этом пассаже Белинский впервые наименовал гегелевскую «субстанцию» русским словом «личность».

13 марта 1838 года своим почитательницам сестрам Наталье и Александре Беер Бакунин сообщил: «Виссарион написал уже длинную и красноречивую песнь» [Бакунин, 1934–1935, т. 2, с. 154]. Русская терминология «песни» повлияла на самого Мишеля. Еще в конце февраля он рассуждал о двух «я» так: «одно бессознательно истинное, бесконечное — это ваша субстанция, и другое ваше сознательное, конечное я — это ваше субъективное определение». Бакунин наставлял сестер: «Вся жизнь состоит в том, чтобы сделать субъективным то, что в вас субстанционально, т. е. возвысить свою субъективность до своей субстанциональности и сделать ее бесконечною. Вы — славные девочки. В вас лежит бесконечность, потому не бойтесь за себя, а верьте, любите, мыслите и идите смело вперед» [там же, с. 142]. В предисловии Бакунина к переводу Гегеля (работа была закончена одновременно со статьей Белинского [там же,

с. 154]) еще упоминалась «гениальная субстанция» Пушкина [там же, с. 177]. Но уже в письме от 22 марта «субстанция» («субстанциональность») была изменена на «личность»:

Пока в двух людях внешнее не проникнуто внутренним, пока индивидуальности их не превратились в личности, до тех пор они могут симпатизировать друг другу, но не могут еще любить друг друга, потому что их будут разделять их темные, непросветленные непосредственности, их будут оскорблять и манеры, и жесты, и привычки, и все внешнее существование друг друга, потому что в этом внешнем они не найдут того внутреннего, которое они любят, а что-то чужое, враждебное, отталкивающее.

[Там же, с. 156]

Бакунин ставил задачу превращения индивида в «бессмертно-блаженную и святую личность», образцом чего была «просветленная, прекрасная личность Христа» [там же, с. 165, 166].

Итак, термин родился¹. В гегельянском духе Бакунин и Белинский настаивали на том, что человек может стать «личностью», только обретя истинное знание и истинную свободу. То же самое можно было сказать и о человеческом обществе в целом. Истинная свобода проявлялась в свободном подчинении мировому духу. Тем самым формулировалась потребность в истинном же прогрессе. И если первоначально в конце 1830-х годов представления двух друзей о России будут укладываться в образ Фауста (реализация внутреннего потенциала), то в 1840-е годы актуализируется Гамлет (раскрытие духа под воздействием внешних обстоятельств). Выйдет так: либо Гамлет, либо ничтожество.

Бакунин отождествлял мировой дух с божеством: «Человек сам по себе представляет вечную борьбу животного с божеством. Животное будет убито, и человек станет богом. И все человечество и все личности сольются в одной личности, в любви, в боге» [Бакунин, 1934–1935, т. 1, с. 252]. Христос же превращался в главного Гамлета мировой истории. Считая Иисуса Христа «всемирным гением» [там же, с. 257], Бакунин отрицал его божественную природу:

Иисус Христос начал с человеко-животного и кончил человеко-богом, каким все мы должны быть. А иначе что означали бы его страдания и его молитвы? Если он был бог, то он, следовательно, имел в себе сознание абсолюта, а

¹ Впрочем, Белинский, отец нового понятия, оставил в своем арсенале и «субстанцию» — как синоним «личности» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 355, 367–368, 379, 381, 383, 502, 507, 553, 563]. Говорилось и о «народности» как «субстанции народа» [там же, с. 349].

при сознании вечного абсолюта что означают эти страдания и эти молитвы? К кому он обращал их? К самому себе? Но тогда это — комедия. К другому богу? Но тогда их есть два, а это — абсурд. Чем более Иисус Христос был человеком, тем более он был велик.

[Там же, с. 384–385]

Бакунин отрицал церковное христианство:

Итак цель жизни, предмет истинной любви — бог. Не тот бог, которому молятся в Церквах, не тот, Которому думают нравиться унижением перед ним; не тот, который отдельно от мира судит живых и мертвых, нет, но тот, который живет в человечестве; тот, который возвышается с возвышением человека; тот, который языком Иисуса Христа произнес священные слова евангелия; тот, который говорит в поэте. Поверьте мне, друзья мои, я — не скептик, вера моя не слабее вашей, но мой бог выше вашего, и он-то составляет теперь единственную цель мою.

[Там же, с. 210–211]

М. М. Сперанский и А. С. Хомяков: «Любовь и свобода суть одно и то же»

Проблематика личности и свободы связывалась с Христом и у выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского. Однако в данном случае это была именно церковная традиция. Как и Гегель, Сперанский встречался с Наполеоном. Однако если Гегель восхитился Бонапартом, то Бонапарт, в свою очередь, восхитился Сперанским. В 1808 году после состоявшейся беседы французский император предложил русскому сменять Сперанского на какое-нибудь немецкое княжество или королевство [Томсинов, 2006, с. 148–149]. Наполеон стал едва ли не главной причиной опалы Сперанского в 1812 году, которая способствовала духовным поискам этого философа и мистика. Сперанский высоко ценил философию И. Канта [Сперанский, 2002, Философские размышления ... , с. 183], однако главной силой в человеке видел не самосознание, а «совершенную любовь», которая подразумевала «самоотвержение, истребление самолюбия» [Сперанский, 1872, Письма к архиепископу калужскому Феофилакту ... , с. 393] (см. также: [Сперанский, 1872, Письма к Петру Андреевичу Словцову, с. 417–418; Сперанский, 1889, Религиозно-философские трактаты ... , с. 315–316, 319]). При этом понятие «личности» оказалось для Сперанского не менее важным, чем для Белинского и Бакунина. Еще в сентябре 1813 года Сперанский под «личностью» понимал самосознание и самость человека, выводя их из

грехопадения: «Человек пожелал иметь познания <...> в самом себе, то есть он пожелал иметь и действовать своим собственным разумом; а как с действием разума соединена личность, то он пожелал иметь личность» [Сперанский, 1889, Религиозно-философские трактаты ... , с. 339; Ельчанинов, 1906, паг. II, с. 228]. Спасение состояло в мистическом соединении всех в Иисусе Христе [Сперанский, 1889, Религиозно-философские трактаты ... , с. 343]. Сперанский приходил к выводу: «Любовь одна спасет: ибо она одна спасает нас от личности» [Ельчанинов, 1906, паг. II, с. 234].

Изменение отношения Сперанского к человеческой «личности» произошло после его знакомства со святоотеческой традицией, в первую очередь со сборником «Добротолубие» [Сперанский, 1870, с. 187, 191; Корф, 2014, с. 288]. Обобщение философских взглядов мыслителя состоялось в 1838 году, когда он, будучи учителем будущего императора Александра II (с 1834), составил «Руководство к познанию законов», позднее, в 1845 году, опубликованное и ставшее учебником для юридических факультетов. Рассуждая о человеке, Сперанский различал жизнь физическую (тело), умственную (душа) и нравственную (дух). В бытии нравственном присутствовали «две области»: бытия личного, где господствовали «самолубие и личность», и союзного, где проявлялись «союзы любви и общения» [Сперанский, 2002, Руководство к познанию законов, с. 45–46]. Мыслитель признавал силу первой «области»; в предшествующих рукописных размышлениях это формулировалось вполне четко: «Мир во зле лежит; человек есть великий грешник на земле. Мера зла уменьшилась и постепенно уменьшается со времени христианства, но она все еще превышает меру нравственного добра» [Сперанский, 2002, Философские размышления ... , с. 206]. Различение нравственного добра и зла Сперанский называл «совестью», которая помогала подчинить личность и самолубие общению и любви [Сперанский, 2002, Руководство к познанию законов, с. 48–49]. Но не просто совесть как нравственная способность, а лишь нравственные деяния позволяли следовать принципу любви [Сперанский, 2002, Философские размышления ... , с. 179]. Поэтому в «общезитии» человек нравственно совершенствовался и приуготовлялся к вечности [Сперанский, 2002, Руководство к познанию законов, с. 52].

Однако самопожертвование могло быть только свободным. Это вело Сперанского к такому выводу: «Любовь и свобода суть одно и то же. Любовь есть союзность, свобода есть самостоятельность. Одно бытие союзное есть бытие самостоятельное» [Сперанский, 2002, Философские размышления ... , с. 180–182]. В результате Сперанский приходил к оправданию «личности»: «Собственность лица есть власть человека над собственными его силами как душевными, так и телесными. Власть сия основана на первообразной власти духа над душою и

души над телом. Сие называется *личностью*, самостоятельностью (*personnalité*)» [Сперанский, 2002, Руководство к познанию законов, с. 52]. Такой взгляд соответствовал святоотеческим представлениям об иерархии человеческой личности, которая выстраивалась благодаря богообщению [Гайда, 2019, с. 56–57].

Терминология Сперанского не позволяет говорить о прямом влиянии философии Гегеля, однако реабилитация понятия «личность» произошла у российского мыслителя тогда, когда немецкий философ вошел в России в особую моду. Однако понимание «личности» было у Сперанского прямо противоположно гегелевской. У Сперанского «личностью» становился человек в его целостности, а раскрытие «личности» происходило в жертвенной любви и в Боге. У Гегеля «личностью» было возвышавшееся самосознание, человеческое «я». Сближало обе концепции представление о принципиальном значении волевого акта. Сперанский был чуток к философским веяньям и вполне мог действовать с оглядкой на работы Гегеля. Впрочем, он мог читать и Белинского (статья о Гамлете полностью была опубликована в «Московском наблюдателе» в марте-апреле 1838 года [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 723–724]). В таком случае его понимание «личности» становилось полемическим ответом литературному критику.

В 1837 году в Берлине была опубликована «Философия истории» Гегеля. На следующий год А. С. Хомяков засел за написание «Семирамиды». Философия истории Хомякова противостояла в первую очередь подходу Гегеля:

При всей свободе, которою гордится просвещение немецкое в наше время, при всей его многосторонности, на нем лежат оковы старого схоластического направления, априористических систем и произвольной односторонности мыслителей. <...> Германия страдает, как мы уже сказали, системами, которые воссоздают весь мир из логического развития какой-нибудь произвольной догадки и питают благородное презрение к фактам, потому что всякий бывший факт (по мнению систематиков) может быть построен из логического вывода, ибо он необходим. Такова отчасти гегелевская школа.

[Хомяков, 1994, «Семирамида», с. 444–445]

После начала работы была написана и записка «О старом и новом». Автор был явно знаком с цитированной выше запиской Н. М. Карамзина². Однако хомяковское представление о личной свободе отличалось от карамзинского.

² Записка была известна в рукописных списках, в 1836 году А. С. Пушкин намерен был опубликовать ее в журнале «Современник» (см. [Пушкин, 1996, с. 185]).

Касаясь преобразований Петра Великого, Алексей Степанович писал: «Тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему свою личность, так же как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода». Для Карамзина высшей ценностью была свобода, для Хомякова — любовь. Свобода становилась условием реализации любви, а любовь — главным двигателем общественного развития: «Настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому» [Хомяков, 1994, О старом и новом, с. 469, 470]. Хомяков формулировал свое представление о прогрессе, который не был предзадан.

Хомяков использовал слово «личность» еще в традиционном значении. Перемена произойдет позднее, в 1850-х годах. После серьезного знакомства со святоотеческим наследием друг и соратник Хомякова И. В. Киреевский напишет:

Существенного в мире есть только разумно-свободная личность. Она одна имеет самобытное значение. Все остальное имеет значение только относительное. Но для рационального мышления живая личность разлагается на отвлеченные законы саморазвития или является произведением посторонних начал и в обоих случаях теряет свой настоящий смысл. <...> Рациональному мышлению неместимо сознание о Живой Личности Божества и о Ее живых отношениях к личности человека.

[Киреевский, 2002, с. 281]

Киреевский также использовал в качестве синонима «личности» понятие «цельное бытие», что вполне соответствовало «личности» и «самостоятельности» М. М. Сперанского. Вслед за Киреевским о «живой личности» писал и Хомяков [Хомяков, 1994, «Семирамида», с. 121, 206–209].

Таким образом, формирование представлений о «личности» происходило в России в контексте вопроса о личной свободе. Личное совершенствование рассматривалось как сердцевина прогресса (Сперанский, Хомяков) или как его следствие (Бакунин, Белинский). Соответственно, свобода в первую очередь становилась либо условием развития личности, либо условием прогресса.

Список источников

Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828–1876 / под ред. и примеч. Ю. М. Стеклова. [М.:] Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934–1935. 4 т.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959. 13 т.

В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / [под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1872. 855 с.

Гайда Ф. А. Понятие «личность» в эпоху Достоевского: самосознание или самопожертвование? // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 45–71.

Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Гулыга А. В. Гегель. М.: Молодая гвардия, 2008. 263 с.

Ельчанинов А. В. Мистицизм М. М. Сперанского. Предисл. П. А. Флоренского // Богословский вестник. 1906. Т. 1, № 1. С. 90–123 (II паг.); № 2. С. 207–245 (II паг.).

Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. 126 с.

Киреевский И. В. Отрывки // Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. С. 269–290.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. М.: Статут, 2014. 487 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 12. 684 с.

[Сперанский М. М.] Письма к архиепископу калужскому Феофилакту. 20 ноября 1805 г. // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / [под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1872. С. 381–397.

[Сперанский М. М.] Письма к Петру Андреевичу Словцову. 6 августа 1813 г. // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / [под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1872. С. 411–426.

Сперанский М. М. Письма Сперанского к Ф. И. Цейеру // Русский архив. 1870. С. 174–200.

[Сперанский М. М.] Религиозно-философские трактаты и заметки М. М. Сперанского // Катетов И. В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань: Тип. ун-та, 1889. С. 313–349.

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 45–92.

Сперанский М. М. Философские размышления о праве и государстве // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 176–212.

Томсинов В. А. Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения: учебное пособие. М.: Зерцало, 2008. 544 с.

Томсинов В. А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. 455 с.

Хомяков А. С. О старом и новом // Хомяков А. С. Соч. в двух томах. М.: Московский философский фонд, Изд-во “Медиум”, 1994. Т. 1. С. 456–470.

Хомяков А. С. «Семирамида» (Исследование и стины и исторических и дей) // Хомяков А. С. Соч. в двух томах. М.: Московский философский фонд, Изд-во “Медиум”, 1994. Т. 1. С. 15–446.

Хомяков А. С. Соч. в двух томах. М.: Московский философский фонд, Изд-во “Медиум”, 1994. Т. 1. 592 с.

Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметов // Шеллинг Ф. В. Й. Соч. в 2 т. Пер. с нем. / сост., ред. А. В. Гулыга. Примеч. М. И. Левиной и А. В. Михайлова. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 86–158.

References

Bakunin, M.A. (1934–1935) *Sobranie sochinenij i pisem. 1828–1876* [Collected Works and Letters. 1828–1876] (4 vols). Ed. and notes by Yu.M. Steklov. [Moscow:] Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no poselentsev.

Belinskii, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochinenij* [Compleat Works] (13 vols). Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

El'chaninov, A.V. (1906) ‘Mistitsizm M.M. Speranskogo. Predisl. P.A. Florenskogo’ [‘Mysticism of M.M. Speransky. Foreword by P.A. Florensky’], *Bogoslovskii vestnik*, 1(1), pp. 90–123 (II pag.); 1(2), pp. 207–245 (II pag.).

Gaida, F.A. (2019) ‘Ponyatie «lichnost'» v epokhu Dostoevskogo: samosoznanie ili samopozhertvovanie?’ [‘The Concept of “Personality” in the Era of Dostoevsky: Self-Awareness or Self-Sacrifice?’], *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2(6), pp. 45–71.

Gulyga, A.V. (2008) *Gegel' [Hegel]*. Moscow: Molodaya gvardiya.

Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava [Philosophy of Right]*. Moscow: Mysl' Publ.

Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha [The Phenomenology of Spirit]*. Moscow: Nauka Publ.

Kant, I. (1980) ‘Religiya v predelakh tol'ko razuma’ [‘Religion Within the Mind Alone’], in Kant, I. *Traktaty i pis'ma [Treatises and Letters]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 78–278.

Karamzin, N.M. (1991) *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A Note on Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations]. Moscow: Nauka Publ.

Khomyakov, A.S. (1994) 'O starom i novom' ['About Old and New'], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond, Izd-vo "Medium", pp. 456–470.

Khomyakov, A.S. (1994) "'Semiramida" (I<ssledovanie> i<stiny> i<storicheskikh> i<dei>)' ["'Semiramide" (Study of the Truth of Historical Ideas)'], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond, Izd-vo "Medium", pp. 15–446.

Khomyakov, A.S. (1994) *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond, Izd-vo "Medium".

Kireevskii, I V. (2002) 'Otryvki' ['Fragments'], in Kireevskii, I.V. *Razum na puti k istine* [Mind on the Way to Truth]. Moscow: Pravilo very, pp. 269–290.

Korf, M.A. (2014) *Zhizn' grafa Speranskogo* [The Life of Count Speransky]. Moscow: Statut Publ.

Pushkin, A.S. (1996) *Polnoe sobranie sochinenij: v 17 tomakh. Tom 12* [Complete Works in 17 vols. Vol. 12]. Moscow: Voskresen'e Publ.

Schelling, F.W.J. (1989) 'Filosofskie issledovaniya o sushchnosti chelovecheskoi svobody i svyazannykh s nei predmetov' ['Philosophical Studies on the Essence of Human Freedom and Related Subjects'], in Schelling, F.W.J. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Ed., comp. by A.V. Gulyga. Notes by M.I. Levina and A.V. Mikhailov. Moscow: Mysl', pp. 86–158.

Speranskii, M.M. (1870) 'Pis'ma Speranskogo k F.I. Tseieru' ['Speransky's Letters to F.I. Zeier'], *Russkii arkhiv*, pp. 174–200.

[Speranskii, M.M.] (1872) 'Pis'ma k arkhiepiskopu kaluzhskomu Feofilaktu. 20 noyabrya 1805 goda' ['Letters to the Archbishop of Kaluga Theophylact. 20 Nov. 1805'], in *V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872* [In Memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872]. [Ed. by A.F. Bychkov]. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki, pp. 381–397.

[Speranskii, M.M.] (1872) 'Pis'ma k Petru Andreevichu Slovtsovu. 6 avgusta 1813 goda' ['Letters to Petr Andreevich Slovtsov. 6 Aug. 1813'], in *V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872* [In Memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872]. [Ed. by A.F. Bychkov]. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki, pp. 411–426.

[Speranskii, M.M.] (1889) 'Religiozno-filosofskie traktaty i zametki M.M. Speranskogo' ['Religious and Philosophical Treatises and Notes by M.M. Speransky'], in Katetov, I V. *Graf Mikhail Mikhailovich Speranskii kak religiozniy myslitel'* [Count Mikhail Mikhailovich Speransky as a Religious Thinker]. Kazan': Tip. un-ta, pp. 313–349.

Speranskii, M.M. (2002) 'Filosofskie razmyshleniya o prave i gosudarstve' ['Philosophical Reflections on Law and the State'], in Speranskii, M.M. *Rukovodstvo k*

poznaniyu zakonov [Guide to the Knowledge of Laws]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 176–212.

Speranskii, M.M. (2002) 'Rukovodstvo k poznaniyu zakonov' ['Guide to the Knowledge of Laws'], in Speranskii, M.M. *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [Guide to the Knowledge of Laws]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 45–92.

Tomsinov, V.A. (2006) *Speranskii* [Speransky]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Tomsinov, V.A. (2008) *Imperatritsa Ekaterina Vtoraya. Nakaz, dannyi Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya: uchebnoe posobie* [Empress Catherine II. Order Given to the Commission on the Drafting of a New Code: A Textbook]. Moscow: Zertsalo Publ.

V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872 [In Memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872] (1872) [Ed. by A.F. Bychkov]. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki.

Информация об авторе: Ф. А. Гайда — доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Адрес: Российская Федерация, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.

Information about the author: F. A. Gayda — DSc in History, Associate Professor at the History Department of the Lomonosov Moscow State University. Address: 4, 27 Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russian Federation; Leading Research Fellow at the Department of Contemporary History of the St. Tikhon Orthodox University. Address: 23B Novokuznetskaya Str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022;
одобрена после рецензирования 18.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 20.05.2022;
approved after reviewing 18.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 219–226.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 219–226.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-219-226

ХУДОЖНИКИ БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКОСТЬЮ И ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Ольга Дмитриевна Баженова

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь, odbazhenova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5683-4448>

Аннотация. Вопрос формирования идентичностей рассматривается на примере культуры Беларуси и творческих судеб представителей этой пограничной земли, на которой в конце XIX — первой четверти XX века началось формирование региональных художественных школ и образование отдельных государств Беларуси, Польши, Литвы. Речь пойдет о художниках Витольде Каэтановиче Бельницком-Бируле, Фердинанде Рущице и Марке Захаровиче Шагале.

Ключевые слова: культура, художники, Беларусь, пограничье, Бельницкий-Бируля, Рущиц, Шагал, художественные школы, европейскость, идентичность

© Баженова О. Д., 2022

Ссылка для цитирования: Баженова О. Д. Художники Беларуси конца XIX — начала XX века: между европейскостью и идентичностью // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 219–226.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-219-226>.

Memory of Culture

ARTISTS OF BELARUS AT THE LATE OF 19TH — EARLY 20TH CENTURIES:
BETWEEN EUROPEANNESS AND INDENTITY

Olga D. Bazhenova

Belarusian State University,
Minsk, Belarus, odbazhenova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5683-4448>

Abstract. The issue of the formation of identities is considered on the example of the culture of Belarus and the creative destinies of representatives of this borderland, where in the late 19th — first quarter of the 20th century the formation of regional art schools and the formation of individual states of Belarus, Poland, Lithuania began. We will talk about the artists Vitold Kaetanovich Belynitsky-Birulya, Ferdinand Ruschitsa and Mark Zakharovich Chagall.

Keywords: culture, artists, Belarus, borderland, Belynitsky-Birulya, Ruschits, Chagall, art schools, Europeanness, identity

For citation: Bazhenova, O.D. (2022) ‘Artists of Belarus at the Late of 19th — Early 20th Centuries: Between Europeanness and Identity’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 219–226. (In Russ.).
[doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-219-226](https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-219-226).

Понятие пограничья появилось в результате исследований последних двух десятилетий [Cgang, 1999]. Пограничье определяется чрезвычайно близким соседством смежных, но разных культурных пространств, которые организовывались/организуются культурными процессами адаптации, ассимиляции, аккомодации, элизии, а главное — палатализации, то есть смягчения противоречий между этнико-культурными составляющими определен-

ной территории. Исследователи считают, что «на индивидуальном уровне культурные границы стираются, поскольку компоненты разнообразных культур скорее включаются в индивидуальную культурную идентичность, чем остаются отделенными друг от друга» [Терешкович, 2018, с. 248–249]. На окраинных землях России конца XIX — первой четверти XX века начались и завершились процессы оформления национальных идей и одновременно с формированием русской идеи началось формирование национальных государств.

В качестве примера формирования идентичностей в культуре белорусского пограничья мы рассмотрим три художественные экзистенции, творчество трех художников — Витольда Каэтановича Бельницкого-Бирули (1872–1957), Фердинанда Руцица (1870–1936), Марка Захаровича Шагала (1887–1985). Все трое названных маэстро получили кроме домашнего или регионального обучения образование в Петербурге, попав туда разными дорогами. К 1920-м годам в их жизни стали значительно проявляться не осознаваемые ранее культурные идентичности, то есть до разделения культурной общности дошло в этом процессе в самую последнюю очередь. Художники, уроженцы белорусских маленьких городов-местечек стали представителями разных национальных сообществ, определив свои идентичности по самым разным основаниям, Бельницкий-Бируля стал русским художником, Фердинанд Руциц — польским, а Шагал — французским. При этом все трое носили в сердце ностальгию по своей малой родине Беларуси, впечатления детских и юношеских лет: Бельницкий-Бируля нашел родину своей души в Тверском крае России, что казался близким красотам его родных Бельничей под Могилевом, Руциц хранил верность родовому имени Богданово в 100 километрах от Минска и 30 километрах от Вильно (Вильнюса), а Шагал продолжил свое «мы живем, не касаясь земли» уже не в Витебске, а в Париже.

Важно отметить, что все трое были воспитаны в русских традициях мессианской роли художника в мире и обществе. Лирическое измерение цветового, светового, линейного пространства их произведений обязательно было связано с их личным чувством и переживанием. У Бельницкого-Бирули и Руцица — в пейзажах, у Шагала в новом формообразовании, вне жанровых границ. Шагал казался наиболее авангардным, его творчество значительно отличалось от традиций репинского реализма, с которым он познакомился в мастерской своего первого учителя в Витебске Иегуды Пена, декоративизма петербургского учителя Николая Рериха в Санкт-Петербургской школе общества поощрения художеств и беглой этюдности Льва Бакста в петербургской частной художественной школе Званцевой [Дантини, 2020]. Европеизированная русская культура к концу XIX — началу XX века видела себя частью европей-

ского мира, но с новыми обертонами печальной и драматической красоты, так поразившими Европу в период дягилевских сезонов. По прошествии времени русское чувство неизбежности, неисполнимости или, может быть, излишне широкой и глубокой душевной романтической тоски станет метафорой «тоски по несбывшемуся» Александра Грина. По крайней мере в парижские годы Шагала это будет переложено на язык библейских иллюстраций, иллюстраций к Гоголю и витражей в Гранд-опера, а в картинах, сделанных в России до 1920-х годов, — в ностальгическом парении над землей его героев на фоне городских пейзажей Витебска [Дантини, 2020; Шагал, 2021].

Витольд Каэтанович
Белыницкий-Бируля (1872–1957)

Белыницкий-Бируля (1872–1957) оказался более всего укорененным в левитановско-чеховской культуре России [Дробов, 1974; Карамазаў, 1991; Туроўнікаў, 1959]. После окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества он выбирает путь лирического пейзажиста и таким чеховским интеллигентом живет на своей даче на озерах, в гористых лесах Тверской губернии, назвав свое отшельническое жилье «Чайкой». Он искал и нашел место, которое более всего ему напоминало о предназначении художника и интеллигента, составляло память о Чехове и Левитане, позволяло быть в состоянии такой своеобразной внутренней

эмиграции. Он оставался верен чеховско-левитановской России. Его ностальгия растворялась в изображении переходных состояний природы — ранней весны, ранней зимы или осени. Так же как и его кумир Левитан, Белыницкий-Бируля писал тоном и полутоном, искал валерные нюансы в светотеневых переходах просыпающейся или засыпающей природы. Определенность очень редка в его картинах, тогда это состояние — просто сон. Одну из картин с изображением зимы, зимней природы Белыницкий-Бируля так и называет — «Зимний сон». Белорус-католик, он находит созвучное ему настроение в русской традиции его старших коллег — с Левитаном он дружит, близко общается, Чехов даже его лечит, однажды вызванный в «Чайку» какой-то болезнью художника. Глубокая эмоциональная память стала пропуском в его русскую идентичность, определила принадлежность к русской культуре. Родился художник в 1872 году, почти одновременно с В. И. Лениным, умер в 1957-м.

Фердинанд Рущиц — 1870-го, ленинского года рождения, но умирает он в 1936-м [Дробов, 1974; Sgang, 1999]. Учился Рущиц в минской гимназии, по окончании которой по настоянию отца поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а со второго курса перешел учиться в Академию художеств. Закончил ее по классу Шишкина и Куинджи. Но, безусловно, его творческую индивидуальность сформировал Архип Иванович Куинджи, сделал из Рущица мастера драматических цветовых эффектов, резкой, ракурсной композиции. Известность пришла к Рущицу сразу на выпускном курсе — его работу приобрел Павел Михайлович Третьяков. Затем художник посвятил время путешествиям, а с 1899 по 1908 год жил в своем поместье Богданово и принимал участие в выставках в Петербурге и Москве. Его самое значительное и известное произведение «Земля», или «Пахарь», в одинаковой мере как символично, так и реалистично и связано с конкретными богдановскими ландшафтами. Горизонт земли на картине взрывает плуг, запряженный волами и ведомый крестьянином. Глыбы земли внизу, большие кучевые облака вверху. Крестьянин могуч и в то же время согнут, свернут, как круглая земля, которая, кажется, начинает двигаться — и движется медленно, вращаемая воловьей упряжкой. Так романтический монументальный герой Фердинанда Рущица пашет на быках, описывая дугу на горизонте белорусской Воложинской возвышенности, как будто не просто переворачивает полосы вспаханной земли, а вращает земной шар. Это символическое и романтическое, с куинджевской традицией декоративности, искусство. Богдановская мельница, дом, деревья, сад, храм — всё это осталось на полотнах Рущица. Но после 1908 года происходит что-то трудно объяснимое. Рущиц больше не берет в руки кисти. Да, он начинает преподавать, сначала в Варшаве, потом в Академии искусств в Кракове, а затем организует отделение искусств в Виленском университете и становится его руководителем. Он занимается сценографией, иллюстрацией, но к живописи больше не возвращается. Он известный профессор, общественный деятель польской культуры. Как художник Рущиц стремился выявить суть мирового бытия, трагическую глубину мира, но к 1910-м годам всё это остается в его мастерской в усадьбе Богданово.

Фердинанд Рущиц (1870–1936)

А далее, когда он начал свою академическую профессорскую карьеру, появились другие смыслы, точнее, наступило время поиска этих новых смыслов, и художник обратился к сценографии, к театральному искусству с его текстами, пластикой актерской игры, что стало, видимо, для него более важным для размышлений о новом мире, в котором возродилось утраченное в конце XVIII века польское государство, Вторая Речь Посполитая.

Марк Захарович Шагал (1887–1985)

Представитель младшего поколения названных художников Марк Захарович Шагал (1887–1985) идентифицировал себя с той частью белорусского пограничья, которая была представлена еврейскими местечками-штетлами (правда, в своей автобиографии «Моя жизнь» он называл себя русским художником) [Шагал, 2021; Дантини, 2020]. Витебск, родной город художника начала XX века, был описан Иваном Бунинным в «Жизни Арсеньева». Именно таким — готическим, древним, нерусским городом с высокими, в одно слитыми домами с крутыми крышами, небольшими окнами, глубокими и грубыми полукруглыми воротами в нижних этажах, восточно-конфет-

ными лицами юношей с томными антилопьиными взглядами — Витебск видится Бунину. Таким Витебск и был во времена Шагала — городом с вкраплениями католической и православной культуры: с площадью и желтым «костелом с двумя звонницами и многоцветными витражными окнами, с текущим глухо и плавно звуком органа и вдруг звонко разливающимся небесным песнопением» [Бунин, 1982, с. 294]. Таким город и остался на картинах Шагала: отличающимся резкостью линий и взмывающей вверх с отрывом от земли цветной музыкой любви, раздумий, страсти, страданий... Таким напоминанием станет и последняя работа — витражная роспись в Гранд-опера.

Можно подвести следующий итог. Видимое и невидимое оказались соединенными в трагических обертонах живописи трех названных художников белорусского пограничья, возмужавших ко времени русского Серебряного века и синхронного ему белорусского «нашенивского периода» в лице плеяды живописцев и таких поэтов, как Максим Богданович, Янка Купала, Якуб Колас. Все они получили воспитание и образование в России, в Санкт-Петербурге и Москве, формировали и проявляли свою творческую индивидуальность в ев-

ропеизированной русской культуре, но переживали мир и представляли его в формообразовании, основательно опосредованном их чувственно-генетической связью с родной белорусской землей. То есть экзистенциальный вопрос культуры русского Серебряного века, поднятый Флоренским о видимом и невидимом в искусстве, может быть вполне переведен и на уровень понимания видимой европейскости и невидимой идентичности художника.

Список источников

Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. М.: Советская Россия, 1982. 336 с.

Дантини М. Марк Шагал. М.: АСТ, 2020. 159 с.

Дробов А. Н. Живопись Белоруссии XIX — начала XX вв. Мн.: Высшая школа, 1974. 332 с.

Кармазаў В. Крыж на зямлі і поўня з небе. Эскізы, эцюды і споведзь Духу, альбо Аповесць-эсэ жыцця жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі. Мінск: Юнатства, 1991. 204 с.

Терешкович П. В. Конструирование идентичностей населения западной части Белорусского Полесья // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы. М.: Горячая линия — Телеком, 2018. С. 247–270.

Туруўнікаў М. Вітольд Каэтановіч Бялыніцкі-Біруля. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1959. 100 с.

Шагал М. З. Моя жизнь. М.: Азбука-классика, 2021. 224 с.

Bernat A. *Ferdynand Ruszczyk: 1870–1936*. Warszawa: Edipresse Polska, 2007. 95 s.

Cgang H. Re-examining Pheetoric of the @Cultural Barder // *Electronic Magazine of Multicultural Education*. 1999. Vol. 1, no. 1. Winter.

References

Bernat, A. (2007) *Ferdynand Ruszczyk: 1870–1936*. Warszawa: Edipresse Polska.

Bunin, I.A. (1982) *Zhizn' Arsen'eva [Arseniev's Life]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

Cgang, H. (1999) 'Re-examining Pheetoric of the @Cultural Barder', *Electronic Magazine of Multicultural Education*, 1(1), Winter.

Dantini, M. (2020) *Mark Shagal*. Moscow: AST Publ.

Drobov, A.N. (1974) *Zhivopis' Belorussii XIX — nachala XX veka [Painting of Belarus XIX — Early XX Century]*. Minsk: Vysheishaya shkola.

Karamazaŭ, V. (1991) *Kryzh na zyamli i poŭnya z nebe. Eskizy, etsyudy i spovedz' Dukhu, al'bo Apovests'-ese zhytstysya zhyvapistsa i palyaŭnichaga Byalynitskaga-Biruli [A Cross on the Ground and a Full Moon from the Sky. Sketches, Sketches and Confession to the Spirit, or the Story-essay of the Life of the Painter and Hunter Byalynitsky-Biruli]*. Minsk: Yunattstva.

Shagal, M.Z. (2021) *Moya zhizn'* [*My Life*]. Moscow: Azbuka-klassika.

Tereshkovich, P.V. (2018) 'Konstruirovaniye identichnostei naseleniya zapadnoi chasti Belorusskogo Poles'ya' ['Construction of the Identities of the Population of the Western part of the Belarusian Polissya'], in *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoке i zapade Evropy* [*Yours and Others. Metamorphoses of Identity in the East and West of Europe*]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, pp. 247–270.

Turoŭnikaŭ, M. (1959) *Vitol'd Kaetanovich Byalynitskii-Birulya* [*Witold Kaetanovich Byalynitskyi-Birulya*]. Minsk: Dzyarzhaynae vydavetstva BSSR.

Информация об авторе: О. Д. Баженова — доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры искусств и средового дизайна Белорусского государственного университета. Адрес: Республика Беларусь, 220006, г. Минск, ул. Маяковского, д. 96.

Information about the author: O. D. Bazhenova — DSc in Art History, Docent, Professor of the Department of Arts and Environmental Design at the Belarusian State University. Address: 96 Mayakovsky Str., Minsk, 220006, Republic of Belarus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 03.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 03.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 227–235.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 227–235.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-227-235

ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ КНИГИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «Л. ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ»

Рецензия на книгу: Д. С. Мережковский. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 10: Л. Толстой и Достоевский / исследование, подг. текста, послесл. Е. А. Андрущенко, примеч. Е. А. Андрущенко при участ. Н. Г. Андрущенко, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.: Дмитрий Сечин, 2020. 816 с.

Людмила Федоровна Луцевич

Варшавский университет,

Варшава, Польша, l.lutevici@uw.edu.pl,

<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Ссылка для цитирования: Луцевич Л. Ф. Об академическом издании книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский: исследование» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 227–235.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-227-235>.

Academic Life. Reviews

ABOUT THE ACADEMIC EDITION OF THE D. S. MEREZHKOVSKY'S BOOK

L. TOLSTOY AND DOSTOYEVSKY: RESEARCH

Book review: Merezhkovsky D. S. Collected Works: in 20 vols. Vol. 10: L. Tolstoy and Dostoevsky / Research, ed., afterword by E. A. Andrushchenko, notes by E. A. Andrushchenko with participation. N. G. Andrushchenko, Institute of World

© Луцевич Л. Ф., 2022

Literature named after A. M. Gorky RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS. Moscow: Dmitry Sechin, 2020. 816 p.

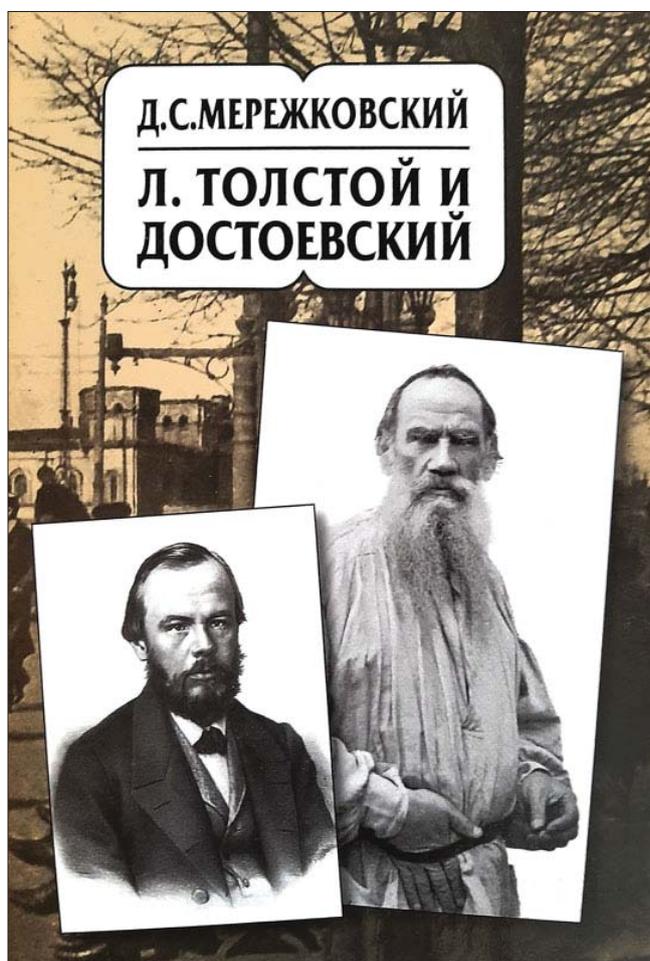
Ludmila F. Lutsevich

Warsaw University,
Warszawa, Polska, l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

For citation: Lutsevich, L.F. (2022) 'About the Academic Edition of the D.S. Merezhkovsky's Book *L. Tolstoy and Dostoyevsky: Research*', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 227–235. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-227-235.

Многообразное наследие Дмитрия Мережковского (1865–1941) — одного из самых влиятельных и популярных писателей, философов, критиков русского Серебряного века, давно нуждается в современном научном прочтении и осмыслении. Сам факт подготовки и издания сотрудниками Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН солидного двадцатитомного собрания сочинений писателя вызывает чувство глубокого удовлетворения. Изданные ранее три тома [Мережковский, 2017, т. 14; Мережковский, 2017, т. 8; Мережковский, 2019, т. 9], как можно видеть, включают тщательно выверенный корпус основных текстов, рукописные материалы (при их наличии), писательские примечания (при их наличии), точные комментарии, аналитические сопроводительные статьи с библиографическим приложением, подробные именные указатели. Всё в совокупности свидетельствует об изначально высоко установленной научной планке предпринятого из-

дания. Очередной — десятый — том, куда вошел самый объемный литературно-критический трактат писателя «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902), в полной мере продолжает, развивает и углубляет намеченную традицию.

Грандиозный труд писателя являет собой — сейчас это стало совершенно очевидно — не только значимый этап в духовном развитии самого автора, но и некую веху в истории русской и мировой литературы, а также религиозной и общественной мысли. Став самым презентативным для своей эпохи исследованием жизни, творчества, религиозных устремлений двух выдающихся мастеров русского слова, трактат оказал большое влияние на восприятие и отношение читающей публики к русским классикам, а также на становление и развитие научного знания о них. Читатели Мережковского — будь то его современники или потомки более поздних эпох, знакомясь со множеством разнообразных, умело подобранных биографических, литературно-, культурно-, социально-исторических фактов, погружаясь в тайны психики и духа русских писателей, вольно или невольно подчинялись завораживающей интерпретационной мысли автора — до предела напряженной, субъективной, интригующей. Будучи одним из самых значимых явлений в наследии писателя, трактат о русских классиках остается до сегодняшнего дня не только предметом дискуссий современных ученых, но и актуальным инспиратором разнообразных идей, гипотез, концепций.

Во «Вступлении» к книге Мережковский объяснил причину обращения к двум авторам таким образом:

В русской литературе нет писателей, более внутренне близких и в то же время более противоположных друг другу, чем Достоевский и Л. Толстой. Оба они вышли из Пушкина. Достоевский это признавал; Л. Толстой, кажется, никогда об этом не думал и этого не чувствовал, но мы ведь знаем за него, что без Пушкина не было бы Л. Толстого. Он и Достоевский близки и противоположны друг другу, как две главные, самые могучие ветви одного дерева, расходящиеся в противоположные стороны своими вершинами, сросшиеся в одном стволе своими основаниями.

(С. 11)

В поле зрения Мережковского, как видно, оказываются не только Толстой и Достоевский, но и «наше всё» — Александр Пушкин, а вместе с ним и могучее древо русской классической литературы XIX века. Данный контекст требует высокой эрудиции, доскональности, точности в осмыслении и презентации столь необходимой книги. Эти требования успешно реализованы в рецензируемом томе.

В новом издании книга «Л. Толстой и Достоевский» воспроизведена в том же составе и редакции, в которых она была опубликована в знаменитом сытинском издании 1914 года [Мережковский, 1914]. Сама книга включает следующие разделы: «Вступление» (с. 5–12), «Часть первая. Жизнь Л. Толстого и Достоевского» в восьми главах (с. 13–107); «Часть вторая. Творчество Л. Толстого и Достоевского» в семи главах (с. 108–229); «Религия», состоящая в свою очередь из двух частей с предисловием и шестью главами (с. 230–566). Как видно, последний раздел книги по объему превышает два предыдущих вместе взятых. Фундаментальные религиозные проблемы в осмыслении русских классиков и оригинальной трактовке Мережковского до сих пор привлекают наибольшее внимание читателей. Еще Николай Бердяев, подходивший в целом достаточно критично к творчеству своего современника, заметил:

Будем справедливы к Мережковскому, будем благодарны ему. В его лице новая русская литература, русский эстетизм, русская культура перешли к религиозным темам. Он много лет будил религиозную мысль, был посредником между культурой и религией, пробуждал в культуре религиозное чувство и сознание.

[Бердяев, 2015, с. 34]

Далее в издании представлены «Комментарии» (с. 567–758), статья Е. Андрущенко «Книга “Л. Толстой и Достоевский” в творческой биографии Д. Мережковского» (с. 759–803), «Именной указатель» (с. 804–810). Книга подготовлена к изданию одним из самых авторитетных ученых и комментаторов наследия Мережковского — Еленой Андрущенко, имеющей богатый и плодотворный опыт работы над предыдущим изданием трактата Мережковского в серии «Литературные памятники» [Мережковский, 2000]. Исследовательница, естественно, учитывает сведения, содержащиеся в ранее осуществленных комментированных изданиях книги «Л. Толстой и Достоевский», но на достигнутом уровне не останавливается. В новое издание, в сравнении с предшествующими, Андрущенко ввела значимые дополнения и изменения. Она существенно расширила раздел «Комментарии» (включив более 2000 пояснений); указала прижизненные издания книги, не учтенные в предыдущих комментированных изданиях; ввела сведения, касающиеся композиционной и стилистической правки текста, осуществленной писателем при подготовке им отдельных изданий книги; включила многочисленные отклики современников на публикацию (в частности, статьи и рецензии Василия Розанова, Льва Шестова, Сергея Адрианова, Николая Михайловского, Ангела Богдановича, Константина

Арсеньева, Николая Коробки и др.), при этом впервые ввела в научный оборот отзывы Сигмы [Сергей Сыромятников], Сергея Терешенкова, В. Мирского [Евгений Соловьев], анонимный отклик рецензента «Русских ведомостей» и др. Комментарии Андрущенко не только демонстрируют всё многообразие источников, которыми пользовался Мережковский, но и — что особенно важно — раскрывают механизмы писательского обращения с источниками (комментатор фиксирует искажения, неточности, компиляции), содействующие процессу мифологизации двух писателей-классиков¹. Стоит также отметить, что Андрущенко привлекла широкий круг биографических изданий (среди них, например, мемуарные записки Анны Сейрон, первая немецкоязычная биография Толстого, написанная Рафаэлем Левенфельдом), которые, как установила исследовательница, Мережковский цитировал не в сокращенных переводах на русский язык (достаточно хорошо известных исследователям творчества Толстого²), а в оригинале. Именно благодаря изучению оригинальных текстов исследовательница смогла раскрыть целый ряд ранее не атрибутированных цитат. Существенно, на мой взгляд, и то, что в процессе комментирования Андрущенко не только указывает издания, по которым Мережковский цитировал произведения Толстого и Достоевского, но и приводит цитаты по академическим собраниям сочинений этих писателей, что дает возможность современному исследователю воспользоваться комментариями как ценным источником для собственной работы. Аналогичным образом представлена и так называемая «иностранная» часть комментариев. Обращаясь к изданиям сочинений Ипполита Тэна, Иоганна Гёте, Фридриха Ницше и др. на французском и немецком языках, Е. Андрущенко параллельно указывает источники и по современным изданиям трудов иностранных авторов. Комментатор при этом проявляет широкую эрудицию и компетентность в тех публикациях, которые бытовали в интеллектуальном окружении Мережковского и неизменно сопровождали его литературную деятельность. Высокий научный уровень комментаторского раздела в целом позволяет глубже и точнее уяснить круг многообразных идей, волновавших Мережковского, и более объективно понять и оценить характер его исследовательской методологии.

В статье Андрущенко «Книга “Л. Толстой и Достоевский” в творческой биографии Д. Мережковского» рассмотрены перипетии возникновения и последующего движения замысла писателя; дана история создания и публикации текста; описаны особенности его структуры и методологические позиции ав-

¹ См. об этом подробнее: [Андрущенко, 2012, с. 80–128].

² См.: [Сейрон, 1895; Левенфельд, 1904].

тора; указаны источники сведений о жизни Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского; проанализированы литературоведческие открытия, не потерявшие своей ценности по сей день; прослежена история «Заключения» к первой публикации, ставшего после существенной переработки предисловием к разделу «Религия». При этом Андрущенко опирается на письма и статьи Мережковского соответствующего периода, учитывает многообразные факты и тенденции, обуславливающие широкий общественный и культурный контекст эпохи. Значительное место в статье уделено анализу многочисленных откликов на публикацию сначала первых двух частей книги, а затем и дискуссионным выступлениям уже с участием самого писателя, касающимся издания последней части книги. В частности, охарактеризованы малодоступные сейчас журнальные публикации Константина Арсеньева («Новая форма старой мечты», Вестник Европы, 1901), Ангела Богдановича («Критические заметки», Мир божий, 1901), Сигмы («Опыт мистической критики», Новое время, 1901), Николая Коробки («Из жизни и литературы. Г. Мережковский о Толстом и Достоевском», Вестник и библиотека самообразования, 1901) и др.

Необычным для академического издания, но очень полезным как для литературоведов-филологов, приступающих к изучению творчества Мережковского, так и для его знатоков является список избранных трудов русских и иностранных ученых, посвященных непосредственно книге «Л. Толстой и Достоевский» (с. 578–580). Стоит особо подчеркнуть, что Андрущенко в сопроводительной статье, опираясь на принципиально значимые научные труды, не только подводит итоги в изучении книги Мережковского, но и выдвигает ряд новаторских идей. Так, например, автор статьи привлекает внимание к «проекту» Мережковского по «объединению православия с самодержавием», намеченному писателем в «Заключении»; высказывает суждение о возможности движения Мережковского (при другом стечении обстоятельств) по пути «консервативного направления русской мысли»; допускает предположение, что именно «идея православного государства предопределила ироническое отношение современников к его новому проекту Церкви Третьего Завета» и др. Наблюдая за сложными процессами поисков пути возможного религиозного развития, Андрущенко приходит к выводу, что для Мережковского

<...> выбор стоит между атеизмом, вырождением и религией «последнего великого соединения, великого Символа», религией «Второго, уже не тайного, скрытого, как первое, а явного Пришествия в силе и славе» — религией Конца. Два русских писателя осмыслены им, как пророки этой религии. Л. Толстой и Ф. Достоевский венчают, <...> совершенное здание русской культуры, будущее

которой неясно. Д. Мережковский соотносит русских писателей с двумя гениями Возрождения — Леонардо да Винчи и Микеланджело, значение творчества которых вышло далеко за пределы искусства и обрело религиозный смысл. Он представляет две пары значимых имен: Л. Толстого и Микеланджело как художников плоти — в слове и в красках, Ф. Достоевского и Леонардо да Винчи как художников духа, но отмечает их одинаковую односторонность в крайностях воплощения разных полюсов. И если своего рода примирителем этих тенденций в эпоху Возрождения стал Рафаэль, то в русской культуре гений, объединяющий крайности, предшествовал Л. Толстому и Достоевскому. Автор книги предрекает появление нового гения, будущего Пушкина, который не только объединит в своем творчестве обозначенные крайности, но и окажется первым предвестием «русского синтеза», соединения, подлинной религиозной гармонии.

(С. 771)

Статья Е. А. Андрущенко, безусловно, выполняет свое прямое предназначение, давая читателю глубокое и полноценное понимание роли, места и значения книги «Л. Толстой и Достоевский» в творческой биографии Мережковского.

Десятый том собрания сочинений Д. С. Мережковского полностью отвечает всем необходимым требованиям, предъявляемым к современным академическим изданиям, а также являет собой один из лучших образцов классической студии осмысления, комментирования и презентации исследовательского текста. Издание книги «Л. Толстой и Достоевский» значимо не только для современного мерезковсковедения, но и полезно для начинающих исследователей, студентов, любознательных читателей, интересующихся русской литературой и ее историей как классического XIX, так и Серебряного века.

Список источников

Андрущенко Е. А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. 244 с.

Бердяев Н. А. Новое христианство: Сб. ст. 1916–1917 гг. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 161 с.

Левенфельд Р. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произведения и мирозерцание / пер. с нем. [и предисловие] В. А. Перельгиной. М.: Изд. Д. П. Ефимова, 1904. 318 с.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Изд. подг. Е. А. Андрущенко. М.: Наука, 2000. 588 с. (Серия: Литературные памятники).

Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. М.: Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914. (Серия: Библиотека «Русского Слова»). Т. IX–XII.

Мережковский Д. С. Собрание сочинений: В 20 т. / сост., подг. текста, послесл., коммент. Е. А. Андрущенко, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.: Дмитрий Сечин, 2017. Т. 8: Вечные спутники. 447 с.

Мережковский Д. С. Собрание сочинений: В 20 т. / сост., подг. текста, послесл., коммент. О. А. Коростелева и Е. А. Андрущенко при участии А. В. Журбиной, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.: Дмитрий Сечин, 2017. Т. 14: Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада; Атлантида-Европа. 807 с.

Мережковский Д. С. Собрание сочинений: В 20 т. / сост., подгот. текста, послесл. А. А. Холикова; примеч. А. А. Холикова при участии О. А. Коростелева, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.: Дмитрий Сечин, 2019. Т. 9: О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы: Статьи 1880–1890-х гг. 338 с.

Сейрон А. Шесть лет в доме графа Льва Николаевича Толстого: Записки г-жи Анны Сейрон: с портр. гр. ("Graf Leo Tolstoi" von Anna Seuron. Herausgegeben und mit eine Einleitung von Eugen Zabel. Berlin 1895) / [сокр.] пер. с нем. С. [А.] Сергиевского. СПб.: Центральная типо-лит. М. Я. Минкова, 1895. 108 с.

References

Andrushchenko, E.A. (2012) *Vlastelin «chuzhogo»: tekstologiya i problemy poetiki D.S. Merezhkovskogo [Lord of the "Alien": Textual Criticism and Problems of D.S. Merezhkovsky's Poetics]*. Moscow: Vodolei.

Berdyayev, N.A. (2015) *Novoe khristianstvo: Sbornik statei 1916–1917 gg. [The New Christianity: Collection of Papers 1916–1917]*. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

Levenfel'd, R. (1904) *Graf L.N. Tolstoi, ego zhizn', proizvedeniya i mirosozertsanie [Count L.N. Tolstoy, His Life, Works and Worldview]*. Transl. from the German [and Introduction] by V.A. Perelygina. Moscow: Izd. D.P. Efimova.

Merezhkovskii, D.S. (1914) *Polnoe sobranie sochinenii: v 24 tomakh. Tom IX–XII [Complete Works: in 24 vols. Vols IX–XII]*. Moscow: Izdanie Tovarishchestva I.D. Sytina. (Seriya: Biblioteka «Russkogo Slova»).

Merezhkovskii, D.S. (2000) *L. Tolstoi i Dostoevskii [L. Tolstoy and Dostoevsky]*. Ed. by E.A. Andrushchenko. Moscow: Nauka. (Seriya: Literaturnye pamyatniki).

Merezhkovskii, D.S. (2017) *Sobranie sochinenii: V 20 tomakh. Tom 8: Vechnye sputniki [Collected Works: in 20 vols. Vol. 8: Eternal Companions]*. Comp., preparing of text, afterword, comments by E.A. Andrushchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Dmitrii Sechin.

Merezhkovskii, D.S. (2017) *Sobranie sochinenii: V 20 tomakh. Tom 14: Taina Trekh: Egipet i Vavilon; Taina Zapada; Atlantida-Evropa [Collected Works: in 20 vols. Vol. 14: The Mystery of the Three: Egypt and Babylon; The Mystery of the West; Atlantis-Europe]*. Comp., preparing of text, afterword, comments by O.A. Korostelev & E.A. Andrushchenko with participation of A.V. Zhurbina, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Dmitrii Sechin.

Merezhkovskii, D.S. (2019) *Sobranie sochinenii: V 20 tomakh. Tom 9: O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoi russkoi literatury: Stat'i 1880–1890-kh gg. [Collected Works: in 20 vols. Vol. 9: On the Causes of Decline and on New Trends in Modern Russian Literature: Articles of the 1880–1890s]*. Comp., preparing of text, afterword by A.A. Kholikov; comments by A.A. Kholikov with participation of O.A. Korostelev, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Dmitrii Sechin.

Seiron, A. (1895) *Shest' let v dome grafa L'va Nikolaevicha Tolstogo: Zapiski g-zhi Anny Seiron: s portr. gr. ["Graf Leo Tolstoi" von Anna Seuron]*. [Abbreviated] transl. from the German by S.[A.] Sergievskii. St. Petersburg: Tsentral'naya tipo-lit. M.Ya. Minkova.

Информация об авторе: Л. Ф. Луцевич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и межкультурных исследований Института специальной и межкультурной коммуникации факультета прикладной лингвистики Варшавского университета. Адрес: Polska, 00-312, Warszawa, ul. Dobra, 55.

Information about the author: L. F. Lutsevich — DSc in Philology, Professor of the Department of Literature and Intercultural Studies at the Institute of Special and Intercultural Communication, Faculty of Applied Linguistics of the Warsaw University. Address: 55 Dobra ul., Warszawa, 00-312, Polska.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 21.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 236–244.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 236–244.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-236-244

О КНИГЕ Г. А. ЛАНДАУ «СУМЕРКИ ЕВРОПЫ»

Рецензия на книгу: Ландау Г. А. Сумерки Европы.

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 360 с. (Серия «Письмена времени»)

Екатерина Андреевна Гуреева

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

eagureeva@edu.hse.ru

Благодарности: Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гуреева Е. А. О книге Г. А. Ландау «Сумерки Европы» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 236–244. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-236-244>.

Academic Life. Reviews

ABOUT THE BOOK OF G. A. LANDAU *TWILIGHT OF EUROPE*

Book review: Landau G. A. *Twilight of Europe*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. 360 p. (Series “Letters of Time”)

Ekaterina A. Gureeva

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, eagureeva@edu.hse.ru

Acknowledgments: The review was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

© Гуреева Е. А., 2022

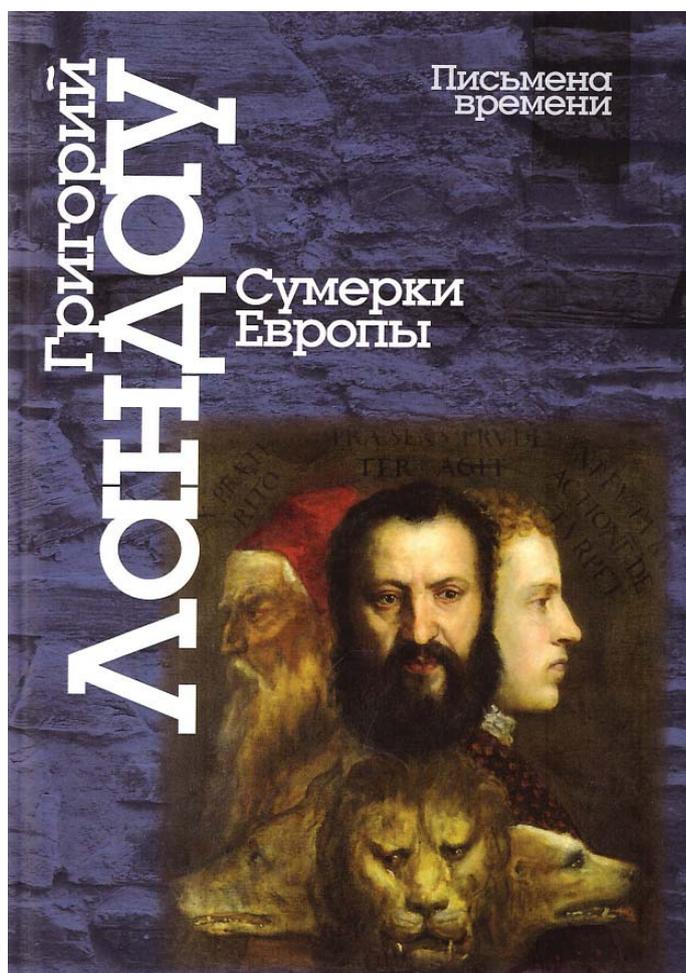

For citation: Gureeva, E.A. (2022) 'About the Book of G.A. Landau *Twilight of Europe*', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 236–244. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-236-244.

Григорий Адольфович Ландау (1877–1941) — философ и культурфилософ русского зарубежья, имя которого долгое время оставалось в сумерках, в тени. Он был неудобным мыслителем, «чужаком решительно во всех лагерях» [Степун, 1956, с. 301–303], но не мог не вобрать в себя весь дух переживаний трагедии Первой мировой войны, первых революций и их эсхатологическое влияние на развитие цивилизации.

Книга впервые издается в России лишь спустя век после первой и единственной публикации в Берлине в 1923 году. Однако актуальность переиздания очевидна: моральное затмение и ненависть, раздробленность и война, о которых пишет мыслитель, окутали весь мир, всю Европу в частности. В предисловии Г. А. Ландау отмечает, что книга писалась долго, на протяжении восьми лет: в моменты первого предвидения предстоящего упадка, в моменты духовной блокады военных лет и в моменты нестабильности, хождения над пропастью в период эмиграции, жизни на чужбине. Некоторые главы книги представляют собой статьи, напечатанные в «Северных записках» в разное время. Основная задача философа — понять и осветить произошедшее, проанализировать важнейшие последствия катастрофы для Запада, менее наглядные для нас, рассказать свою правду, слушать ей и созерцая ее непреклонно.

Название книги явно перекликается с названием труда «Закат Европы» (“*Der Untergang des Abendlandes*”), в котором его автор Освальд Шпенглер констати-

рует упадок и гибель культуры западного мира. Несмотря на общую канву размышлений двух философов, они описывают и приходят к разным выводам: Ландау, в отличие от Шпенглера, полагает, что нынешние сумерки и нынешняя болезнь не ведут к неизбежной смерти европейской цивилизации. Он считает, что после великого срыва жизнь так или иначе продолжается, но в новых формах (с. 228). В этом плане мыслитель, с одной стороны, остается довольно категоричен в собственном отношении к культуре Запада, с другой — оставляет пространство для идейного развития концепции «сумерек Европы».

В качестве послесловия публикуется статья И. Ю. Зая, в которой труд Г. А. Ландау встраивается в общекультурный, общеполитический, общевременной контекст. Отмечается, что автор предвосхитил, опередил свое время, ведь всё написанное им было и актуально для переживших Вторую мировую войну, и актуально для нас, живущих сейчас, переживающих локальные гибридные войны, раздробленность народов и наций, повсеместную ненависть и раздражение. И. Ю. Зая переносит высказанные Г. А. Ландау тезисы в область современной культуры и межкультурной коммуникации, отмечая, что труд Ландау может помочь более трезво взглянуть на взаимодействие Запада и России, их спасение, спасение мировой цивилизации, которая сейчас находится на грани. Так, удачным оказывается протяженное время написания книги, которое позволило захватить как интерпретации культуры непосредственно во время войны, так и довоенное и послевоенное время, что в конечном итоге позволяет проводить аналогии, видеть цикличность исторических процессов, о которых говорит И. Ю. Зая.

Содержание первого раздела книги вращается прежде всего вокруг предпосылок и причин Первой мировой войны: военного максимализма, слабости демократии, военной обстановки в мире; вокруг идей войны, например самоопределения национальностей; а также вокруг идей мира и очевидных последствий войны — ожесточенной взаимной ненависти, повсеместного недоверия и обмана, раздробленности европейской цивилизации. Однако идеи, предлагаемые Ландау, не выходят на достаточный уровень абстракции и ясно выражаются в конкретных исторических примерах, что сужает круг использования теоретической рамки, представленной в тексте.

Г. А. Ландау называет воинствующее миротворчество, максимализм военных целей, выразившийся в лозунге Антанты «Вечный мир», первыми и одними из основных причин войны¹. Война парадоксально оправдывалась

¹ В этом смысле размышления Г. А. Ландау могут быть встроены в полемику с Бентамом или Кантом, а также с русскими философами В. С. Соловьевым и К. Н. Леонтьевым о возможности и осуществимости Вечного мира.

всечеловеческой, внеисторической, абсолютной и священной задачей, миром и пацифизмом, последующими после войны. Военный максимализм проявлялся и в беспредельности жертв, в войне «до конца», чтобы никогда больше не было ни жертв, ни ужасов, чтобы воцарился вечный мир. И именно этот военный максимализм послужил почвой для появления и активного развития максимализма националистического и социального (с. 41). Все цели гуманитарно-идеалистического максимализма были направлены в первую очередь на результаты в будущем, но война во имя предполагаемого будущего — преступление, потому как будущее неисповедимо и каждая капля крови, каждая гибель, случившаяся не для задач исторического дня, не для настоящего, есть жертва напрасная (с. 42–43). Потому-то Ландау и отмечает, что война может быть оправдана не максимализмом поставленных целей и задач, а их минимализмом, их предельной необходимостью.

Предпосылками к возникновению максимализма стала гордыня неограниченных преодолений, уверенность в человеческом могуществе в начале века (с. 48). Культурное ощущение расцвета и самоощущение превосходства было перенесено на задачи войны, перешло к социальному самоощущению. Духовно-господствующие круги подтолкнули к этому массы, разожгли в них огонь и страсть к строительству «идеального» мира, а они в свою очередь превратились в действующую силу этого максимализма.

В этом, как утверждает Г. А. Ландау, есть вина и демократического строя, в котором для управления народом, способным и готовым в любой момент распасться на многочисленные самодовлеющие группы, необходима сильная власть, направляющая массы и сплачивающая их, вызывающая в них индивидуальные стихийные переживания для поддержания государственной необходимости. Власти развивают в массе ненависть и презрение к врагу, взвинчивают ее и ослепляют святостью поставленных и преследуемых задач. В основе разрушительной идейности военного и послевоенного времени лежит духовность массового человека, мещанина, перенесенная на государственность (с. 145). Остановить массу и управлять ею — задача невыполнимая, поскольку остановить войну на половине пути, чтобы избежать жертв или больших разрушений, было уже невозможно, как и остановить или предотвратить многовековую ненависть, моральное затмение. Между народами Запада на долгое время устанавливается тяжесть общения, ненависть и обман. Мир обменивается товарами, но не людьми и не идеями (с. 25). Сумерки Запада — это и культурное затмение. Война привела к концу эпохи общеевропейской культуры, к расщеплению и разрушению ее на отдельные локальные культуры, ослабевшие в силу своей раздробленности (с. 32).

К подобной же раздробленности могла привести и идея самоопределения национальностей, их государственного выделения, ставшая продолжением идей максимализма, которая исключает возможность говорить о Европе как о целостном политическом и культурном субъекте. Г. А. Ландау отмечает, что выделение этнических групп в отдельные государства могло привести не только к социально-правовым и экономическим негативным последствиям, но и к общекультурным. Дробление и провинциализация культур ослабили бы человечество, замедлили накопление им культурной мощи и сделали бы невозможным разрешение великих задач (с. 88–89). Самоопределению, которое провозглашала Антанта, был противопоставлен империализм Германии. Консервативно-регрессивному было противопоставлено творческо-прогрессивное. Охранительство противопоставлено творчеству.

Г. А. Ландау выделяет две черты заключенного мира: он был предопределен инерцией войны, которая была и силовой, и идейной, — инерцией дел и слов. Мир приобрел разрушительное значение в силу неограниченности и отсутствия механизмов сдерживания победителей. Созданная Лига Наций, которая как бы воплощала идею Вечного мира, единства народов в совокупности с сохранением самостоятельности наций и народов, по мнению мыслителя, не справляется с возложенными на нее задачами: не устраняет зависимость малых государств от больших, а лишь усугубляет разрыв, создавая и обостряя конфликты. Лига Наций является лишь продолжением военной идеологии. Любой механизм, созданный по инерции войны, становился бы продолжением такой идеологии, а способом ее избежать стало бы только «насаждение» механизма извне странами с более успешным опытом, которые не были включены в конфликт. Продолжением военной идеологии является и гражданско-правовой подход к восстановлению мирной жизни, связанный с выплатой репараций, контрибуций и аннексиями. Инерция направлена в первую очередь на индивидуальное и восстанавливающее, а не на общее историческое и творческое движение, а потому приводит к прежнему устройству мира. По Ландау, восстановление невозможно, поскольку объективно немислимо возместить и вознаградить нанесенный войной ущерб, особенно ущерб и трагедию, привнесенные в жизнь каждого отдельного человека. Единственное, что можно сделать всем пережившим и перестрадавшим подобные великие крушения, — постараться понять изнутри и оценить произошедшее, закрепить пережитое и познанное в мыслях, оценках и образах.

Вторая часть «Сумерек Европы» посвящена рассмотрению и анализу последствий войны и мирного соглашения для двух коалиций — европейской, во главе которой находилась Германия, и мировой, образованной Францией.

Г. А. Ландау выделяет несколько тенденций, характерных для мировой коалиции. Среди них, например, тенденция к распаду на составные части в борьбе за добычу, а также тенденция закрепления в мирной организации той гегемонии, которая была выработана в военное время.

Мыслитель отмечает, что после заключения мира Франция осталась с Германией один на один, а Англия и Америка отошли в сторону. Ключом к пониманию европейского положения послевоенного времени, как утверждает Ландау, является парадоксальная формула «победитель слабее побежденного». Побежденная Германия потенциально сильнее победившей Франции. Потенция эта заключалась в численности, уровне грамотности, организованности, распорядительности, накоплении и распространении знаний. Германская коалиция претерпела несравненно больше Антанты, но всё же Франция претерпела больше Германии. Однако остается неочевидным, как именно потенция Германии становится более влиятельной, чем идеологическое поражение.

Главным и самым важным последствием для Франции в историческом смысле стало ее положение «меж двух огней»: она могла стать либо англо-американским вассалом, чтобы чувствовать защищенность и удовлетворенность в результатах войны, либо остаться победителем, который слабее побежденного. Этим положением определяется последующая послевоенная политика, Версальская и послеверсальская. Франция не могла выйти из этого положения путем сохранения военных союзов, а потому следовало искать пути умаления сил противника, то есть Германии, нанесения ей ущерба, который покрывал бы собственные потери. Заключение Версальского мира удовлетворило желание Франции нанести непоправимый урон Германии: Германия лишалась частей своего населения, земли, недр и культуры. Этими действиями подавлялся культурнейший народ, его производительная и творческая сила. И этим же был нанесен крупный ущерб не только Германии, но и Европе в целом. Она разрушалась, самоуничтожалась. Франция, устраивающая гегемонию в Европе, не только помешает другим странам творить, но и сама перестанет это делать: «образ тюремщика, лишь немногим более свободного, чем заключенный, которого он сторожит на уединенной, морем обмываемой скале, — вечный символ подобных отношений» (с. 190).

На первый план выходит парадокс, в котором, с одной стороны, налицо единый политический субъект, наполненный внутренними конфликтами, не разрешающимися так, чтобы привести к максимизации политической, культурной и идеологической целостности, с другой — эти внутренние конфликты всеобщее приближают конец культуры. Такое амбивалентное влияние

внутренних конфликтов приводит к необходимости непосредственного рассмотрения их природы, в частности природы милитаризма государств-антагонистов.

Ландау отмечает, что в современном обществе индустриализм не противопоставлен милитаризму; мир — основа войны, потому как на войне используются в первую очередь умения, навыки, организация и ценности мира, достижения науки и труда, мораль и общественный дух. Фронт всегда опирается на тыл. Самодовлеющего милитаризма в современности быть не может, потому что не могут задачи гражданского общества быть отделены от задач военных. Милитаризм Франции и милитаризм Германии — два разных современных милитаризма. Одни старались реализовать задачу самообороны и защиты, другие — задачу творческого роста страны. Для одних он являлся орудием оборонительного движения, для других — наступательного. Первые своим милитаризмом губят мир и Европу, их культуры, вторые — заставляют их развиваться, расти (с. 208–217).

Война была неизбежна потому, что Германия развивалась и разрасталась очень активно, а другие европейские и мировые народы не хотели допустить такого ее роста. У одних вина — в творчестве и деятельности, у других — в сохранении завоеванных или созданных ранее благ. Невозможно решить спор между творчеством и самосохранением мирным путем, без силового утверждения (с. 236–238).

После войны главной задачей Германии и Европы стал не реванш, а восстановление. Ландау предположил, что найти опору и силы для этого Германия может в странах Средней Европы, что придаст ей новый вид, новое распределение центров, но, в сущности, не изменит того положения новой Европы, которое расположило центр ее тяжести в северо-центральной части, в Германии.

Этническое самосознание Ландау наталкивает его на рассуждение о тесно связанных с западноевропейской культурой самых близких ему народах — евреях и русских, которые, как и он сам, оказываются в послевоенное время в уязвимом положении. Тягчайший удар был нанесен восточноевропейскому еврейству: война непрерывно проходила на территориях, населенных евреями, которых бедствия войны и военных мер коснулись напрямую. Судьба европейского еврейства теснейшим образом связана с судьбой восстановления Европы в целом, Германии и России в частности. Линии европейских судеб на тот момент были не ясны: останется ли Европа в развалинах или найдет силы воскреснуть? Ответ на этот вопрос каждый может дать сейчас, оглядываясь на вековые мировые события, будь то Февральская и Октябрьская революции, Вторая мировая война или современные вооруженные конфликты.

Третью часть «Сумерек Европы» Ландау начинает с разговора о развитии культурного взаимовлияния стран всего мира, которое происходит с развитием технологий. Все страны открыты к сотрудничеству ради следующих поколений, ради «перехода к новому». На их фоне Европа предстает пессимистичной, исчерпавшей себя для культурного подвига. Угасание Европы, как отмечает Ландау, происходит насильственным путем, что дает повод подумать о том, действительно ли исчерпаны ее творческие возможности. Гибель Европы от порочности и исчерпанности имеет мало общего с представлением о конце европейской культуры, поскольку этот конец связан с ее внутренней эволюцией и завершенностью (в смысле законченностью), что, по Шпенглеру, есть закономерный период любой культуры. Ландау считает важным отразить и сравнить свою концепцию с концепцией Шпенглера, так как существуют различия в их восприятии заката европейской культуры.

Важным в концепции Ландау становится органическая модель культуры, то есть понимание ее как состояний «подвижного равновесия и динамического претворения противоречивых и согласуемых в органическом единстве сил», самодовлеюще функционирующую целостность частей в себе, из себя и для себя (с. 290). Культуре как организму свойственна имманентная противоречивость и сверхнапряжение функций. Новоевропейская культура основывается на динамике и партикуляризме, на идее и факте свободы, на личности и ее инициативах. Это есть культура комплексного мотива, который предполагает восприятие, понимание, созерцание предметов и явлений в их составленности из частей (с. 300). От идеи органического единства через идею функции к идее бесконечностей последовательных мощностей и идее эволюции. Культуре комплексного мотива характерен глубинный реализм: объективное, абсолютное реально, а реальность объективна и абсолютна. Этим определяется основное отличие комплексного миропостроения от формального (Платон — Аристотель) и субстанциального (Бруно — Спиноза). Для эпохи характерно также и отсутствие образа тотальности, и, следовательно, ослабленность религиозного момента.

Новоевропейская культура, полная противоречий и конфликтов, была сильна и полна. Она была самодовлеюще значима, могла стать опорой для всякой будущей возможной культуры, но случилась катастрофа, повлиявшая на всю культуру и жизнь Европы целиком.

Ландау описывает самоубийство Европы, к которому она пришла. Описание это не наполнено злобой или ненавистью, оно, как у Марка Алданова, интеллектуально близкого Ландау, полно тоски и грусти. Оба любили и ценили культуру, созданную Европой, осознавали ее значимость. И тот и другой при-

давали важное значение историческим личностям, случаям как триггерам истории: у Ландау это Клемансо, Бетман-Гольвег, Бисмарк, Вильсон; у Алданова — Владимир Ленин, Наполеон.

Книга дает читателю цельную и детальную картину определенного времени и определенного человека в лице Григория Ландау. С ее помощью контекст изучения философии русского зарубежья может быть значительно расширен. Ландау формирует теоретическую рамку, которая вбирает в себя буквально все сферы общественной жизни, и, рассматривая каждую в отдельности, находит предпосылки, причины и объяснения того, почему европейская культура будет претерпевать изменения и как именно она это будет делать.

Список источников

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. I. 398 с.

References

Stepun, F.A. (1956) *Byvshee i nesbyvsheesya. Tom I [The Past and the Unfulfilled. Vol. I]*. New-York: Publ. named after Chekhov.

Информация об авторе: Е. А. Гуреева — студентка Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: E. A. Gureeva — student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2022;
одобрена после рецензирования 02.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 13.08.2022;
approved after reviewing 02.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 245–253.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 245–253.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-245-253

СЛОВО ПРОТИВ ХАОСА ВЛАДИМИРА КАНТОРА

Рецензия на книгу: Кантор В. К. Русская литература, или Слово против Хаоса — классика и современность / В. Кантор. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. — 464 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

Анна Андреевна Волкова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
aavolkova_14@edu.hse.ru

Благодарности: Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Волкова А. А. Слово против хаоса Владимира Кантора // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 245–253. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-245-253>.

Academic Life. Reviews

WORD AGAINST CHAOS BY VLADIMIR KANTOR

Book review: Kantor V. K. Russian Literature, or Word Against Chaos — Classics and Modernity / V. Kantor. — Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2021. — 624 p. (Series “Russian Propylaea”)

Anna A. Volkova

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, aavolkova_14@edu.hse.ru

Acknowledgments: The review was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Volkova, A.A. (2022) ‘Word Against Chaos by Vladimir Kantor’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 245–253. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-245-253.

Книга Владимира Карловича Кантора — это в буквальном смысле слово против хаоса. Она начинается с пушкинского призыва «на попроще ума нельзя нам отступать», и этот призыв красной нитью проходит сквозь всю книгу, на страницах которой разворачиваются настоящие баталии слова и разума с хаосом и безумием.

«Русская литература, или Слово против Хаоса — классика и современность» является работой, которую нельзя назвать только литературоведческой, или исторической, или филологической, или философской. Она вмещает в себя практически весь спектр гуманитарного знания, даже автобиографические сведения, пытаясь проникнуть в самую суть человеческой природы. В аннотации к книге сказано, что «Владимир Кантор <...> избирает темой своего исследования сопряжение литературы с философией». На мой взгляд, это не совсем так. Владимир Карлович действительно уделяет значительное внимание как заимствованным, так и самостоятельным философским идеям в русской литературе, а также их взаимному влиянию. На страницах его книги можно встретить имена таких философов, как Платон, Августин, Макиавелли, Руссо, Кант, Кьеркегор, Ницше, Камю, Хайдеггер, Шопенгауэр, Лебон, Ортега-и-Гассет, Канетти и другие. Русская литература возникала в философском контек-

сте их идей, становясь частью этого контекста и зачастую ведя с ними диалог. Однако анализ данного взаимопроникновения является скорее методологией, которая позволяет автору решить ряд наиболее волнующих его проблем.

Проблемы, исследуемые Владимиром Карловичем через тексты русских писателей и поэтов, можно условно разделить на три группы. Первая включает в себя взаимодействие России и Европы, участие нашей страны в европейской и мировой культуре, а также судьбу и путь России, ее принадлежность к Европе. Во второй группе анализируются такие явления как массы, вождизм и идеологии, которые поставили в XX веке под угрозу существование цивилизации и человека и явили собой то поле битвы, где слово и разум противостоят творящемуся вокруг хаосу и безумию, стремясь сохранить человека и человеческое. Третья группа проблем — это собственно ответ на вопрос, что же есть человек и человеческое. Здесь автор соотносит свободу и разум, свободу и ответственность, рассуждает о нравственности и нравственных идеалах, поднимает проблему веры во Христа как центра духовной жизни человека.

Выделенные нами проблемные группы автором в книге структурно никак не разделяются и отдельно не обозначаются. Они разбросаны по всему тексту, где-то переплетаясь, где-то снова концентрируясь вокруг одного более узкого вопроса. В то же время сам текст состоит из двух частей. В первой Владимир Кантор проводит самостоятельное исследование текстов классиков, среди которых Пушкин, Чернышевский, Чехов, Степун, Вейдле, Ходасевич, Достоевский, Пастернак. Помещая их в исторический и философский контексты, Владимир Карлович дополняет исследование биографическими сведениями о собственной семье, которая являлась непосредственным свидетелем и участником многих культурно-исторических событий и катастроф XX века, и в особенности главной катастрофы — Второй мировой войны. Последней даже посвящена отдельная глава. Наличие этих биографических сведений делает как автора, так и читателя ближе к описываемым событиям, позволяя их лучше понять и прочувствовать. Структурно и логически главы первой части не сильно связаны и скорее похожи на «сборник» отдельных исследований и рассуждений автора.

Однако они связаны проблемно и в своей последовательности напоминают борьбу слова с хаосом: слово Пушкина, хаос Второй мировой войны, слово Достоевского и его пророческое предвещание апокалипсиса, хаос масс и вождей в безумии фашизма и большевизма, слово Чернышевского и его «новые люди», слово Чехова в борьбе с хаосом идеологий и т. д.

Однако не все те, кто мастерски владеют словом, являются сподвижниками света и разума. Есть и такие, чье слово, часто неосознанно, не борется про-

тив хаоса, а, наоборот, становится его сподвижником и катализатором. К этим авторам Владимир Карлович относит Толстого, Шестова, Ницше. С отсылкой к Бердяеву Кантор видит в нигилизме Толстого, который не верил в чудо Воскресения Христа, отрицал высокое искусство и культуру, в особенности европейскую, а также церковь и государство, причины будущего хаоса, где нигилизм, дойдя в России до крайности, вылился в терроризм, убийство царя-освободителя и большевистскую революцию. Шестов тоже отрицает, но еще радикальнее, — он отрицает разум, призывая от него отказаться во имя свободы. Кантор цитирует И. Федотова: «Шестов ведет героическую борьбу с разумом и добром (с идеализмом), в которых видит самых страшных врагов человеческой свободы», и далее сам продолжает: «Достоевский же говорил, что христианство требует от человека свободы и ответственности. Вот ответственности Шестов и не хотел. А это неразрывная пара понятий, и одно не мыслимо без другого» (с. 157). Шестов, обвиняя Бога во всех человеческих несчастьях, поднимает против него и его законов — нравственных и законов природы — бунт. В своем бунте он ложным образом опирается на «Записки из подполья» Достоевского, видя в русском писателе великого бунтовщика: «Шестов принимает мысли героя за мысли автора, увы!» (с. 152). Однако для Достоевского нарисованный им противник разума есть антигерой. Кантор отмечает, что Шестов был не единственным, кто впал в подобное заблуждение: «На беду писателя, читатели и критики приняли речь Парадоксалиста всерьез, не учитывая, что выход из этого нравственного кошмара для Достоевского один — Христос. Говоря о богохульстве своего героя, Достоевский, на мой взгляд, шел за Кантом, говорившем о человеке как кривом дереве» (с. 155).

Философия отчаяния Шестова в части утверждения принципиального одиночества человека в мире и отказа от нравственного закона близка экзистенциальной философии Ницше. Однако Ницше не отказывался от разума. Он сделал его автономным источником морали для каждого отдельного человека. То есть он отказался только от традиционного понимания нравственного закона, заложенного в христианстве. Забрав роль законодателя у Бога, Ницше отдал ее человеку, поверив в то, что тот сможет стать Сверхчеловеком и самостоятельно через собственный разум наделять жизнь смыслом, в то время как Шестов считал, что разум перед такой задачей бессилён. Они оба стремились, отказываясь от христианства и трансцендентной морали, утвердить свободу для человека, однако в истории утвердился лишь произвол. Владимир Карлович замечает, что и фашизм, и большевизм боролись с христианством. Ницше не пришлось стать свидетелем ни того, ни другого, однако Шестов, «увидев победу иррационализма в России, победу большевизма, обвинил в этом Бога

как носителя зла» и критиковал большевиков за то, что они «не верят в знание, не верят даже в ум». «Поразительно, — пишет В. Кантор, — что, вроде бы видя в рацио главного врага человека и его свободы, Шестов на самом деле в ужасе от иррационализма» (с. 159). По мнению автора, победа большевиков и иррационализма сделалась возможной потому, что русский народ оказался не христианским и сам же, часто без приказов сверху, разрушал храмы, покусившись на, казалось бы, самое святое. Таков русский нигилизм.

В Ницше Шестов видел продолжателя Достоевского, но, рефлекслируя схожие проблемы — кризис христианства, «восстание масс» и возрождающийся интерес к язычеству, — два этих великих мыслителя, как пишет В. Кантор, решали их по-разному:

Ницше философствовал молотом, переоценивая все ценности, а большей частью сокрушая их, сформулировав, строго говоря, две оказавших влияние идеи, — сверхчеловека и волю к власти <...>. Достоевский не искал неведомого сверхчеловека, видя, что в истории таковой уже состоялся (Христос), он опирался на этот конкретный идеал, который не укореняется как норма жизни в массе человечества, но указывает вектор движения, некую возможность, которая каждый раз может вытащить человечество из очередного исторического провала.

(С. 199)

Крайне важно, и это отдельно отмечает Владимир Карлович, что Христос является идеалом, который указывает только направление движения. В этом и заключается трансцендентная суть христианства, принципиально отличающая его от идеологий, которые обещают построить «рай на земле» и им же оправдывают насилие, применяемое для укоренения некоторой нормы поведения в массах. Противником идеологий был и анализируемый в 7-й главе рецензируемой книги Антон Павлович Чехов: «В надвигающуюся эпоху идеократий, каждая идеология объявляла свое учение окончательной и настоящей правдой. Писатель предложил ответ. “Никто не знает...”» (с. 120). Чеховский ответ напоминает сократовское убеждение в собственном незнании, которое он противопоставлял засилью софистического мнения, заменившего знание. Это сократовское убеждение не есть скептический отказ от познания. Оно есть отказ от чувства гордыни, которым преисполняются «знающие» люди, а также постоянное сомнение, которое, наоборот, подвигает стремиться к знанию, никогда не останавливаясь на проделанном пути. Оно напоминает о необходимости различать мнение и знание, не выдавая первое за второе, о том, что

путь к знанию — всегда индивидуальный. Это убеждение есть подлинная любовь к мудрости во всех ее проявлениях.

Однако эпоха идеократий всё-таки состоялась. В книге братьев Стругацких «Трудно быть богом» есть замечательный диалог:

— Я боюсь тьмы.

— Темноты?

— Темноты тоже. В темноте мы во власти призраков. Но больше всего я боюсь тьмы, потому что во тьме все становятся одинаково серыми.

[Стругацкий А., Стругацкий Б., 1992, с. 197]

Кажется, в эпоху идеократий тьма смешалась с темнотой, опустившись на человечество, и одной из причин этого стали бездуховные серые массы, вышедшие на сцену истории в качестве главных действующих лиц. В. Кантор посвящает явлению масс отдельную главу, в которой опирается на теории Лебона, Ортега-и-Гассета, Канетти. «Большую частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами и даже чувствует себя при этом покинутой» (с. 80). Этим пользовался Гитлер, опираясь на психологию масс, этим пользуются все вожди масс. Вождь — это тот, кто «без колебаний переступает мистическую черту, отделяющую жизнь от смерти» (с. 83), кто убежден в том, что он тварь, правоимеющая, а не дрожащая. Особенно интересным в указанной главе представляется анализ большевистской революции при помощи образов, используемых Канетти в его теории масс. Так, В. Кантор сравнивает Ленина с черепом, где череп символизирует способность без всяческих колебаний перейти ту самую мистическую черту: «Главный череп как владыка других творит всё новые и новые» (с. 86). И второй значимый термин, заимствованный Кантором у Канетти, — это термин «выживший», или «переживший», в котором возникает символ мавзолея. «Главный мертвец в стране, даже не мертвец, а выживающий, выживший, когда остальные умерли» (с. 87), выжил, окончив, или даже продолжив, свой путь в мавзолее. Темноте «живой смерти» может противостоять только свет «живой жизни», который каждый должен сохранять в себе — через Слово, Веру, Любовь. Не потому, что свет когда-либо сможет окончательно победить:

По убеждению Достоевского, Христос в этом мире, как я уже говорил, победы не имеет. И это нисколько не противоречит евангельским текстам, где Христос исцеляет и воскрешает. Речь ведь идет о возможности окончательной победы над злом в сем мире. А тут он бессилен. Как я полагаю, в Евангелии на-

писан великий смысл — на все времена: добро всегда унижено и распято, оплевано народом, тем народом, к которому доброе нисходит, более того, на Земле Его победа и невозможна. «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36).

(С. 193)

Каждый должен сохранять в себе свет, потому что это единственный способ не дать тьме его поглотить и одержать окончательную победу над Человеком.

Еще одна важная и очень актуальная сегодня проблема, затрагиваемая автором, — взаимоотношение России и Европы. Здесь В. Кантор последовательно придерживается позиции, выраженной им в книге «...Есть европейская держава»: Россия, трудный путь к цивилизации» (1997): «Если Россия не европейская держава, то ее путь ведет в никуда» (с. 13). Эта позиция им обозначается в интервью аргентинскому изданию “Zona Clarin”, помещенному в самом начале книги. Он заявляет: «Начало этому процессу было положено крещением Владимиром Святым в X веке своих поданных в христианскую веру, то есть религию европейскую. Петр просто вернул Россию к ее началу». Помимо Петра для автора крайне важна фигура Александра Пушкина. В. Кантор цитирует Д. Мережковского: «В сущности, Пушкин есть донныне единственный ответ, достойный великого вопроса об участии русского народа в мировой культуре, который задан был Петром. Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию» (с. 25). Под лозунгом «с веком наравне» Пушкин несет в Россию Просвещение — именно через него Кант проникает в Россию. Он не осуждает «чужое», в отличие от Толстого, а призывает его принять и понять.

«Противопоставляя русскую особость европейской духовности, Толстой думал, что тем самым преодолевает Запад. Пушкин же шел европейским путем, понимая, что это единственная возможность для России» (с. 33). Выбор европейского пути — пути разума — не подразумевает отказ от Родины и нелюбовь к ней. Он подразумевает принятие общечеловеческих ценностей в качестве основы для своих особых национальных ценностей. Условно, французы, будучи европейцами, не перестают быть французами со своими национальными особенностями, самосознанием и культурой. По убеждению Владимира Карловича, такая культурная открытость — есть путь подлинного русского европейца.

«Почвенничество, замыкающее личность в тождестве этноса и страны, есть провинциализм, так сказать, топографический. Но западничество, фетишизирующее современность и прогресс, предстает как провинциализм хронологический» [Аверинцев, 2002, с. 10], — цитирует В. Кантор С. Аверинцева, и с этой цитатой сложно не согласиться. Стоит добавить, что не только Россия

не должна отрешиваться от Европы, но и Европа во имя своих ценностей не должна отрешиваться от России, потому что судьба европейской цивилизации зависит от судьбы России — так было в Отечественную войну 1812 года, во Вторую мировую войну и будет в любых кризисных ситуациях.

Вторая часть книги, в отличие от первой, задумана как сборник. Здесь собраны когда-то опубликованные и некоторые ранее неопубликованные отклики автора на труды его коллег-современников и друзей, зарубежных и отечественных, среди которых Каролина де Мэг-Соеп, Леонид Люкс, Сергей Аверинцев, Анджей де Лазари, Томаш Гарриг Масарик, Ассен Игнатов, Диана Томпсон, Николай Голуб, Максим Светланов, Владимир Кормер и многие другие: поэты, писатели, художники, политики, ученые, философы. Разброс тем очень широк — от женской эмансипации в русской литературе и возможности «третьего пути» для России до вечных тем любви и нравственности, но все они так или иначе затрагивают указанную ранее проблематику, вокруг которой строится книга. Признаюсь, не до конца понятно, какое отношение к проблематике книги имеет отклик на публикацию дневников Фаины Раневской. Однако ее творчество, как и всех других талантливых людей, чьи имена упоминаются во второй части книги, образует исторический, культурный и интеллектуальный «рельеф» времени, в котором они творят. Книгу завершают две статьи, посвященные юбилеям Ивана Бунина и Федора Степуна.

Книга В. Кантора слишком широка, чтобы охватить в рецензии весь спектр проблем и тем, которые она затрагивает. Владимир Карлович собирает слова великих, талантливых, уважаемых и признаваемых им людей как пазлы в одну пусть пеструю, но единую картину. В этой картине открывается его собственный взгляд на историю и человека. В. К. Кантор говорит голосами авторов, которых исследует и которым откликается, но в этом многоголосье достаточно отчетливо слышится его собственный голос, взывающий к любви, добру и человечности. Сегодня, когда темнота вновь нависает над светом разума и норовит его поглотить, проблемы, которые поднимает рецензируемая книга, а также поиск их решений, который она осуществляет, оказываются как нельзя актуальными. Поэтому хочется сказать спасибо Владимиру Карловичу за его слово против хаоса, которое нужно как никогда в это непростое время.

Список источников

Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 167 с.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века. Повести. М.: Текст, 1992. 416 с.

References

Averintsev, S.S. (2002) «*Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...*» Vyacheslav Ivanov: *put' poeta mezhdu mirami* [“*The birdhouse of free citizens...*” Vyacheslav Ivanov: *The Path of the Poet between the Worlds*]. St. Petersburg: Aleteiya.

Strugatskii, A., Strugatskii, B. (1992) *Popytka k begstvu. Trudno byt' bogom. Kishchnye veshchi veka. Povesti* [*Escape Attempt. It's Hard to be a God. Predatory Things of the Century. Novels*]. Moscow: Tekst.

Информация об авторе: А. А. Волкова — студентка Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: A. A. Volkova — student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2022;
одобрена после рецензирования 01.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

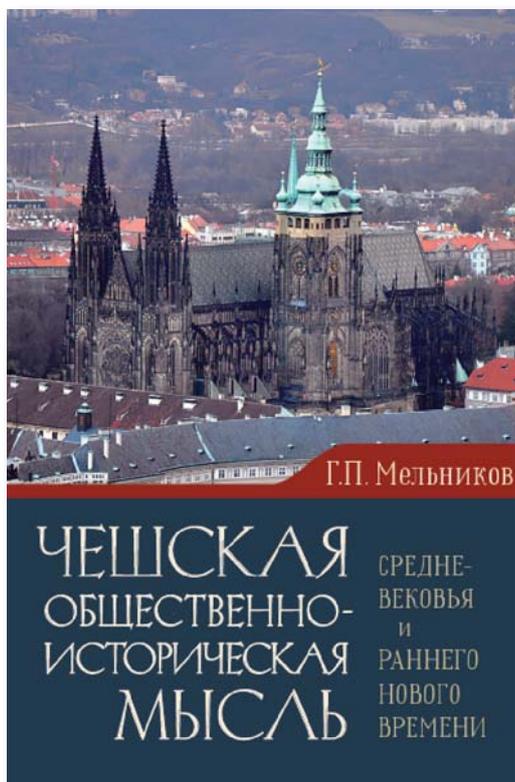
The article was submitted 13.08.2022;
approved after reviewing 01.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 254–255.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 254–255.

ЗЕРКАЛО ГУТЕНБЕРГА

Редакция журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» представляет читателю новые книги, вышедшие в 2022 году

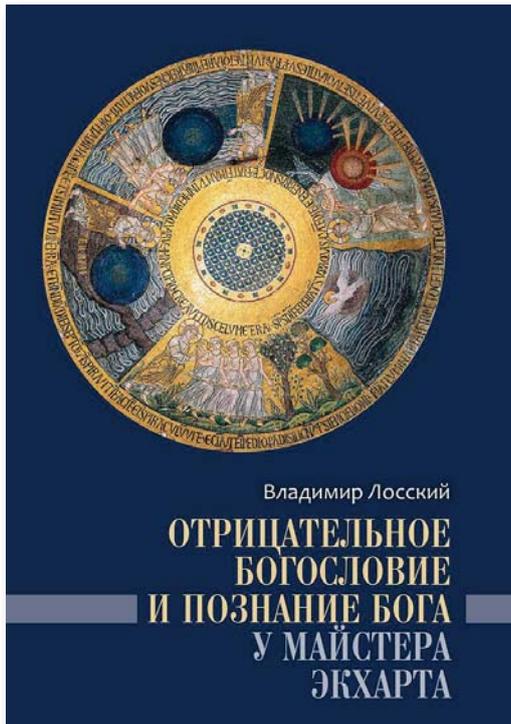
Мельников Г. П. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и раннего Нового времени. — М.: Индрик, 2022. — 536 с., ил.

Книга показывает развитие общественно-исторической мысли в Чехии — «сердце Европы», как считали не только чехи, но и другие европейцы. Рассматривается огромный исторический период с X по начало XVII в., когда страна постепенно превратилась из крупного славянского княжества в центр Священной Римской империи, достигнув своего апогея в XIV в. при Карле IV, в XV в. встала в авангарде борьбы за реформирование католической церкви (гуситское движение), в эпоху Ренессанса и Реформации являла собой образец толерантности посреди

религиозных войн, сотрясавших Европу, но в начале XVII в. потеряла самостоятельность в результате политической и конфессиональной борьбы сословий с властью Габсбургов. Главными источниками анализа служат средневековые хроники и другие сочинения эпохи, дающие основания для реконструкции общественно-политической мысли каждого из исторических периодов развития Чешского государства. Основное внимание уделяется таким важнейшим аспектам, как взаимоотношения верховной власти и общества, складывание, трансляция и реинтерпретация исторической традиции и исторической памяти, использование исторической аргументации в политике, формирование устойчивых государственно-исторических и патриотических представлений, развитие этнического самосознания и его отражение в письменных памятниках.

ках Средневековья. Прослеживаются трансформации одной из центральных идеологием — чешского патриотизма — в различные исторические периоды, в разных социальных и конфессиональных группах чешского общества.

Книга, основанная на обширном материале источников и научной литературы, предназначена для историков, филологов, культурологов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Чехии.

Лосский В. Н. «Отрицательное богословие и познание Бога у Майстера Экхарта» / Пер. с фр. и лат. Г. В. Вдовиной. — ИД Познание, 2022. — 800 с.

Эта книга стала знаковым событием в русской и французской духовной культуре XX в. Мерилом для В. Н. Лосского и его исследований западной духовной традиции всегда были позиции православного учения. Так, через своеобразный диалог восточной и западной традиций, достигается и большее уяснение истины Православия. Такой подход В. Н. Лосский использовал и в своей главной работе — сочинении «Отрицательное богословие и познание Бога в учении Майстера Экхарта», посвященном

онтологии и богословию средневекового мистика и философа Майстера Экхарта.

К сожалению, автор не успел завершить свой многолетний труд, опубликованный во Франции уже после его кончины, в 1960 г.

Путь книги к русскому читателю оказался гораздо более долгим и непростым. Перевод первых двух глав был обнаружен в архиве периодического издания «Богословские труды» без указания имени переводчика. Редакция «Богословских трудов» подготовила найденный текст к печати и опубликовала его в сопровождении двух предисловий из французского издания. Следующие главы книги переводились Г. В. Вдовиной уже специально для «Богословских трудов» и публиковались в течение нескольких лет.

Но в полном варианте книга В. Н. Лосского выходит на русском языке только сейчас. Для настоящего издания были заново переведены с французского оба предисловия и две первые главы, сверены и отредактированы переводы остальной части текста.

Научный электронный журнал
Философические письма. Русско-европейский диалог
2022. Т. 5, № 3

ISSN: 2658-5413

Журнал основан в 2018 году.
Периодичность: 4 раза в год

Учредитель и издатель — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 77668 от 17 января 2020 года

Главный редактор *В. К. Кантор*
Зам. главного редактора *М. С. Киселева*
Ответственный секретарь *А. А. Доронина*
Шеф-редактор *С. М. Малков*
Научный редактор *О. А. Жукова*
Серийное оформление *П. П. Ефремов*
Верстка *И. Ю. Кротов*
Корректор *М. В. Нагришко*

Публикуемые материалы прошли процедуры рецензирования
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация,
105066, Москва, ул. Старая Басманная,
д. 21/4, стр. 1, каб. 217
Телефон: +7 (495) 772-95-90 доб. 12786
E-mail: philletters@hse.ru
Сайт: <https://phillet.hse.ru>

Номер вышел в свет
16 сентября 2022 года.